

Эдвард Эштон

МИККИ

7

Как далеко ты зайдешь,
чтобы выжить?

Эдвард Эштон

МИККИ

7

Как далеко ты зайдешь,
чтобы выжить?

Annotation

Что такое человек: совокупность костей, мышц и нервных окончаний, своего рода биоробот, — или в основе всего лежит личность? Что такое бессмертие: благо или проклятие — если умирать иногда приходится по несколько раз на дню? Что важнее: следовать протоколу или просто жить? Такие непростые вопросы встают перед Микки Барнсом, сбжавшим от долговой кабалы в новую колонию людей на затерянной в космосе планете.

Фантастический роман Эдварда Эштона выходит за рамки жанра, поднимаясь до философии уровня «Соляриса» и «Марсианина», но при этом оставаясь понятным и близким любому мыслящему существу.

- [Эдвард Эштон](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Эдвард Эштон

Микки-7

Посвящается Джен.

Ничего подобного никогда не произойдет... если ты, конечно, случайно не уничтожишь цивилизацию.

Так глупо я еще не умирал.

Сейчас ровно 26:00, я лежу на спине, растянувшись на жестком каменном дне, и меня окружает тьма настолько плотная, что поначалу кажется, будто я ослеп. Долгие пять секунд окуляры пытаются поймать случайные фотоны в ультрафиолетовом излучении, но сдаются и переключаются на инфракрасное. Рассматривать тут по-прежнему нечего, но теперь я хотя бы вижу над собой потолок пещеры, бледно мерцающий серым в невидимом спектре, и черный, обрамленный зубцами ледяной корки зев дыры, в которую я провалился.

Вопрос: что, черт возьми, произошло?

Воспоминания последних минут обрывочны: и основном разрозненные визуальные образы и звуки. Помню, как Берто сбросил меня на край ледниковой расселины. Помню, как спускался среди снежных торосов. Помню, как шел. Помню, как посмотрел наверх и увидел вмерзший в лед южной стены на высоте тридцати метров обломок скалы, похожий на обезьянью голову. Это вызвало у меня улыбку, а потом... потом я ощутил пустоту под левой ногой и полетел вниз.

Сукин сын — не смотрел, куда иду. Загляделся на дурацкий камень в форме обезьяньей башки, мысленно представляя, как буду описывать его Нэше, когда вернусь домой, и свалился в расщелину.

Наиглупейшая смерть.

Тело сотрясает дрожь. Даже наверху, пока я двигался, мороз был адский. А теперь, когда я лежу на каменном основании горы, холод просачивается сквозь скафандр и два слоя термобелья, пробираясь от корней волосков сквозь кожу и мышцы до самых костей. Я снова вздрагиваю, и меня пронзает резкая боль, отдающая от левого запястья в плечо. Опускаю взгляд. Так и есть: на стыке между перчаткой и внешним термокостюмом рука неестественно раздулась. Я начинаю стаскивать перчатку, надеясь, что холод поможет уменьшить отек, но еще один приступ боли пресекает мой эксперимент в зародыше. Не успеваю я пошевелить пальцами, чтобы сжать руку в кулак, как боль усиливается стократно и ослепляет белой вспышкой.

Наверное, ударился при падении. Перелом? Возможно. Растяжение? Наверняка.

Однако боль означает, что я все еще жив, ведь так?

Я медленно сажусь, мотаю головой, чтобы разогнать туман, и моргаю, активируя экран коммуникатора. Вряд ли я поймаю передатчики колонии, слишком далеко, но Берто, наверное, все еще поблизости, потому что я улавливаю слабый намек на сигнал. Недостаточный, чтобы передать голосовое или видеосообщение, но текстовое, скорее всего, пройдет.

<Микки-7>: Берто, прием.

<КрасныйЯстреб>: Прием подтверждаю. Живой?

<Микки-7>: Пока да. Но застрял.

<КрасныйЯстреб>: Кроме шуток. Я видел, что произошло. Ты шагнул прямо в провал.

<Микки-7>: Это я уже понял.

<КрасныйЯстреб>: Микки, там была не просто ямка, а огромная дырища. Какого черта, приятель?

<Микки-7>: Я засмотрелся на скалу.

<КрасныйЯстреб>: ...

<Микки-7>: Она была похожа на обезьяну.

<КрасныйЯстреб>: Дурацкая смерть.

<Микки-7>: Ну это если я умру. Кстати, ты вообще собираешься меня спасти?

<КрасныйЯстреб>: Э-э-э... нет.

<Микки-7>: Ты серьезно?

<КрасныйЯстреб>: Вполне.

<Микки-7>: И почему?

<КрасныйЯстреб>: Потому что я сейчас кружу на высоте не больше двухсот метров над тем местом, где ты провалился, и даже так твой сигнал едва пробивается наружу. Ты глубоко под землей, друг мой, и мы находимся на территории ползунов. Вытащить тебя возможно, но лишь с немалыми усилиями и огромным риском — неоправданным ради спасения расходника, усек?

<Микки-7>: Ясно. А ради спасения друга?

<КрасныйЯстреб>: Микки, брось. Удар ниже пояса. Ты же не умираешь... по-настоящему. Я вернусь под купол и сдам рапорт, что ты пропал без вести. При исполнении обязанностей. Маршалл в

любом случае одобрит твою регенерацию. Завтра же выберешься из бака и будешь снова спать в своей постели.

<Микки-7>: Отличный план. Для тебя, конечно. А мне тем временем подышать в этой дыре.

<КрасныйЯстреб>: Да, полный отстой.

<Микки-7>: Отстой? И это все, что ты можешь сказать?

<КрасныйЯстреб>: Прости, Микки, а чего ты хотел? Мне жаль, что тебе придется умереть, но, в конце концов, это и есть твоя работа, правда?

<Микки-7>: Я даже не обновлен до текущей версии. Не загружался больше месяца.

<КрасныйЯстреб>: А вот в этом... не я виноват. Но ты не волнуйся. Я помогу тебе восполнить пробелы в памяти. У тебя накопилась какая-нибудь личная информация с последнего обновления, которая может понадобиться в будущем?

<Микки-7>: Гм... Да вроде нет.

<КрасныйЯстреб>: Отлично. Тогда договорились.

<Микки-7>: ...

<КрасныйЯстреб>: Эй, Микки? Порядок?

<Микки-7>: Угу, порядок. Спасибо тебе, Берто. Большое спасибо.

Я отвожу взгляд от экрана, прислоняюсь к каменной стене и прикрываю глаза. Не верится, что трусливый ублюдок и не собирался меня спасать.

Да кого я обманываю. Очень даже верится.

Так, и что дальше? Сидеть и ждать смерти? Я не знаю, сколько кувыркался в воздухе, пока не рухнул на дно этой... чем бы это ни было. Может, пролетел метров двадцать. Но, судя по уклончивым намекам Берто, могли быть и все сто. Пролом, куда я провалился напоследок, невысоко, в трех метрах надо мной. Но даже если я смогу до него дотянуться, с вывихнутой рукой мне не выбраться наружу.

При моем роде занятий много времени проводишь в размышлениях о разных способах умереть — конечно, когда не переживаешь один из них на практике. Замерзнуть насмерть мне еще не доводилось. Хотя, несомненно, я обдумывал такой вариант. Странно было бы упустить его из виду, учитывая, что мы высадились на этот забытый богом ледяной шар. По сравнению с другими способами это несложно. Постепенно коченеешь, тебя клонит в сон, потом засыпаешь

и не просыпаешься — только и всего. Не самая плохая смерть. Я уже начинаю задремывать, когда слышу писк сигнала окуляров и моргаю, чтобы ответить.

<ЧерныйШершень>: Привет, Мик!

<Микки-7>: Привет, Нэша! Чем могу тебе помочь?

<ЧерныйШершень>: Оставайся на месте. Я уже в воздухе. Буду через двадцать минут.

<Микки-7>: С тобой связался Берто?

<ЧерныйШершень>: Да. Он считает — тебя не вытащить.

<Микки-7>: Но?

<ЧерныйШершень>: Но ему просто не хватает мотивации.

Странная штука надежда. Тридцать секунд назад я был уверен на сто процентов, что умираю, и не испытывал страха. А теперь сердце колотится, в ушах шумит, и я мысленно пробегаю по списку того, что может пойти не так, если Нэше все же удастся установить лебедку и предпринять попытку спасти меня. Вдруг на дне расщелины не хватит места для опоры? А если хватит, сумеет ли Нэша найти провал? А если сумеет, хватит ли длины троса, чтобы поднять меня наверх?

И даже если все получится... ее действия могут спровоцировать нападение ползунов!

Вот дерьмо.

Нет-нет-нет!

Я не могу ей этого позволить.

<Микки-7>: Нэша?

<ЧерныйШершень>: Да?

<Микки-7>: Берто прав. Меня не достать.

<ЧерныйШершень>: ...

<Микки-7>: Нэша?

<ЧерныйШершень>: Ты уверен, милый?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и выдох. Мне всего лишь предстоит ненадолго наведаться в бак, верно?

<Микки-7>: Да, уверен. Я провалился глубоко под землю и здорово покалечился при падении. Честно говоря, даже если ты меня вытащишь, меня все равно спишут в расход.

<ЧерныйШершень>: ...

<ЧерныйШершень>: Ладно, Микки. Тебе решать.

<ЧерныйШершень>: Но ты ведь знаешь, что я попыталась бы тебя вытащить?

<Микки-7>: Да, Нэша. Знаю.

Она умолкает, а я наблюдаю, как поднимается и опадает шкала приема. Нэша кружит над местом падения, проводит триангуляцию. Пытается засечь точные координаты моего сигнала.

Надо это прекратить.

<Микки-7>: Лети домой, Нэша. Я отключаюсь.

<ЧерныйШершень>: Ох...

<ЧерныйШершень>: Ладно...

<ЧерныйШершень>: Как ты собираешься это сделать?

<Микки-7>: Что?

<ЧерныйШершень>: Уйти, Микки. Я не хочу, чтобы ты мучился, как Пятый. Оружие у тебя есть?

<Микки-7>: Не-а. Выронил огнемет при падении. Но если честно, я все равно не стал бы приканчивать себя с его помощью. Наверное, это быстро, но...

<Черный Шершень>: Да, наверное, не стоит. А как насчет ножа? Или ледоруба?

<Микки-7>: Нет и еще раз нет. Да и как ты себе представляешь самоубийство ледорубом?

<ЧерныйШершень>: Не знаю. Он же острый, да? Им можно тюкнуть себя по лбу, ну или как-то так.

<Микки-7>: Слушай, Нэша, я понимаю, ты пытаешься помочь, но...

<ЧерныйШершень>: Можно разгерметизировать ребризер. Не знаю, что убьет тебя первым: низкое содержание кислорода или высокое — углекислого газа, но в любом случае через несколько минут все будет кончено.

<Микки-7>: Да, такого я еще не пробовал, но мне кажется, что медленное удушение — не моя фишка.

<ЧерныйШершень>: Тогда что ты собираешься сделать?

<Микки-7>: Планирую замерзнуть насмерть.

<ЧерныйШершень>: Да, должно сработать. Мирная кончина, правда?

<Микки-7>: Надеюсь.

Индикатор сигнала резко падает и дрожит возле нулевой отметки. Наверное, Нэша зависла на самом краю зоны приема.

<ЧерныйШершень>: Слушай, а ты загружен?

<Микки-7>: Несколько недель не обновлялся.

<ЧерныйШершень>: Почему не загружал данные?

Меньше всего мне сейчас хочется отвечать на этот вопрос.

<Микки-7>: Наверное, просто лень было.

<ЧерныйШершень>: ...

<ЧерныйШершень>: Милый, мне ужасно жаль. Честно.

<ЧерныйШершень>: Хочешь, я останусь на связи?

<Микки-7>: Нет. Процесс может затянуться, а правила тебе известны: если убьешься на задании, обратно не приходи. Тебе нужно вернуться под купол.

<ЧерныйШершень>: Ты уверен?

<Микки-7>: Да, уверен.

<ЧерныйШершень>: Люблю тебя, Мик! Когда завтра увидимся, непременно расскажу, что сегодня ты погиб как профи.

<Микки-7>: Спасибо, Нэша! Я тоже тебя люблю.

<ЧерныйШершень>: Пока, Микки!

Я моргаю и закрываю окно коммуникатора, потом слежу, как уровень сигнала Нэши сползает до нуля. Берто уже давно вне зоны приема. Я смотрю вверх. Отверстие провала зияет надо мной, как дырка в жопе дьявола, и неважно, загружен я или нет, но внезапно мысль о смерти вызывает у меня протест. Я трясую головой и поднимаюсь на ноги.

* * *

Вот вам мысленный эксперимент: представьте, что, ложась спать, вы не просто засыпаете. А умираете. Вы умираете, а утром на вашем месте просыпается кто-то другой. Он обладает всеми вашими воспоминаниями. Всеми надеждами, мечтами, страхами и желаниями. Он думает, что он — это вы, и так же считают все его друзья и родные. Однако он — не вы, а вы — не тот парень, что отправился спать вчера вечером. Вы существуете с того момента, как проснулись сегодня утром, и ваше существование прекратится, когда вечером вы снова

закроете глаза. Спросите себя: что изменится от этого в вашей жизни? Сможете ли вы вообще почувствовать разницу?

А теперь вместо «уснул» подставьте «разбился, испарился, сгорел», и вы получите полное представление о моей жизни. Проблемы с ядерным реактором? Я тут как тут. Нужно протестировать новую неопробованную вакцину? Дайте две. Сварганили в самогонном аппарате абсент и боитесь отравиться? Я хлопну стакан за ваше здоровье, ублюдки. А если сдохну, вы всегда сможете сделать нового меня.

Светлая сторона бесконечного цикла умираний заключается в пусть дерьмовом, но бессмертии. Я не просто помню, что делал Микки-1. Я помню, как был им. Помню всё, кроме, может, последних минут его жизни. Он — я — умер из-за пробоины в корпусе корабля во время перелета. Микки-2 проснулся спустя несколько часов в полной уверенности, что ему тридцать один год и родился он не здесь, а на Мидгарде. И как знать — может, он был прав. Может, его глазами на мир смотрел тот самый первоначальный Микки Барнс. Как тут проверишь? И возможно, если сейчас я лягу на каменное дно расщелины, закрою глаза и разгерметизирую скафандр, то завтра утром проснусь уже Микки-8.

Но почему-то я в этом сомневаюсь.

Допустим, Нэша и Берто даже не заметят разницы, но на глубоко бессознательном уровне сам я буду точно знать, что умирал. И умер.

* * *

Здесь, внизу, я не могу засечь ни одного фотона в видимом спектре, но окуляры улавливают достаточно коротких инфракрасных волн — хватает, чтобы осмотреться. Оказывается, из центральной пещеры расходится с полдюжины туннелей. И все они ведут наклонно вниз.

Так быть не должно.

Это противоречит всем данным.

Туннели напоминают старые русла, по которым текли потоки раскаленной лавы, но, согласно наблюдениям с орбиты, в радиусе тысячи километров от этого места никакой вулканической активности

нет и быть не может. Ее отсутствие было одним из доводов в числе прочих в пользу выбора места для первой базы — даже несмотря на сильную удаленность от экватора, где дерьмовый климат этой дурацкой планеты все-таки чуть получше, чем здесь. Я медленно обхожу пещеру. Все туннели выглядят одинаково: круглого сечения, около трех метров в диаметре. Из глубины исходит слабое свечение, и рациональная часть рассудка подсказывает, что тут явно имеет место перепад температур: в туннелях теплее, — в то время как первобытная часть мозга вопит, что они ведут напрямик в ад. Между входами в любые два соседних туннеля я насчитываю ровно по шесть шагов.

И это тоже неправильно.

Но тратить время на беспокойство бессмысленно. Я выбираю туннель и шагаю внутрь.

Однако после получаса пути меня начинают одолевать сомнения: возможно, все-таки стоило предупредить Нэшу, что я вовсе не собираюсь сидеть и ждать смерти. Тогда она смогла бы уговорить Берто придержать рапорт о моей пропаже без вести до того момента, когда я действительно погибну — если вообще погибну. Морально-этические нормы Альянса весьма растяжимы, но на заре биопечати новых тел и загрузки личностей произошло несколько неприятных инцидентов, поэтому сейчас в большинстве колоний лучше оказаться серийным убийцей или похитителем детей, чем стать мультиклоном.

Я открываю окно коммуникатора, но, конечно, сигнал здесь вообще не проходит. Между мной и поверхностью лежит толща скальной породы. Наверное, это и к лучшему. Я уверен, Нэша не стала спасать меня лишь потому, что я наплел ей о множественных переломах при падении. Если бы она знала, что я могу передвигаться самостоятельно и повреждения ограничиваются шишкой на голове да растянутым запястьем, она бы немедленно развернулась и предприняла попытку вытащить меня, хочу я того или нет.

Я не могу этого допустить. Нэша — лучшее, что случилось в моей жизни за последние девять лет, и если она погибнет из-за меня, я не смогу ужиться сам с собой: совесть замучит.

Не смогу — а придется. Ведь я в самом прямом смысле слова не способен умереть. Во всяком случае, так, чтобы оставаться мертвым.

Так или иначе, теперь Нэша вряд ли сможет меня найти, даже если захочет. Здесь, внизу, что-то вроде муравьиной фермы с

ответвляющимися туннелями через каждые десять метров. Я старался выбирать те, которые вроде бы ведут наверх, а не вниз, но, похоже, не слишком преуспел и теперь понятия не имею, в каком направлении вообще двигаюсь.

Есть лишь один положительный момент: я наконец перестал дрожать от холода. Сначала мне показалось, что это эффект прогрессирующей гипотермии, но инфракрасное свечение стен равномерно усиливается, и теперь я почти уверен: чем глубже я спускаюсь, тем теплее становится вокруг. Я даже слегка вспотел.

Пока ничего страшного, но если отыщется выход на поверхность, придется разгоряченным выйти на мороз. Когда я проломил ледяную корку, которой было затянато устье дыры, и провалился вниз, снаружи было минус десять. Ночами же температура здесь падает до тридцати градусов ниже нуля, и ветер дует не переставая. Даже если я найду путь наверх, имеет смысл оставаться внизу до восхода солнца.

* * *

Я грежу наяву, задумавшись о Нэше, как вдруг слышу дробный стук. Будто горсть камешков раскатилась, подпрыгивая, по гранитному полу, только этот звук начинается и прерывается произвольно; затихает, а потом раздается снова. Я бросаюсь вперед без оглядки. Мне уже ясно, что туннели отнюдь не естественного происхождения. Не знаю, какое норное животное способно пробурить трехметровые ходы в монолитной скальной породе, но, кем бы оно ни оказалось, встречи с ним я точно не хочу.

Чем дальше я продвигаюсь вперед, тем чаще и ближе раздается шум. Я все ускоряю и ускоряю шаги, пока не перехожу почти на бег. Минуя боковое ответвление туннеля, я вдруг понимаю, что уже не могу распознать, откуда доносится звук, сзади или спереди. Я резко останавливаюсь и оборачиваюсь.

И оно прямо позади меня — так близко, что можно дотронуться.

На вид оно похоже на ползуна, что и неудивительно. Сегментированное тело; на каждый сегмент приходится по паре ног, оканчивающихся твердыми острыми когтями. Жвала, однако, совсем другие. У ползунов всего одна пара жвал на переднем сегменте. У

этого зверя их две: одна, подлиннее, расположена параллельно земле; вторая, покороче, — перпендикулярно первой. Как и у ползунов, за жвалами у этой твари прячутся конечности для захвата пищи и круглая, утыканная зубами пасть.

Есть и еще несколько важных отличий. Ползуны полностью белые — вероятно, стали такими в ходе эволюции, чтобы сливаться окраской со снегом. А эта тварь, полагаю, при обычном освещении окажется черного или коричневого цвета, хотя в инфракрасном свете трудно сказать наверняка.

Ну и конечно же, ползуны достигают примерно метра в длину и весят пару десятков килограммов, в то время как мой новый друг в ширину больше моего роста, а его истинные размеры я могу только предполагать, потому что его тело простирается в глубь туннеля, насколько хватает глаз.

Напасть или спастись бегством? Ни одна из инстинктивных реакций в этой ситуации не поможет. Я поднимаю руки вверх, показываю открытые ладони и медленно отступаю назад. Это вызывает ответную реакцию. Тварь встает на дыбы и широко раздвигает обе пары челюстей. Хватательные щупальца тянутся ко мне. Язык тела. Наверное, для подобного создания мои поднятые руки и растопыренные пальцы выглядят угрожающе. Я роняю руки вдоль тела и делаю еще один шаг назад. Оно подползает ближе; передняя часть туловища раскачивается взад-вперед, как голова кобры. В мозгу мелькает мысль, что надо было послушаться Нэшу, разгерметизировать скафандр и позволить местной атмосфере сделать свое дело, потому что быть сожранным гигантской многоножкой — не тот способ смерти, который я сам для себя избрал бы. И в этот момент тварь совершает бросок.

Челюсти защелкиваются на мне быстрее, чем я успеваю дернуться: одна пара хватает меня между ног и поверх правого плеча, вторая — вокруг пояса. Ползун отрывает меня от земли и придерживает хватательными конечностями. На расстоянии чуть меньше метра от меня ритмично раскрывается и сжимается его пасть. Она утыкана холодными черными зубами, ряд за рядом исчезающими и глубине жаркой, как топка, глотки.

Однако он не тащит меня в рот. Просто поднимает и продолжает двигаться вперед.

Его хваталки сгибаются в суставах совсем как руки и оканчиваются пучками щупалец, похожих на пальцы с длинными, двухсантиметровыми когтями. Поначалу я пытаюсь вырваться, но он держит мои руки в стальном захвате, крепко прижимая их к жвалам. Ноги у меня свободны, и теоретически я мог бы его пнуть, но мне ни до чего не дотянуться. Полагаю, он тащит меня к себе и гнездо. Может, скормит детенышам. Или угостит невиданным лакомством жену. Если бы я мог сейчас расстегнуть скафандр — сделал бы это, не раздумывая. Но увы, этот вариант теперь недоступен, поэтому я продолжаю болтаться в воздухе, представляя, как меня будут перемалывать челюсти жуткой твари.

Путешествие длится долго, и в какой-то момент я даже ловлю себя на том, что задремал. Будит меня клацанье зубов моего гигантского приятеля, и остаток поездки я провожу в созерцании того, как его клыки трутся друг о друга в круглой пасти, раскрывающейся и сжимающейся наподобие морского анемона. Странно завораживающее зрелище. Зубы у него то ли постоянно растут, то ли регулярно выпадают и заменяются новыми, потому что сейчас они явно мешают друг другу.

Понаблюдав за ними некоторое время, я замечаю: трутся они под таким углом, что затачиваются друг о друга.

Наконец мы останавливаемся посреди пещеры наподобие той, в которую я провалился. Ползун пересекает открытое пространство и сует голову в маленький боковой туннель. Я выворачиваю шею, пытаюсь оглянуться. Похоже, метров через двадцать проход оканчивается тупиком. Семейная кладовая для припасов? Он ставит меня ногами на землю, разжимает челюсти. А затем легонько подталкивает вперед хваталками и убирает голову из туннеля.

Я не совсем понимаю, что происходит, но мне хочется оказаться как можно дальше от этой твари. Я шагаю по туннелю вперед. Стена в конце него какая-то странная. Через несколько секунд до меня доходит, что мои окуляры впервые за много часов переключились в режим работы в видимом спектре.

Я подхожу к стене в конце туннеля, и оказывается, что она не из камня. Это слежавшийся снег. Я упираюсь в нее пятерней и толкаю. Кусок снега с полметра шириной вываливается наружу. В отверстие льется дневной свет.

В этот момент я внезапно вспоминаю, как однажды, когда мне было девять, я гостил у бабушки в деревне, дома, на Мидгарде. Было солнечное весеннее утро, и у себя в спальне я поймал паука. Я запер его в сложенных лодочками ладошках, сбежал по лестнице и выскочил во двор, чувствуя, как пленник скребется внутри своими цепкими лапками. Потом я присел на корточки в саду перед домом, опустил руки к земле и разжал их. Когда паук бросился наутек, я почувствовал себя всеблагим и милостивым богом.

Сквозь отверстие в стене виден запорошенный снегом купол нашей центральной базы, всего в паре километров отсюда. Я паук. Паук, которого тварь из туннеля только что выпустила в сад.

* * *

Едва выбравшись наружу, я пытаюсь связаться с Берто, потом с Нэшей. Ни один не отвечает. Что и неудивительно. Еще рано, и оба, наверное, только вернулись с ночного дежурства. Интересно, Берто сразу доложил о моей гибели или решил дождаться утра? И сколько времени обычно проходит между рапортом о смерти и восстановлением? Сам я никогда при этом не присутствовал, поэтому не представляю сроков, но, как мне кажется, они невелики. Я подумываю оставить Берто голосовое сообщение, но в последний момент что-то меня останавливает. Если вчера, вернувшись, он отправился напрямик в койку, я смогу отчитаться ему лично. А если нет... вот честно, даже не знаю, как будут развиваться события в таком случае, но меня одолевает смутное предчувствие, что пока лучше придержать информацию о своем текущем статусе при себе.

Путь до периметра базы занимает целый час, потому что приходится брести по колено в рыхлом снегу. Несмотря на это, утро для разнообразия выдалось прекрасное. Температура чуть выше нуля, впервые почти за неделю. Ветер стих, безоблачное небо окрасилось нежно-розовым цветом, а солнце жирным красным шаром зависло над южным горизонтом.

Охранный периметр установлен примерно в ста метрах от купола — сенсорные башни, вышки с автоматическими огнеметами, капканы, ловушки, весь фарш. Никогда не понимал, в чем смысл, ведь

единственные крупные животные на планете — ползуны, а они умеют передвигаться под снегом, где их не способны засечь никакие наши датчики. Полагаю, это просто стандартная процедура.

На КПП перед главным шлюзом сегодня дежурит Гейб Торичелли. Туповатый здоровяк-охранник, но для громилы неплохой парень. На нем полный комплект усиленного боевого снаряжения, только без шлема. Он похож на перекачанного бодибилдера с крошечной головой.

— Микки! — восклицает он. — Такая рань, а ты уже на ногах.

Я пожимаю плечами:

— Да вот, совершаю утренний моцион. А что с экипировкой? Мы объявили кому-то войну, пока я ползал в расщелинах?

Гейб ухмыляется:

— Пока нет. Часовые могут выбирать снарягу по своему усмотрению. Мне просто нравится, как я в ней выгляжу. — Он машет рукой в ту сторону, откуда я пришел: — Маршалл так и гоняет тебя на разведку к подножиям гор?

— Ага. Нет смысла рисковать ценным оборудованием на черной работе, когда под рукой есть я.

— Ты прав. Видел там что-нибудь интересное?

О да, Гейб. Видел ползуна размером с грузовой шаттл. Он принес меня обратно к куполу и отпустил. И я убежден, что он разумное существо. Круто, правда?

— Не-а. Ничего, кроме камней и снега, — отвечаю я.

— Ну как обычно. Командор только зря тратит наше время на эту херню, или я не прав?

Хм. Гейбу скучно, и он не прочь потрепаться. Пора это пресечь.

— Слушай, — говорю я, — я бы и рад с тобой поболтать, но нужно идти, у меня там... дело с утра пораньше.

Ухмылка сползает с лица охранника.

— Да, конечно, — говорит он. — Пропуск я у тебя, понятно, спрашивать не буду.

— Да, — киваю я. — Это ни к чему.

Он достает планшет, что-то вбивает в него и, махнув рукой, выпускает меня внутрь купола. Вот и славно. Это означает, что никто пока не зарегистрировал на КПП Микки-8. Ленъ Берто уберегла меня от очередных неприятностей. С другой стороны, из-за его лени я и оказался в такой ситуации. Конечно, мое спасение требовало усилий, а

все-таки он мог бы поднапрячься, подтянуть оборудование и вытащить меня еще вчера вечером.

Нэше я бы не позволил поставить на кон жизнь ради моего спасения, но Берто? Изъяви он такое желание, я бы голосовал обеими руками.

Конечно, весь смысл расходников в том и заключается, что за ними не нужно возвращаться. Но вне зависимости от того, чем все закончится, мне стоит пересмотреть свои критерии выбора лучших друзей.

Первым делом — к себе в отсек. Мне нужно переодеться, помыться и наложить компрессионную повязку на кисть. Прошло уже много времени, рука вряд ли сломана, но запястье посинело и раздулось; вероятнее всего, еще несколько недель оно будет причинять неудобство. А дальше нужно найти Берто и проследить, чтобы он не совершил очередной глупости. Нэше тоже стоит маякнуть — предупредить, что я все же выбрался.

И, наверное, поблагодарить за проявленное желание спасти меня.

Я прохожу по главному коридору две трети помещения базы, потом взбираюсь по голой металлической спиральной лестнице на четвертый этаж в трущобы. Здесь, под самой крышей, расположены отсеки низкорангового персонала: десятки клетушек два на три метра с тонкими пенопластовыми дверями, отделенные друг от друга штампованными пластиковыми перегородками. Моя берлога находится почти в центре купола. У меня двойной номер, и над головой достаточно места, чтобы вытянуть руки вверх, не упираясь в потолок, — вероятно, одна из привилегий моего статуса расходника. Говорят, ацтеки тоже пылинки сдували со своих отборных красавчиков — до того момента, пока не приходило время втащить их на жертвенный алтарь и вырезать у них из груди сердце.

Я начинаю подозревать неладное, когда пытаюсь открыть замок. Дверь не заперта. Я толчком распахиваю ее, сердце выбивает в груди барабанную дробь. Кто-то лежит на моей кровати, натянув одеяло до подбородка. Волосы у спящего прилипли ко лбу, лицо измазано чем-то вроде засохших соплей. Я делаю два шага вперед и захлопываю дверь. От лязга защелки человек резко просыпается.

— Привет, — говорю я.

Он садится в постели и трет ладонью лицо.

— Что за... — Взглянув на меня, он широко распахивает глаза и договаривает: — ...дерьмо. Я Микки-восемь, да?

К этому моменту моего рассказа вы, наверное, гадаете, что же я такого натворил, раз меня записали в расходники. Наверняка что-то ужасное. Скорее всего, убил щенка. Или столкнул старушку с лестницы.

Нет и еще раз нет. Можете мне не верить, но я вызвался добровольно.

Когда тебя обхаживают, вербуя в расходники, никто не называет тебя расходником. Тебе продают идею бессмертия. Согласитесь, звучит намного лучше.

Не хочу показаться идиотом. Я более-менее представлял, во что ввязываюсь, когда ставил отпечаток большого пальца на контракте. Сидя в офисе рекрутера на Мидгарде, я полностью выслушал все условия игры. Вербовщицу звали Гвен Йохансен: высокая, плотного сложения блондинка с невыразительным лицом и таким скрежещущим голосом, будто она завтракает гравием. Йохансен сидела за столом, уставившись в планшет, и читала с экрана список действий, которые могут от меня потребоваться и тем самым привести к смерти моего настоящего тела.

Внешняя починка корпуса корабля при межзвездных перелетах была в списке — наряду с контактами с любой местной флорой и фауной, с медицинскими экспериментами, военными действиями против противника, с которым мы можем столкнуться, и так далее и тому подобное до бесконечности, так что в какой-то момент я просто отключился и перестал слушать. Голая правда заключалась в том, что не имело значения, как со мной поступят. Если я хотел получить место в экспедиции, выбора у меня не было. Я не пилот. Не медик. Не генетик, ботаник или ксенобиолог. Меня не взяли бы даже на роль без слов. Я не обладал никакими практическими навыками — но мне очень-очень нужно было убраться с Мидгарда к чертовой матери, и как можно скорее. Это был первый корабль с колонистами, снаряженный со времен первого нашего приземления двести лет тому назад, и у меня оставался единственный шанс обеспечить себе место в команде: завербоваться в расходники.

Я знал, что, сдав образцы биоматериала и позволив выгрузить свои данные, сразу окажусь первым в очереди на самую опасную работу, которая под силу лишь самоубийцам. Чего я так до конца и не осознал — даже прослушав бесконечную литанию в исполнении Гвен, — что опасной самоубийственной работы в месте высадки колонистов на плацдарм будет бескрайнее море, а выдергивать меня для ее выполнения будут крайне часто. Казалось бы, большую часть тупых заданий можно выполнить дистанционно, с помощью радиоуправляемых механизмов: скажем — что уж далеко ходить за примерами, приведу ближайший, — исследовать предположительно нестабильные расщелины в горах, населенные предположительно плотоядной местной фауной. На Мидгарде обычно так и поступают, вот почему я думал, что мое назначение окажется относительной синекурой.

Однако выяснилось, что существует целый ряд агрессивных воздействий, в основном касающихся облучения повышенными дозами радиации, но ими не ограничивающийся, которые человеческое тело способно выдерживать намного дольше, чем любой механизм, не говоря уже о различных медицинских экспериментах, которые и вовсе невозможно провести на роботах. Более того, на чужой планете, в ограниченных условиях колонии, расходника гораздо проще восстановить, чем любую технику. Здесь нет и еще долгое время не будет ни масштабной добычи полезных ископаемых, ни тяжелой промышленности. А пока их нет, любой потерянный кусок металла потерян навсегда. В то время как биоматериал для воссоздания нового меня вполне обеспечит развитое сельское хозяйство.

Не то чтобы мы в нем преуспели. Вырастить на Нифльхейме растения в открытом грунте за пределами купола — серьезная долгосрочная задача; некоторые элементы в составе микробиоты местной почвы затрудняют выращивание растений даже в теплицах, но теоретически эту сложность можно преодолеть в обозримые сроки.

Когда Гвен закончила перечислять то ужасное, что может со мной произойти, — а с тех пор многое из списка и впрямь со мной произошло, — она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и молча уставилась мне в глаза, отчего я почувствовал себя неудобно.

— Итак, — наконец произнесла она. — Вы ознакомлены с условиями. Они вас удовлетворяют? Уверены, что вам понравится

такая работа?

Я улыбнулся как можно более уверенно и сказал:

— Да, думаю, она мне подходит.

Она продолжила пристально разглядывать меня, пока у меня пот на лбу не выступил. Я ведь упомянул, что мне очень-очень нужна эта работа? Я уже собирался открыть рот и начать рассказывать, как я люблю рисковать, просто хлебом не корми, и вообще могу выжить в любых, самых трудных обстоятельствах, как вдруг она наклонилась вперед и спросила:

— Вы и вправду полный дебил?

Я даже отпрянул.

— Нет, — пробормотал я. — Во всяком случае, я так не считаю.

— Вы ведь слышали все, что я рассказала? Полный список?

Я кивнул.

— То есть, когда я говорила «лучевая болезнь», вы поняли, что это означает. И поняли, что я имела в виду, когда говорила, что вас могут обязать выполнять работу, из-за которой вы подвергнетесь смертельной дозе ионизирующего излучения. И что это приведет к развитию таких симптомов, как лихорадка и жар, ваша кожа покроется сыпью и мокнущими волдырями, внутренние органы начнут разжижаться и будут на протяжении нескольких дней вытекать через анальное отверстие, и в результате, как мне объяснили, все это приведет к чрезвычайно мучительной смерти. Вы ничего не упустили?

— Нет, — сказал я. — Но ведь в действительности ничего подобного не случится?

— Напротив, — возразила она. — С большой вероятностью именно это и случится.

Я помотал головой.

— Понятно, что я могу подвергнуться облучению и чему угодно, но зачем выносить бесконечную агонию и терпеливо ждать мучительного конца? Я ведь могу просто покончить с собой, разве нет? Принять пилюлю, закрыть глаза и проснуться новой версией себя. Насколько я понимаю, для этого и придумали резервное копирование, так?

— Да, — согласилась Гвен. — Это первое, что приходит на ум. Но факты, к сожалению, подтверждают, что большинство расходников на это не идут.

Я ждал, что Гвен продолжит. А когда понял, что она не собирается ничего пояснять, спросил:

— Не идут на что?

Она вздохнула.

— На самоубийство. Насколько мне известно, это происходит крайне редко, несмотря на огромную практическую целесообразность. Очевидно, три часа учебных лекций не способны подавить выработывавшийся миллионами лет инстинкт самосохранения. Кто бы мог подумать. К тому же во многих случаях от расходника могут потребовать держаться до конца, хочет он сам того или нет. Взять, к примеру, медицинское исследование. Его невозможно прервать на середине преждевременной эвтаназией. То же касается исследования местных микроорганизмов. Командование должно точно знать, как они воздействуют на организм человека, и не позволит подопытному самоустраниться, пока не будут получены все данные. Это понятно?

Я кивнул. Честно говоря, я не ждал столь развернутого ответа. Гвен закинула голову и уставилась в потолок, а когда снова перевела на меня взгляд, мне показалось, будто она разочарована тем, что я все еще здесь.

— Итак, мистер Барнс, объясните мне, пожалуйста, что конкретно привлекает вас в данном предложении. — Она облокотилась о стол и подперла голову руками.

— Ну, — сказал я, — даже если я погибну разок-другой, по сути, я ведь стану бессмертным, так? Вы сами говорили.

Она снова вздохнула, еще громче.

— Да, так. Но вы и вправду идиот. Обычно мы против дискриминации, но в данном случае проблема в том, что расходник, который примет участие в миссии, имеет для экспедиции огромное значение. Даже такой очевидно простой ум, как ваш, требует немислимого объема для хранения данных. На создание его резервной копии понадобится отвести солидное количество ресурсов. Если вы согласитесь занять эту позицию, то во всей колонии вы единственный будете той личностью и тем биологическим телом, которые подлежат восстановлению. А это означает следующее: если что-то пойдет не так, вы можете остаться единственным живым человеком на всем «Драккаре», и на ваши плечи ляжет полная ответственность за тысячи пребывающих в стазисе человеческих эмбрионов, не говоря уже о

прочих материальных ценностях. Вы уверены, что хотите взвалить на себя такую ношу?

Я нервно улыбнулся Гвен. Она смерила меня еще одним долгим взглядом, потом откинулась на стуле, так что передние ножки оторвались от пола, заложила руки за голову и снова уставилась в потолок.

— Знаете, сколько претендентов подало заявку на эту должность?

— Э-э... нет, — проямлил я.

— Попробуйте угадать. Всего мы получили более десяти тысяч заявлений от желающих занять место в экспедиции. Только от пилотов, управляющих летательными аппаратами в атмосфере, поступило шестьсот запросов. Знаете, сколько в экспедиции мест для атмосферных пилотов?

Сейчас мне известен ответ, потому что Берто невзначай упомянул о конкурсе не меньше тысячи раз, стоило только нам спуститься с орбиты, но на тот момент я понятия не имел.

— Два, — сказала она. — У нас шестьсот заявлений от пилотов на два жалких места, и речь идет отнюдь не о любителях полетать по выходным. Каждый из этих шестисот обладает более чем необходимой квалификацией. Сам Мико Берриган изъявил желание возглавить физический отдел. Можете себе такое представить?

Я отрицательно покачал головой. Впрочем, я даже не представлял, кто вообще такой Мико Берриган, за исключением того факта, что, по-видимому, он гениальный физик.

В этом я впоследствии убедился.

Убедился я также и в том, что Мико Берриган — полный мудака, но к рассказу это отношения не имеет.

— Суть в том, — продолжила Гвен, — что мы можем отбирать для экспедиции не просто подходящих кандидатов, а лучших из лучших. Наверняка для вас не секрет, что избрание для высадки и основания колонии на другой планете — великая честь, многим ни разу в жизни не представится возможность исполнить такую миссию. Если бы по странной прихоти нам захотелось сформировать команду «Драккара» из людей, у которых один глаз голубой, а другой зеленый, мы смогли бы укомплектовать состав экспедиции специалистами, которые все до одного отвечали бы требованию и при этом обладали должной квалификацией.

Она качнулась на стуле вперед, с грохотом уронив ножки на пол, и наклонилась ко мне через стол. Я с трудом сдержался, чтобы не вздрогнуть.

— Что возвращает нас к вопросу о расходнике. Знаете, сколько у нас соискателей на это место?

Я покачал головой.

— Один, — сказала она. — Вы единственный, кто сам подал заявление на эту должность. Мы всерьез подумывали просить Ассамблею назначить кого-нибудь в приказном порядке, пока вы не появились у меня на пороге. По результатам стандартизированного теста я могу сделать вывод, что вы не совсем глупый человек. Здесь вот написано... историк?

Я кивнул.

— Это что, профессия?

— Вообще-то, да. Во всяком случае, была... когда-то. Изучение истории может...

— Но разве любые известные исторические сведения не доступны каждому в любой момент времени?

Я снова кивнул.

— Тогда объясните, почему вы считаете себя более компетентным историком, чем, к примеру, я?

— Потому что я в действительности озаботился тем, чтобы ознакомиться с доступными историческими сведениями.

Она закатила глаза.

— И кто-то вам за это платит?

Я замешкался с ответом.

— Полагаю, фактически это скорее хобби, чем работа. — Йохансен неотрывно сверлила меня взглядом в течение пяти секунд, потом помотала головой и вздохнула. — Так или иначе, позиция, на которую вы сейчас претендуете, никакое не хобби. Это определенно работа, причем такая, с которой вы никогда не сможете уволиться. Вот скажите, мистер Барнс, тот факт, что ни один человек на целой планете не хочет такую работу, вам совсем ни о чем не говорит?

Она смотрела на меня, будто ждала ответа, но я, если честно, не представлял, как тут ответить. Наконец Гвен снова возвела глаза к потолку и подтолкнула ко мне по столу считыватель биоданных. Я прижал подушечку большого пальца к панели и почувствовал

крошечный укол, когда прибор извлек образчик ДНК. Йохансен придвинула машинку обратно и взглянула на дисплей.

— Могу я задать вопрос? — произнес я.

Она взглянула на меня с нечитаемым выражением лица.

— Конечно. Почему нет?

— Если никто не подал заявление на эту позицию, если вы думали принудить кого-то занять ее... почему тогда вы так упорно меня отговаривали?

Она снова опустила взгляд на планшет.

— Превосходный вопрос, мистер Барнс. Наверное, потому, что вы показались мне приличным молодым человеком, а я предпочла бы, чтобы эта работа досталась какому-нибудь мудаку. — Она встала, положила планшет на стол и протянула мне руку: — Впрочем, теперь неважно. Должность достается вам. Добро пожаловать на борт!

* * *

Гвен тоже могла бы задать мне один вопрос, но не задала: чем так ужасен Мидгард, что я готов пережить разрушение внутренних органов, лишь бы сбежать оттуда? Мидгард — неплохое место, если говорить о планетах, колонизированных три поколения назад. Он расположен в самом центре пояса Златовласки^[1] красного гиганта, который только что закончил поглощать свою внутреннюю систему. Из-за этого, вероятнее всего, колонистам с первого корабля пришлось заниматься терраформированием; работа — не позавидуешь. Зато у Мидгарда есть явное преимущество перед нашим сегодняшним домом: он никогда не был населен, поэтому там не пришлось иметь дело с высокоорганизованными местными существами. Уверен, что и с их расходником случались неприятные происшествия, но, по крайней мере, его не пожирали то и дело дикие звери.

Наклон оси Мидгарда несущественен настолько, что там нет заметной смены времен года. На экваторе тепло, у полюсов холодно, два широких мелководных океана со слабосоленой водой полностью разделены одним опоясывающим всю планету континентом. О перенаселении тоже речи не идет. В одном мегаполисе Земли, прародине человечества, жило больше людей, чем на всем Мидгарде.

Пляжи там красивые. Города чистые. Правительство выборное и занимается в основном вопросами экономики. Даже огромное красное солнце, заполняющее полнеба, совершенно меня не раздражало, хотя должен признать, что здешнее светило, маленькое и желтое, воспринимается более естественно.

Тогда в чем моя проблема? У вас, вероятнее всего, уже появилось несколько догадок, так что позвольте пробежаться по списку. Несчастливая любовь? Нет. У меня бывали девушки — и хорошие, и плохие, — но ни одна из них не оказалась настолько ужасной, чтобы заставить меня бежать с планеты, а в тот год перед первой загрузкой у меня вообще никого не было. Проблемы с деньгами? Едва ли вы всерьез рассматривали такую причину. Почти ни у кого на Мидгарде нет проблем с деньгами. Практически вся промышленность и сельское хозяйство автоматизированы, и правительство распределяет излишки доходов поровну между гражданами, как и на других планетах Альянса, за редким исключением. По всем измеримым параметрам Мидгард — настоящий рай.

Однако я не мог оставаться на Мидгарде. И, как ни парадоксально, по той же самой причине, по которой не мог с него сбежать. Я не ученый. Не инженер. У меня нет способностей к искусству, я не обладаю ни даром красноречия, ни умением развлекать. Я был и остаюсь человеком, который в прежние времена равнялся бы по рангу лаборанту или младшему сотруднику в научном учреждении. Я читал бы редкие книги, выуженные из забытых богом архивов, и писал статьи на малоинтересные темы, которые никто никогда не прочтет. А еще раньше — работал бы на заводе или в шахте, а то и служил в армии. На Мидгарде, к сожалению, нет места младшим научным сотрудникам. Как любезно напомнила мне Гвен, история доступна каждому. Достаточно моргнуть или прикоснуться пальцем к экрану, как окуляры или планшет мгновенно обеспечат доступ к любому знанию — не то чтобы кто-то на практике использовал эту возможность.

Никаких рабочих мест для людей ни на заводах, ни в шахтах, ни даже в армии на Мидгарде просто нет. Мое стандартное пособие позволяло мне иметь крышу над головой и еду на столе, но, как ни старался, я не мог отыскать в своем существовании ни малейшего

смысла. И если бы в одно прекрасное утро я шагнул вниз с балкона, в мире абсолютно ничего не изменилось бы.

Поэтому, как любой нормальный молодой человек, одолеваемый скукой в любой из исторических периодов, большую часть времени я посвящал тому, чтобы найти себе на жопу приключений.

— Что ж, — говорю я. — Похоже, у нас проблемы.

Я сижу за письменным столом, повернувшись к кровати. Восьмой сгорбился и сел, уронив лицо в ладони. Я понимаю его ощущения. Когда просыпаешься после резервуара, кажется, будто одновременно страдаешь от жутчайшего похмелья, средней степени проказы и в довершение — от кессонной болезни.

— Неужели? Да мы в полной заднице, Седьмой. Хуже, чем в заднице. Как ты мог это допустить?

Я вздыхаю, откидываюсь на спинку стула и растираю лицо руками.

— Ты о чем? О том, что Берто заранее записал меня в покойники, испугавшись, что его сожрут, и не стал меня спасать? Или о том, что я причинил всем кучу неудобств, оставшись в живых?

— Не знаю. И то и другое. Не дашь мне полотенце?

Я сдергиваю полотенце для рук с дверцы шкафа и бросаю Восьмому. Он кое-как очищает лицо и шею от большей части засохшей дряни, трет волосы.

— Бесполезно, — замечаю я.

Он злобно взглядывает на меня и продолжает тереть.

— Без тебя знаю, козел. Я помню, как ты в последний раз проснулся после бака, представляешь? А еще помню, как просыпались Шестой, Пятый и Третий... пожалуй, всё. Но, так или иначе, у меня те же воспоминания, что и у тебя.

— Не совсем, — возражаю я. — Я не загружался почти месяц.

— Чудно. За это отдельное спасибо.

Я вздыхаю.

— Не волнуйся, ничего хорошего ты не пропустил.

Он швыряет в меня грязным полотенцем, вылезает из постели и идет к шкафу.

— Со стиркой ты тоже не заморачивался, да?

— Похоже. Месяц выдался тяжелый.

Восьмой достает с верхней полки заношенный свитер и ветрозащитные штаны.

— Чистого белья что, вообще нет?

— Посмотри под кроватью.

Он одаривает меня взглядом, полным ненависти и отвращения.

— Да что с тобой стряслось? Не припомню, чтобы кто-то из нас был свиньей.

— Я же сказал. Последние недели дались мне непросто.

Он встает на колени, выуживает из-под кровати боксеры, рассматривает, держа их в вытянутой руке, потом подносит чуть ближе к лицу и нерешительно нюхает.

— Да чистые они, — уверяю я. — Случайно пнул под кровать.

Он снова бросает на меня сердитый взгляд, отворачивается и одевается.

— Спасибо, — говорю я. — А то странно смотреть, как я тут расхаживаю голым.

— Ага, — соглашается он. — Наверное.

Он снова садится на кровать и запускает обе пятерни в волосы, слипшиеся в одну массу, черную и блестящую, как гуталин. По крайней мере, ему хотя бы удалось разодрать их на отдельные пряди. Хотя, чтобы шевелюра выглядела нормально, нужно еще раза два пройтись жесткой щеткой.

— Ну, — говорит он, — и как теперь быть?

Я смотрю на него. Он оставляет волосы в покое и отвечает таким же прямым взглядом.

— Что? — спрашивает он.

— Ну... ты же понимаешь, что вылез из бака по ошибке? Я ведь не умер. Если командование обнаружит, что мы размножились...

Его взгляд становится жестким и злым.

— Поясни, что ты имеешь в виду, Седьмой.

— Да брось! Мы оба знаем, что я имею в виду. Одному из нас придется исчезнуть.

* * *

Если в долгой истории человечества и можно отыскать аналогию существованию Диаспоры и созданию Альянса, то это, наверное, освоение Микронезии. Тихий океан на Земле усеян крошечными

островами, отстоящими друг от друга на сотни, а то и тысячи морских миль, и люди, которые их заселяли, добирались туда на веслах, на двенадцатиметровых каноэ с выносными балансирами. Когда новички высаживались на очередной остров, им нужно было продержаться на тех запасах, что вмещались в лодку, пока не вырастет новый урожай.

Мы, в принципе, находимся в такой же ситуации, только корабли у нас чуть больше, а путешествия длятся намного дольше. К тому же у нас нет уверенности, что семена, взятые с собой, прорастут на новой почве. Вследствие этого среди взошедших на ковчег существует безукоризненно соблюдаемое правило: толстякам в колониях не место.

Сразу после приземления на Нифльхейме базовая норма рациона составляла 1400 ккал в день на человека; ее могли увеличить при недостатке мышечной массы или тяжелом физическом труде. С тех пор калорийность рациона урезали дважды, поскольку по неизвестной причине на этой планете ничего не хочет расти даже на гидропонике. До каннибализма мы еще не дошли, но большинство членов экипажа заметно отощало.

Из этого следует вывод: хотя запрет на множественные копии самого себя не является в Альянсе строжайшим табу, рассчитывать на то, что в обед останется добавка и ее хватит на еще одного расходника, не приходится.

— Слушай, — говорит Восьмой, — если ты надеешься, что я горю желанием сгинуть ради тебя в люке для переработки биомусора, должен тебя разочаровать. Понимаю, ты виноват не на все сто, но моей вины в случившемся и вовсе ноль целых ноль десятых процента.

Я начинаю мерить комнату шагами, но в отсеке три на четыре метра это не сильно успокаивает. Восьмой сидит на краешке кровати, упершись локтями в колени, и чешет виски, соскребая ногтями остатки дряни из бака.

— Надо не виноватого искать, а выход из положения, — говорю я.

— Убьем двух зайцев одним выстрелом. Иди и сам прыгни в рециклер.

Я мотаю головой.

— Не-а, даже не рассчитывай.

Он неприязненно смотрит на меня и, поморщившись, выковыривает из уха засохшую пробку из питательного раствора.

— Но это несправедливо! Сколько я живу — минут двадцать, не больше? А ты пожил хотя бы пару месяцев. Так что исчезнуть следует тебе.

У меня появляется недобрая улыбка.

— Нет, — говорю я, — даже не пытайся меня этим шантажировать. Тебе тридцать девять лет, как и мне. Ты обладаешь всей полнотой моих памяти и опыта, за исключением тех недель, что я не обновлялся. Да ты бы даже не сообразил, что недавно вылез из резервуара, если бы не засохшая слизь.

Он смотрит на меня.

Я — на него.

— Сколько бы мы ни спорили, Седьмой, мы все равно не договоримся. Компромисса не существует, согласен? — говорит он наконец.

И конечно, он прав. Это не просто конфликт, где один может в конце концов уступить. Мы не счет в ресторане делим: я заплачу сегодня, а ты в следующий раз.

— Окей, — бодро отзываюсь я. — Как поступим? Доложим командованию?

— Нет! — поспешно возражает Восьмой. — Плохая идея. Маршалл и без того считает расходников чем-то противоестественным. А если выяснит, что мы раздвоились, убьет обоих на месте. Все должно остаться между нами.

Правда в том, что, если мы сейчас обратимся к Маршаллу, он, вероятнее всего, скажет, что Восьмой вообще не должен был появляться из резервуара, а потому его следует незамедлительно вернуть в состояние биомассы. Мне хочется сообщить ему об этом, но... Я колеблюсь. Наверное, я его понимаю. Действительно несправедливо отправлять человека обратно в небытие, когда он еще толком не успел вытащить слизь из ушей после бака.

Но какова альтернатива? Я ведь тоже не хочу уехать в люк трупосборника — не больше, чем он.

— Послушай, — говорю я. — Мы что-нибудь придумаем. Позволь мне помыться и переодеться здесь. А ты иди в химический душ на третьем, смоешь с себя остатки дряни. Встречаемся через полчаса у рециклера.

— Хорошо, — говорит Восьмой. — Через полчаса. Увидимся там.

Он идет к двери, открывает ее, но на пороге медлит и оборачивается:

— Эй, ты же не поступишь со мной как скотина? В смысле, ты ведь не собираешься позвонить командованию, пока я в душе, и дать делу официальный ход?

— Нет, — обещаю я. — Этого я делать не стану, хотя уверен, что решение было бы в мою пользу. Мы сами все уладим.

Он улыбается:

— Спасибо, Седьмой. Увидимся через полчаса.

И дверь за ним захлопывается.

* * *

Я прикинул, что Восьмому на самом деле понадобится не меньше часа. Слизь из бака — просто кошмар, смыть ее за один раз практически невозможно, да и химический душ не лучший способ. Я укладываюсь ненадолго вздремнуть, когда слышу тихий стук в дверь.

— Входите, — говорю я.

Дверь приоткрывается, в нее заглядывает Берто, обводит отсек взглядом и заходит внутрь.

— Привет, приятель! — говорит он. — Как самочувствие?

Берто садится возле стола — на то же место, где сидел я, когда обнаружил у себя в комнате Восьмого, — но, в отличие от меня, с трудом умещается на сиденье. Он почти два метра ростом; в колониях первооткрывателей это редкость, члены команды обычно компактного телосложения — и ради собственного удобства, и в целях эффективности. У меня рост едва дотягивает до ста восьмидесяти пяти сантиметров, и я не выделяюсь из общей массы. А Берто, помимо того что сильнее страдает от нехватки калорий, вынужден вечно пригибаться и приседать, из-за чего напоминает жука-палочника с бледным телом и рыжей головой.

Я сажусь в кровати и откидываю волосы со лба. Растянутую кисть прячу под одеялом.

— Вроде нормально.

— Хорошо выглядишь, учитывая, что ты только из бака, — замечает Берто. — Уже побывал в мойке со щетками?

Я киваю. Он секунду пристально смотрит на меня, потом отводит глаза.

— Итак, — говорю я. — Что на этот раз? Что случилось с Седьмым?

Берто качает головой:

— Брат, лучше тебе не знать.

— Хм, про Шестого ты то же самое говорил.

Он снова смотрит на меня:

— Возможно. Не помню. Разве это важно?

— Вообще-то важно. Вот ты пилот, да? Какова твоя последняя обязанность перед гибелью?

Он зло сощуривает глаза.

— Сообщить о причине смерти.

— Верно. У расходников те же инструкции. Вот почему всякий раз, отправляя меня на смерть, Маршалл обязательно заставляет обновиться перед тем, как я отключусь. Я бы хотел знать, что случилось с Седьмым, чтобы в будущем не допустить той же ошибки. И раз уж у нас зашел такой разговор, можешь заодно просветить меня насчет того, что произошло с Шестым. Что бы с ним ни случилось, уверен, я как-нибудь переживу.

Берто играет со мной в гляделки, но не выдерживает, пожимает плечами и отводит взгляд. Я делаю мысленную пометку, что надо как-нибудь сыграть с ним в покер на порцию обеда. Лжец из него никакой.

— Шестой и Седьмой погибли одинаково, — говорит он. — Затоптаны ползунами.

— Хорошо. Где это произошло и чем конкретно я занимался?

Он вздыхает.

— Снаружи. Совершал эти идиотские обходы, придуманные Маршаллом. Последние несколько месяцев ты с его подачи только тем и занят, что ходишь на разведку в расщелины вокруг купола и ищешь места обитания ползунов. Лично я не понимаю смысла, но складывается впечатление, что командор просто одержим ими. — Замявшись, он продолжает: — Иногда мне кажется, что и ты ими одержим. Как только он замутил это дерьмо, ты жаловался не переставая. Но примерно через неделю после того, как Седьмой выбрался из бака, все жалобы как отрезало. В последние две-три

недели ты молча салютовал и уходил на задание. Не знаешь, с чем это связано?

Я отрицательно мотаю головой.

— У меня в памяти недостает последних шести недель. Похоже, Седьмой обновлялся не слишком регулярно.

— Да, — вздыхает Берто. — Он что-то такое говорил вчера, прежде чем отключиться.

Я чешу подбородок здоровой рукой.

— Хм... серьезно? Хочешь сказать, в разгар нападения роя ползунов, готовых разорвать его на части, он сокрушался по поводу того, что вовремя не загрузился?

Берто несколько раз открывает и закрывает рот, не в силах выдать из себя ни слова. Как рыба, вытщенная из воды. Мне приходится стиснуть зубы, чтоб не заржать. Лжец из него и вправду никакой.

— Нет, это было раньше, — наконец находится он. — Наверное, у него было предчувствие.

— Предчувствие.

— Ну да. Вроде того.

Я мог бы на него надавить, но мне самому есть что скрывать, поэтому оставляю дальнейшие расспросы.

— В общем, — продолжает Берто, — вчера днем я сбросил Седьмого рядом с расщелиной примерно в восьми километрах от периметра. У него был с собой огнемет. Как всегда, нужно было набросать карту местности и выяснить, где живут ползуны. По возможности прихватить одну особь с собой для исследований. На следующем круге я должен был его подобрать.

— Но все пошло не по плану.

— Все пошло наперекосяк. Не успел я его сбросить, как они вылезли из снега, целая стая, двадцать или тридцать тварей. Я завис прямо над Седьмым, но все произошло слишком быстро: его разорвали на части, пока я разворачивал манипулятор погрузки.

Я понимаю, Берто не хочется сознаваться, что он бросил меня на верную смерть. Такое признание может разрушить любую дружбу. Мне просто интересно, расскажет ли он правду хотя бы о том, как погиб Шестой.

— На самом деле я ведь просто зашел убедиться, что с тобой все в порядке, — подводит он итог разговора. — Подумал, что мы можем по-быстрому сдать рапорт командованию и пойти завтракать.

Вот чего я точно не хочу, так это докладывать о чем-либо командованию. По крайней мере, пока не улажу дела с Восьмым.

— Знаешь, — говорю я, — вообще-то, я ужасно вымотан. Ты, конечно, иди поешь, а я все равно собирался немного вздремнуть. Когда проснусь, отмечусь на охране, а потом вместе сдадим отчет командованию.

Он окидывает меня подозрительным взглядом. Видимо, догадывается, что дело нечисто: обычно после бака я напрямик направляюсь в столовую. Никто здесь по доброй воле не пропускает приемов пищи, а биопринтер оставляет пищеварительный тракт пустым. Когда просыпаешься после восстановления, желудок ссыхается, будто ты постился трое суток подряд.

— Хорошо, — сдается он. — Но не залеживайся. Чтобы синтезировать твою задницу, из наших протеиновых запасов изъяли солидный кусок. Командование захочет знать, что произошло, почему произошло и как мы планируем восполнить дефицит белка. Это вторая твоя регенерация за восемь недель, так что теперь нам придется предъявить вескую причину.

— Можем просто рассказать, как все было на самом деле.

Берто качает головой:

— Нет, тут лучше проявить фантазию. Командование и так недоволено сокращением рационов. Незапланированное уменьшение протеина в системе их не порадует, а Маршалл не захочет взять ответственность на себя, хотя эти дурацкие вылазки совершаются по его приказу. Наверняка он будет зол как черт — на тебя, потому что ты не сумел выжить, и на меня, потому что я не полез в расщелину за твоим трупом. Честно, если так пойдет и дальше, в один прекрасный день он просто не подпишет приказ о твоей регенерации.

По спине у меня пробегает холодок. Может, это и есть предчувствие?

— Эй, — окликает он, — Микки, у тебя все хорошо? Ты неважно выглядишь.

Я тру глаза правой рукой. Надеюсь, он не заметил, что за все время нашего разговора я ни разу не вытащил левую из-под одеяла.

— Ага, — говорю я. — Все нормально. Просто нужно проспать после бака. Встретимся в столовой через час.

Он критически осматривает меня, встает, наклоняется и похлопывает по колену:

— Молодец. Приберегу для тебя порцию белковой пасты.

— Спасибо, Берто. Ты настоящий друг.

— Кстати, — роняет он, прежде чем закрыть дверь, — я не мог не обратить внимания, что ты все время держал руку на своем хозяйстве. Ты с этим поосторожнее. А то Нэша начнет ревновать.

— Да, Берто, я в курсе. Но спасибо, что поделился.

— Не за что. Увидимся через час.

Когда за ним защелкивается замок, все еще слышно, как он хихикает в коридоре.

* * *

За последние восемь лет я умирал шесть раз. Можно бы и привыкнуть, скажете вы.

Ради справедливости должен заметить, что одна из смертей была неожиданной, еще одна явилась результатом ЧП, а последний мой предшественник не обновился перед смертью. Я помню лишь то, что загружено в память, поэтому о случившемся с предыдущими версиями меня знаю только со слов Нэши и Берто или по видео с камер наблюдения. Три остальные смерти были спланированы как положено. По протоколу расходник обязан загрузить обновления как можно ближе к концу по той самой причине, которую я назвал Берто: следующему воплощению необходимо знать, от чего погибло предыдущее, чтобы в дальнейшем постараться этого избежать. Короче, можно сказать, что накотившее сейчас ощущение сосущей пустоты в животе знакомо мне лучше, чем большинству людей.

И в то же время предчувствие близкой смерти не похоже на все предыдущие разы. Хотя бы потому, что те Микки были на сто процентов уверены, что умрут. Сейчас — если, конечно, Восьмой не собирается сунуть мне заточку под ребра — шансы у меня пятьдесят на пятьдесят.

Мне не слишком нравится новое чувство. Когда точно знаешь грядущую судьбу, на душу снисходит своего рода умиротворение. Вероятность того, что сегодня я могу выжить, в равной степени наполняет меня тревожным ожиданием и отчаянной надеждой.

Однако разительное отличие заключается даже не в этой неопределенности. А в том, что до этого самого дня каждый раз, когда я умирал, я продолжал верить байкам о собственном бессмертии, которыми пичкали меня те, кто мной распоряжается. Я знал, что не пройдет и нескольких часов после гибели Микки-3, как Микки-4 выберется из бака, и легко мог вообразить, что в обоих случаях это буду я, как будто я просто закрыл и снова открыл глаза.

Если я умру сейчас, никакой следующий «я» из бака не выберется. Он уже здесь, и, несмотря на внешнее сходство, Восьмой отнюдь не моя копия.

Если честно, кажется, я вообще ему не нравлюсь.

* * *

Рециклер находится на нижнем уровне купола, в противоположной стороне от моего отсека. По правде говоря, идти туда недалеко, но сегодня путь растягивается до бесконечности. Коридоры пусты, и я, проходя по ним, слышу лишь звук собственных шагов и шум крови в ушах. Я не могу найти рационального объяснения, но нутром чую, что все складывается не в мою пользу. Последние шаги перед входом даются так тяжело, будто всхожу на эшафот.

Биорециклер — душа и сердце любой первопроходческой колонии. В него сбрасываются наши фекалии, черешки помидоров, картофельные очистки, кроличьи косточки и недожеванные хрящики, обрезки ногтей и остриженные волосы, использованные носовые платки и корки с заживших болячек, а в конце концов — наши трупы. После переработки он выдает взамен питательную протеиновую пасту, витаминный коктейль и удобрения для растений. Никто не жаждет питаться одной биомассой из рециклера, но при неблагоприятных условиях колония может бесконечно долго существовать только за счет нее.

Принцип работы рециклера состоит в том, что он разбивает на молекулы все, что сбрасывается в люк для трупов, а затем соединяет обратно во что угодно согласно заданной спецификации. На это тратятся неприлично огромные объемы энергии, но наша электростанция — это двигатель звездолета, работающий на антивеществе. Уж чего-чего, а энергии у нас всегда в избытке.

Я как раз заканчиваю вводить код допуска на контрольной панели, когда входит Восьмой. Подняв защитный кожух, я нажимаю на большую красную кнопку, и в центре помещения раскрываются лепестки затвора.

О таких вещах, как люк для трупов, мы стараемся думать поменьше. Я видел его открытым всего несколько раз, когда меня назначали дежурным по сбору мусора, но никогда не заглядывал внутрь. Не знаю, как вы представляете себе всепожирающую пасть топки, разжигаемой антивеществом, — может, по-вашему, из нее исходят ревущее пламя и серные испарения? — но на деле она работает бесшумно, ничем не пахнет и выглядит аккуратно, даже красиво. Поначалу видишь просто плоский черный диск, потом рассеивающее материю поле начинает захватывать пылинки, и они исчезают и ярких вспышках, которые кружат над ним подобно светлячкам.

С виду совсем не страшно.

Намного приятнее рассеяться, чем быть разорванным на части ползунами.

— Ну что, — говорит Восьмой, — ты готов?

Я пожимаю плечами:

— Думаю, да. Если честно, сейчас я жалею, что мы не вынесли этот вопрос на суд начальства, но давай поступим, как задумали.

Он улыбается и хлопает меня по плечу:

— Ты хороший парень, Седьмой. Жаль, что придется засунуть тебя в эту дыру.

Мое сердце дает перебой.

— В смысле — засунуть?

Улыбка сползает с лица Восьмого.

— Сам подумай. Ты что, хочешь свалиться в люк, находясь в сознании?

Хм. Веский аргумент. Трупы по-настоящему умерших погружаются в люк довольно медленно. Я не знаю, какова в действительности максимальная скорость поглощения, но при любом значении, меньшем бесконечности, разумнее всего быть без сознания или уже мертвым.

Восьмой встает рядом со мной и заглядывает в люк.

— Знаешь, — говорит он, — ты все еще можешь поступить как порядочный человек и добровольно самоустраниться.

— Конечно, — соглашаюсь я. — И ты тоже.

Он обнимает меня одной рукой за плечи.

— Но этого не произойдет.

— Да, похоже на то.

Диск снова чернеет. Наверное, пыль закончилась. Восьмой отхаркивает слизь из бака и сплевывает на диск. Она ярко вспыхивает, коснувшись границы поля, секунду шипит и исчезает.

— Возможно, процесс не такой безболезненный, как я думал, — замечает он.

— Точно, — говорю я. — Знаешь, я мог бы задушить тебя перед тем, как столкну вниз.

Он ухмыляется.

— Спасибо, Седьмой, ты просто воплощение человеколюбия.

Мы стоим и молчим. Такое чувство, что рука Восьмого у меня на плече становится тяжелее с каждой секундой. Наконец я сбрасываю ее и поворачиваюсь к нему лицом:

— Если мы оба готовы, начнем?

— Пожалуй.

Он поднимает левую руку. Я — правую. Мы одновременно сжимаем кулаки и начинаем отсчет:

— Один...

— Два...

— Три...

— Давай!

Сначала я задумал камень, но, услышав команду, сообразил, что он — это я. Значит, он загадал то же самое. Тогда нужно выбрать бумагу, так? А вдруг он тоже об этом подумал? Тогда он догадается, что я выберу бумагу, и выбросит ножницы. Это возвращает меня к

камню, что и неплохо, потому что, пока мысли описывали круг, я так и не разжал кулак.

Я смотрю вниз.

Он выбросил раскрытую ладонь.

— Сожалею, брат, — говорит он.

Ага, сожалеет он.

Ну спасибо, мудила.

Когда я стоял на коленях над люком, в жалких десяти сантиметрах от рассеивающего поля, и передо мной маячила весьма реальная возможность превратиться в биомассу для голодных колонистов Нифльхейма, я снова задумался о том, правильно ли поступил, приложив большой палец к панели считывателя биоданных в кабинете Гвен Йохансен девять лет тому назад.

И даже сейчас мне пришлось признать: да, правильно. Незачем и спрашивать.

Покинув кабинет Гвен, я не пошел домой. Хотя мне очень этого хотелось: я устал, проголодался и мечтал о горячем душе. Однако я не мог показаться дома — по той самой причине, по которой не мог ответить отказом на соблазнительное предложение Гвен о возможном бессмертии, пусть даже в таком урезанном варианте. Видите ли, я попал в черный список Дариуса Бланка, и, насколько я тогда понимал, реалистичного способа быть вычеркнутым из него не существовало.

Корень этой проблемы — как, впрочем, если подумать, и большинства моих проблем — тоже заключался в Берто.

Берто был единственным человеком на «Драккаре», которого я знал до того, как сдал образец ДНК Гвен и вручил другим право распоряжаться моей жизнью. Мы с Берто познакомились в школе. Он был высоким, спортивным и на удивление симпатичным парнем, если учесть, что из него в итоге выросло, а я... я был таким же, как сейчас, только ростом поменьше. Мы сдружились на почве любви к симулятору полетов — который Берто освоил на уровне аса за час, а я так и разбивался до самого выпуска — и ненависти к школьной администрации. В моем случае ненависть была взаимной: их бесило, что я одержим историей, вместо того чтобы изучать полезные предметы. Зато Берто, несмотря на наши совместные усилия, учителя обожали как родного сына. В десятом классе препод по высшей математике предупредил Берто: если он хочет полностью раскрыть свой потенциал, ему не стоит проводить со мной так много времени.

Думаю, мой друг воспринял это как очередной вызов.

Собственно, вот единственное, что вам нужно знать о Берто: он был одним из тех противных детей-вундеркиндов, у которых с первого раза идеально получается все, за что они ни возьмутся. Когда нам было по пятнадцать, мама подарила Берто ракетку для игры в погбол. Он не брал уроков, не вступил в дворовую лигу. Он всего лишь пару месяцев постучал мячом о стену здания школьной администрации после уроков, чтобы понять принцип, поиграл один сезон за школьную команду, а потом взял и подал заявку на участие в профессиональном турнире. Никто понятия не имел, кто он и откуда, когда Берто явился на первый матч. Он выиграл его с лёту, а к концу недели занял второе место в своей возрастной группе. На следующий год он взял первое место в любительской лиге. Летом после нашего выпуска он начал играть за деньги. К тому времени, как он оставил игру ради серьезных полетных тренировок, в планетарном рейтинге игроков он занимал десятое место.

Я бы не стал об этом упоминать, но спустя восемь лет, когда я жил в отстойной квартире в самом непрестижном районе Кируны, Берто как раз прошел отбор и получил место в экипаже «Драккара». Мы сидели в кафе под названием «У пьяного Джо», прихлебывали чай и убивали время в ожидании трансляции матча на большом экране над барной стойкой, как вдруг приятель признался мне, что подумывает в последний раз принять участие в весеннем турнире профессионалов, перед тем как исчезнуть в неизвестности.

— Только представь, — добавил он, — если после стольких лет перерыва в спортивной карьере я возьму этот кубок, то стану легендой! Обо мне будут вспоминать даже сто лет спустя!

Я открыл было рот, чтобы сказать ему, что легендой он, конечно, станет, но не потому, что после восьмилетнего перерыва выиграет мировое первенство, а потом исчезнет в лучах заката. А потому, что в первом же матче продует сто очков восемнадцатилетней восходящей звезде.

Но, конечно, ничего подобного я не сказал. До меня вдруг дошло: я-то знаю, что за последние восемь лет каждую свободную минуту, когда не находился в воздухе или на орбите, Берто проводил в моей компании, но остальные жители Кируны об этом не подозревают. Они все еще помнят, как двадцатилетний Берто Гомес в пух и прах разбивал закаленных в боях профессионалов, даже не вспотев при этом. Они

помнят, как он вытворял ракеткой такие финты, которые до его появления считались физически невозможными, и как комментаторы в голос утверждали, что такого самородка не видели за всю свою карьеру. Никто не поверит, что он восемь лет не прикасался к ракетке.

— Давай, чувак, вперед, — сказал я. — Стань чертовой легендой.

Так он и поступил. Когда он зарегистрировался для участия в турнире, об этом прознали на одном из новостных каналов и взяли у него интервью, перебивая диалог нарезкой трансляции последнего турнира, в котором он принимал участие и который выиграл, не потерпев ни одного поражения.

Я же тем временем сгрэб все имеющиеся у меня средства, набрал долгов и поставил всю сумму на поражение Берто в первом матче.

Мне нечем оправдать свое решение, кроме как тем, что историки-любители были не самой востребованной профессией на рынке труда в Кируне и никаких перспектив оплачиваемой работы мне не светило, а сама идея всю жизнь прожить на пособие приводила меня в полное отчаяние.

Неужели, спросите вы, это было хуже, чем медленно, начиная с головы, рассеяться на молекулы в рециклере? Не знаю, тогда я об этом вообще не думал.

Вы, наверное, уже догадались, чем кончилось дело.

К тому времени, как Берто выиграл проклятый турнир, я назанимал сумму, вдвое превышающую стоимость моего имущества, а затем она еще раз удвоилась за счет процентов; так что, даже найди я оплачиваемую работу, мне все равно пришлось бы выгребаться из долгов половину жизни.

И больше всего я задолжал Дариусу Бланку.

Можно найти кучу видеороликов о кровавых расправах над парнями, которые не выплатили долги по игровым ставкам, но в действительности ситуация несколько иная. Спору нет, взыскать долг с живого человека бывает сложно, но с мертвого и вовсе ничего не получишь — а в конечном счете таких акул, как Дариус Бланк, волнует только возврат долга, и ничего больше. Так что о том, что меня убьют, я не переживал. Я смутно догадывался, что мое пособие будет полностью уходить в счет долга, а остальное меня, вероятно, заставят отрабатывать в качестве мальчика на побегушках. Неприятно, конечно, но я бы это пережил.

Однако Берто, надо отдать ему должное, объяснил, как сильно я заблуждаюсь в оценке своего положения.

Опять же, к его чести, он чувствовал себя до определенной степени виноватым, что его победа в турнире обошлась мне так дорого. И придумал способ загладить свою вину. Он предложил мне завербоваться на «Драккар».

Почему-то ему казалось, что он легко сможет устроить меня охранником. В конце концов, он был знаменитостью, и ему ни разу в жизни не отказывали. Ни разу до этого случая.

Гвен Йохансен во время собеседования популярно объяснила мне, почему так произошло. Желающих получить место охранника в экспедиции было множество, а требовалось всего восемнадцать человек. И почти все места достались кандидатам либо с опытом службы в правоохранительных органах и обращения с оружием, либо с серьезными политическими связями. Ни того, ни другого у меня не было: мои доскональные знания всех доступных сведений о битве за Мидуэй не приравнивались к военному опыту, а влияние Берто распространилось не настолько далеко, как ему самому казалось.

Я все равно подал заявку на собеседование на должность охранника. Отказ прилетел практически в ту же секунду.

На следующий день я договорился с Берто о встрече в забегаловке «У пьяного Джо», чтобы попить кофе. И показал ему на планшете письмо с отказом.

— Черт, — сказал он. — Вот отстой.

— Да, — согласился я. — В любом случае идея изначально была дурацкая. Ну, должен я денег, и что теперь. Это еще не повод сбежать с планеты.

Берто помотал головой.

— Ты должен кучу денег, Микки, а Дариус Бланк не из тех, кто способен простить и забыть. Сколько на тебе висит — сто тысяч? Каким образом ты планируешь их отдавать?

Я пожал плечами:

— В рассрочку?

— Ты ведь не подержанный флиттер купил, приятель.

— Да знаю. — Я закрыл лицо руками. — Какой же я идиот. С ума сойти, я ведь мог бы попросить тебя продуть матч.

Берто уставился на меня в изумлении, а потом рассмеялся.

— Попросить ты, конечно, мог, — сказал он, — но проигрывать я бы не стал. Участие в турнире — последнее, чем я запомнюсь обывателям этой планеты, Микки! С самого начала меня устраивала только победа.

В этом весь Берто. Дружба дружбой, но своими интересами он никогда не поступится — даже ради меня.

Помню, по дороге домой из кафе я уговаривал себя, что все не так уж плохо. Да, конечно, Бланк будет забирать львиную долю моего пособия, но ведь и на жизнь что-нибудь оставит? Если я протяну ноги с голоду, он никогда не увидит своих денег. Да и быть его шестеркой, возможно, не так уж плохо. По крайней мере, у меня появится повод выходить на улицу.

Я пришел домой. Поднялся на лифте на свой этаж. Открыл дверь в квартиру. Не успела она захлопнуться, как у меня отказали ноги и я упал лицом в пол.

— Привет, Микки, — раздался чей-то голос.

Я попытался ответить, но язык тоже не слушался. Вместо слов мне удалось выдать лишь жалкий стон.

— Расслабься, — посоветовал тот же голос. — Это не займет много времени. — После этого к шее сзади что-то прижали.

Следующие тридцать секунд я провел в аду.

Позже я узнал, что штука, которой меня пытали, называется нейроиндуктором. Он настроен так, чтобы направленно воздействовать на болевые центры. Никакого физического ущерба он не причиняет, но если вам интересны мои ощущения, попробуйте представить, что заживо сдираете с себя кожу, а приятель тем временем обрабатывает вас паяльной лампой.

И это будет процентов десять от того, что я испытал на самом деле.

Когда все закончилось, я с удивлением обнаружил, что все еще жив. Я лежал в параличе, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, содрогался от неконтролируемых рыданий и обделался в штаны, но все еще был жив. Кто-то похлопал меня по плечу.

— Неплохо позабавились, — сказал голос. — Теперь мы будем работать вместе, ты да я, пока ты полностью не рассчитаешься с мистером Бланком. Увидимся завтра, Микки!

Он вышел, не закрыв за собой дверь.

Только через час я смог пошевелиться. Встал, добрал до ванной и помылся. А покончив с неотложными делами, сел и вволю поплакал.

Той ночью, залогинившись на странице подбора персонала «Драккара», я просмотрел списки всех отделов и все доступные специальности, чтобы выяснить, какие вакансии еще свободны.

Все они были заняты.

Все, кроме одной.

Я пикинул Берто.

— Привет, — сказал я. — Кто такой расходник?

— Тот, кем ты точно не хочешь быть, — ответил он.

— Но это единственная открытая вакансия. И я хочу ее получить.

Он надолго замолчал, а когда снова заговорил, голос у него изменился: таким тоном потенциального прыгуна уговаривают отойти от края крыши.

— Слушай, — сказал Берто. — Не пойми меня неправильно. Я был бы рад, если бы ты составил мне компанию в путешествии. Это билет в один конец, и в таких случаях здорово иметь рядом друга. Но, Микки...

— Можешь замолвить за меня словечко?

— Я пытаюсь объяснить...

— Берто, я прошу тебя о помощи. В конце концов, это ты виноват в моих бедах.

— Нет, не я, — возразил он. — Я не предлагал тебе ставить на поражение. Если бы ты спросил, я бы посоветовал поставить на выигрыш. Я знал, что одержу победу.

— Так ты мне поможешь?

Он вздохнул.

— Хочешь честно, Микки? Вряд ли тебе потребуется моя рекомендация.

И он оборвал соединение. Я вернулся на страницу набора персонала и записался на собеседование в тот же день.

Спустя двенадцать часов, когда Гвен зачитывала список несчастных случаев, которые могут произойти со мной во время службы расходником, я сидел и думал: «Не так все и ужасно». Потом, когда я подписал контракт и уже не мог отказаться от участия в экспедиции, со мной провели дополнительные тренировки, чтобы я меньше боялся старухи с косой, однако они не произвели на меня

особого впечатления. Самый жесткий урок по противостоянию страху смерти я уже получил накануне вечером.

Нет, на этот раз меня не затолкали в люк рециклера. Рассеивающее поле получило кукиш с маслом.

Говорю об этом сразу, забегая немного вперед, потому что вы, похоже, нервничаете.

Я стою на четвереньках над открытым люком и честно собираюсь распасться на молекулы. Медленно опускаю лицо к самому диску и чувствую, как натягивается кожа на щеках и переносице: поле начинает меня засасывать. И в тот момент, когда я перебираю в уме варианты, как ускорить мучительно долгий процесс, на плечо ложится чужая рука.

— Дай мне еще минуту! — рывкаю я, решив, что Восьмой хочет столкнуть меня в люк.

— Нет. — Он дергает меня за плечо назад, и я с размаху сажусь на пятки. — Так нельзя. Я не могу стоять и смотреть, как ты себя уничтожаешь.

Он протягивает мне руку и помогает подняться. Меня так трясет, что я едва стою на ногах.

— Хорошо, — говорю я. — Полностью с тобой согласен.

Я делаю пару глубоких вдохов. Почему-то смотреть в зев черного диска было намного, намного страшнее, чем в пасть твари вчера в туннеле.

— Итак... Ф-фух... Твои предложения?

— Давай вернемся наверх, — говорит он. — Я утоплю тебя в унитазе, потом порублю на куски в химическом душе и скормлю рециклеру по частям.

Я смотрю на него в ужасе. Он ухмыляется.

— Мне пока не до шуток, — ворчу я. — То есть совсем. Seriously, Восьмой, что нам делать? У нас по-прежнему одна на двоих койка и один рацион. А главное, одна зарегистрированная личность. Если хоть кто-то узнает, что мы размножились...

Он пожимает плечами:

— Так ведь и обстоятельства исключительные, разве нет?

— Да, возможно... но в условиях жесткого распределения ресурсов командование вряд ли нам посочувствует. Если мы сейчас обратимся к Маршаллу, один из нас исчезнет в люке рециклера.

— Наверняка, — соглашается он. — А если попытаемся схитрить, велика вероятность, что сразу оба превратимся в питательную жижу.

Я крепко зажмуриваюсь и жду, пока сердце сперва перестает бухать молотом в груди, а потом трепыхаться пойманной птичкой, наконец возвращаясь к нормальному ритму. Когда я снова открываю глаза, Восьмой смотрит на меня с беспокойством, почти с тревогой.

— Ты как, Седьмой?

— Нормально, — говорю я, трясую головой, делаю вдох и выдох. — Все в порядке. Я, конечно, слышал выражение «смотреть смерти в лицо», но...

— Вышло слишком буквально, да?

— Точно, — говорю я. — Если Маршалл соберется скормить меня рециклеру, очень надеюсь, что у него хватит порядочности сначала меня убить.

Восьмой снова кладет руку мне на плечо:

— Я тоже на это надеюсь, брат. А пока нам нужен план действий.

— Согласен. Есть идеи?

Он запускает обе пятерни в волосы.

— Не знаю, не знаю... Нас не готовили к тому, как поступать в такой ситуации.

И то правда. Тренировки на сто процентов были посвящены умению умирать. Не помню, чтобы хоть раз речь зашла о навыках выживания.

— Слушай, — говорит он. — У нас с тобой жирная продуктовая карточка. Если ты не успел накосячить в тот период, когда не обновлялся, нам по-прежнему положены две тысячи килокалорий в день.

— Да, так и есть.

— Если мы поделим рацион пополам, то какое-то время вполне сможем протянуть. Радости мало, но с голоду не помрем.

Меня невольно передергивает.

— Тысяча килокалорий в день? Это жуть, Восьмой. Не пойдет, нужно придумать, как увеличить рацион. И как мы поступим с Берто?

Ведь все вышло из-за него. Может, рассказать ему правду, надавить на чувство вины? Пусть делится с нами своей пайкой.

В глазах Восьмого мелькает сомнение.

— Можно, но я бы оставил этот вариант на крайний случай. Не припоминаю, чтобы среди колонистов Нифльхейма Берто славился альтруизмом, а вот про его отношение к мультиклонам мы ничего не знаем: а ну как он радикальный фундаменталист в этом вопросе?

— Да, умеешь ты убеждать, — замечаю я. — К тому же не забывай, что вчера вечером он бросил меня подыхать в пещере: еще один аргумент не в его в пользу.

— Тоже верно, — говорит он. — Ну хорошо. Может, тогда напишем Маршаллу заявление на увеличение рациона?

Я закатываю глаза.

— Ну да. Держи карман шире.

— Послушай, — говорит Восьмой, — когда я спускался к рециклеру, по дороге заглянул в столовую. Биомасса сейчас продается с двадцатипятипроцентной скидкой. Если не брать ничего, кроме нее, то наш рацион автоматически увеличится до тысячи двухсот пятидесяти килокалорий на каждого. Тоже не идеально, но...

— Ладно, — говорю я. — Допустим, от голода мы не умрем, во всяком случае сразу. Но это никак не решает основную проблему: нас двое. Маршалл и без того всякий раз кривится, будто наступил в дерьмо, когда ему поневоле приходится вспоминать, что в его колонии есть такой парень Микки Барнс, или иметь со мной дело. Если он что-то пронюхает, то рециклер покажется самым гуманным выходом.

Здесь стоит добавить, что командор Маршалл узнал о моих неприятностях с Дариусом Бланком примерно неделю спустя, как мы ушли с орбиты Мидгарда, взяв курс в открытый космос, и воспринял известие как личное оскорбление: будто я преступник, проникший в ряды порядочных колонистов. Присовокупите тот факт, что он исповедует религию, которая даже разовую биопечать людей из белковой массы считает мерзостью пред Господом, и вы поймете, почему уже через полминуты Маршалл пожелал вытолкнуть меня из шлюза за борт, пока не вмешалась капитан «Драккара», милейшая женщина по имени Мара Сингх, ныне возглавляющая наш инженерный отдел, и не напомнила ему, что до приземления на Нифльхейме руководство миссией осуществляет она.

Так что текущая ситуация вряд ли улучшит мнение командора обо мне.

— Да знаю я, знаю, — ворчит Восьмой. — И однако, если ты не собираешься сегодня отправиться в люк, эту проблему мы пока решить не можем, согласен?

— Да, пожалуй.

— Конечно, если ты вдруг передумаешь...

— Не суетись, Восьмой. Если передумаю, ты узнаешь об этом первым.

Он улыбается во весь рот, весело ему. А вот мне совсем нет.

— Спасибо, — говорит он. — Слушай, а как быть с Нэшей? Мы ей расскажем?

Я не могу ответить с ходу, мне нужно подумать. Мы с Нэшей вместе с того времени, когда я еще был Микки-3, и, в отличие от Берто, вчера она готова была рискнуть своей единственной жизнью, лишь бы вытащить меня из чертовой расщелины. Если и есть в колонии человек, которому мы можем довериться, так это она.

С другой стороны, если не повезет и придется предстать на суд Маршалла, я бы очень не хотел, чтобы она отправилась в рециклер вместе с нами.

— Знаешь что? — говорю я. — Давай пока оставим все между нами.

— Не вопрос, — соглашается Восьмой. — Судя по тому, как обстоят дела с момента приземления, один из нас все равно скоро умрет. Проблема решится сама собой.

М-да... А ведь он, вероятно, прав.

* * *

Кстати, о скорой смерти: вот вам история. Как-то раз, через несколько месяцев после приземления на Нифльхейме, Берто взял меня полетать. В тот день он предпочел одномоторный флиттер-разведчик с неподвижным крылом вместо тяжелых грузовых судов, на которых обычно летает. Когда мы уже поднялись в воздух и кружили над куполом, я спросил, как удалось втиснуть генератор гравитации в

такой крошечный самолетик. Он повернулся ко мне с насмешливой улыбкой:

— Гравитации? Ты шутишь?

— Нет, — ответил я. — Не шучу.

Он покачал головой, прибавил обороты и начал круто набирать высоту.

— Это самолет, Микки. Мы держимся в воздухе исключительно благодаря принципу Бернулли.

Я понятия не имел, кто такой Бернулли и какие у него принципы, но услышанное мне не понравилось.

До этого момента в полете меня всегда защищала уверенность, что я окружен надежным гравитационным полем и, как бы ни сложились обстоятельства, не рухну с высоты со скоростью в сто пятьдесят метров в секунду, чтобы расколотся о землю, как спелый арбуз.

— Берто, — осторожно спросил я, — а ты не хочешь выровнять флиттер? Или, еще лучше, вернуться на базу и обменять его на что-нибудь более... устойчивое.

Он рассмеялся.

— Серьезно? Ты хоть представляешь, сколько мне пришлось льстить и уговаривать, чтобы выпросить именно флиттер? Да весь смысл в том, что на нем можно выполнять фигуры высшего пилотажа, недоступные грузовому самолету!

Я собирался возразить, что вовсе не хочу испытывать никаких трюков в воздухе, но не успел, потому что Берто сделал «бочку», и я заорал, как... как человек, которого обуял внезапный, первобытный, заставляющий позабыть всякий стыд страх смерти. Таким человеком я, впрочем, и являлся.

Думаю, именно тогда я впервые осознал: несмотря на все тренировки, на жесткую идеологическую промывку мозгов и даже неопровержимый факт, что я умирал пять раз, но до сих пор жив, — в глубине души, в ее святая святых, я не верил ни в какое бессмертие.

* * *

— Погоди-ка, — говорит Нэша, — что это за завтрак аскета?

Я давлюсь неподслащенной биомассой, черпая ее из мисочки объемом в шестьсот килокалорий, где осталась всего половина. Должен заметить, что в экономике первооткрывательских колоний калория калории рознь. На разные блюда может быть большая скидка или наценка в зависимости от того, насколько они соответствуют вашим вкусовым предпочтениям. Как и сказал Восьмой, на желе и витаминную суспензию сейчас скидка двадцать пять процентов, что означает: если я буду питаться только ими, то в течение недели-двух мне удастся поддерживать текущий вес. Нэша ест пюре из ямса и зажаренных до черноты сверчков по рецепту каджунской кухни. Они сегодня продаются по номинальной стоимости. Я видел на раздаче даже тушеные кроличьи окорочка и несколько вялых помидоров, но на них наценка в сорок пять процентов. Думаю, о подобной роскоши можно забыть, пока рядом болтается Восьмой.

— Да вот, — говорю я, — решил заняться бодибилдингом. Я тут подумал, что если немного отъемся и подкачаюсь, то, может, в следующий раз ползунам придется жрать меня дольше.

Она хихикает. Нэшин смех — одна из самых милых ее черт. Такой... девчачий. А еще она, когда смеется, отводит взгляд и прикрывает рот ладошкой. Подобное поведение составляет разительный контраст с ее обычным образом лихой боевой летчицы: будто совсем другой человек.

— Рада, что ты еще способен шутить на эту тему, — замечает она. — С тех пор, как мы здесь приземлились, ты гибнешь с завидной регулярностью. Другой бы на твоём месте озлобился.

Я снова наливаю воды в стакан. Есть голую протеиновую пасту почти невозможно, разве что в качестве гарнира. Она, в общем-то, безвкусная, но вязкая и зернистая. Чтобы проглотить, приходится постоянно ее запивать.

— Я предпочитаю рассматривать ситуацию под таким углом: если бы Седьмой себя не угробил, я бы никогда не вылез из бака.

На лицо Нэши набегаёт облачко печали.

— Да, наверное.

Я отрываю взгляд от своего унылого завтрака.

— Что?

Она качает головой.

— Я тяжело переживаю твою гибель, Микки, и с каждым разом все тяжелее. Вчера ночью был просто кошмар, куда хуже, чем когда умер Шестой. Наверное, так плохо мне не было даже после несчастного случая с Пятым. Когда ты передал, что отключаешься, я продолжала кружить в радиусе приема сигнала: все надеялась, что передумаешь. А потом наконец сдалась и вернулась к куполу, где целый час просидела в кабине на площадке прилетов, рыдая как маленькая. И вот... ты здесь, и, как ты правильно заметил, если бы вчера я тебя спасла, сегодняшней ты тут не сидел бы... и я сама не понимаю, что должна сейчас чувствовать.

— Да уж, — говорю я. — Бессмертие сбивает с толку.

— В этом ты прав, — раздается у меня за спиной голос Берто.

Я оглядываюсь: он стоит надо мной, держа в руках поднос с ямсом и жареными сверчками.

— Доброе утро, Берто, — говорит Нэша. — Присаживайся к нам, что ли.

Он ставит поднос на стол, перелезает через скамейку и садится рядом со мной.

— А почему ты хлебаешь баланду, Микки? И что у тебя с рукой?

Я опускаю взгляд. Запястье я обмотал тугой повязкой, но из-под нее видны расплывающиеся края синяка.

— Упал с кровати, — поясняю я. — Дезориентация после бака.

Берто испытующе смотрит на меня, и я вижу, как в голове у него начинают проворачиваться шестеренки.

— Вот оно что, — говорит он. — И когда именно это произошло?

— После того, как ты ко мне заходил. А тебе какая разница?

Нэша удивленно переводит взгляд с меня на него и обратно.

— Я что-то пропустила?

— Возможно, — говорит Берто. — Так все же когда?

— Не помню. До того, как спустился в столовую. Может, полчаса назад?

— Когда я встретила тебя в душевой, с рукой все было в порядке, — замечает Нэша.

— Угу, — выкручиваюсь я. — Повредил позже.

Берто прищуривается и мотает головой.

— Серьезно, — недоумевает Нэша. — Что происходит?

— Я не знаю, — пожимает плечами Берто. — Микки, что происходит?

Я зачерпываю последнюю ложку пасты и гадаю, не столкнулся ли Берто с Восьмым по дороге сюда. Если так, то лучше признаться во всем сразу и надеяться, что он станет держать рот на замке. А если не станет?

— Ничего не происходит, — говорю я. — Можно мне спокойно доесть?

Я незаметно оглядываю столовую. Для завтрака уже поздновато, но до обеденного часа еще далеко. Поблизости никого нет, подслушать наш разговор невозможно. Берто по-прежнему не спускает с меня глаз.

— Ну что? — не выдерживаю я. — На что ты пытаешься намекнуть, Берто?

Он поддевает вилкой сверчка с пюре, медленно жует, проглатывает.

— Да не знаю, Микки. Я ведь видел, какой ты обычно после бака. В этот раз с тобой явно что-то не то.

Меня перекашивает от злости.

— Если бы ты поменьше заострял внимание на том, как я выгляжу после бака, а в первую очередь старался меня не угробить, глядишь, мне и не пришлось бы так часто туда наведываться, да и обсуждать сейчас было бы нечего.

— Ага, — говорит Нэша. — Ты все же обиделся.

— Да ну вас, — бормочет Берто. — Я не за тем к вам подсел, чтобы ссориться с Микки из-за его чертовой руки. На самом деле я хотел спросить, слышал ли кто-нибудь из вас о том, что произошло сегодня утром на периметре?

Нэша морщится, глядя на остатки еды, и тыкает вилкой в поджаренную бататовую кожуру.

— Знаю только, что через час мне снова заступать на смену, хотя я всего четыре часа как закончила предыдущую. Полагаю, этому должна быть причина, но лично мне никто ничего не объяснил.

Берто, перегнувшись к ней через стол, говорит вполголоса:

— Мы потеряли одного из наших.

— Потеряли? — переспрашивает Нэша. — Что значит — потеряли?

Берто пожимает плечами.

— Никто толком ничего не знает. Вроде это был один из охранников с восточного блокпоста. Дани сказал, Гейб Торичелли. В восемь он вышел на связь, а в восемь тридцать уже молчал. Когда отправили людей проверить, в чем дело, на посту ничего не нашли, кроме взрыхленной кучи снега.

Я открываю рот да так и замираю. Чуть не проговорился, что видел Гейба сегодня утром, хорошо хоть, вовремя спохватился, что эти двое вообще не должны знать о моих приключениях на свежем воздухе. Не кто иной, как Гейб впустил меня на базу, когда я выбрался из лабиринта. И было это... примерно в восемь пятнадцать?

Срань господня.

Получается, ползуны проследили меня до самого купола?

Я снова мысленно вижу паука, которого много лет назад выпустил на волю в сад. Может, вчера ночью произошло совсем не то, о чем я думал? Может, я был для них муравьем, которого не задавили лишь ради того, чтобы он привел прямо к муравейнику?

— В чем дело? — спрашивает Нэша.

Я смотрю на нее, на Берто, снова на нее. Оба выжидающе тарачатся на меня.

— Правда, Микки, что с тобой? — говорит Берто. — У тебя такой вид, будто ты с перепугу надул в штаны. Ты что, крепко дружил с этим парнем?

Глупый вопрос, учитывая, что население планеты меньше двухсот человек и последние девять лет мы все находились в тесном контакте. Я плохо знал Гейба, но это говорит лишь о том, как много времени мы проводим втроем и как мало общаемся с другими колонистами. Конечно, я знал его в лицо и в целом считал неплохим парнем, но не более того. Впрочем, так о нем думали и Берто с Нэшей.

— Я знал, кто он такой. Друзьями мы не были. Но разве это важно? Берто, мы только что потеряли шесть десятых процента всего населения.

— Ты прав, — кивает Берто. — Если честно, я не был большим поклонником Гейба. Во время перелета он постоянно гонял всех за то, что мы мало времени проводим на тренажере и не следим за физической формой. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Прежде чем начать размораживать эмбрионы, следует пресечь утечку наличного генетического материала.

— На этот счет я спокойна, — говорит Нэша. — Если возникнет острая необходимость в непримечательных белых парнях, мы всегда сможем допечатать нескольких Микки.

Оба хохочут. Я поначалу впадаю в ступор, но потом тоже смеюсь за компанию.

— А если серьезно, — говорит Берто, — Микки высказал здоровое предположение.

Не помню, чтобы я вообще высказывал какие-либо предположения, но ладно.

— Точно, — подтверждает Нэша. — Вряд ли Гейб пошел гулять и заблудился.

— Значит, на него напали ползуны, — заключает Берто.

Нэша отрывает взгляд от остатков ямса в тарелке.

— Ты уверен?

— Нет, но... а что еще могло случиться? Других животных крупнее амебы мы на этой планете пока не видели.

Нэша качает головой.

— Ползуны, рыскающие у самого купола, уже дурная новость. А если они и правда разделались с вооруженным охранником, дело и того хуже. Он был в бронезащите?

Да, был, но опять же: откуда бы мне про это знать?

— Не знаю, — говорит Берто, — наверное, нет. У охраны не было причин облачаться в полную броню... до сегодняшнего утра. Это первый случай, когда ползуны кого-то убили.

— Они убили меня, — вставляю я. — Дважды, если быть точным.

Берто обнимает меня одной рукой и прижимает к себе.

— Знаю, приятель.

Нэша фыркает. Я бросаю на нее обиженный взгляд, но она демонстративно уткнулась в тарелку и не замечает. К злобным подколкам Берто в свой адрес я уже привык, но от Нэши такого дерьма не ожидал.

— Броня броней, — продолжает Берто, — но у Гейба в любом случае должен быть огнемёт. Как можно поддаться горстке несчастных жуков, когда ты вооружен хреновиной, способной за секунду превратить в жаркое буйвола?

— Пламя на них не действует, — вставляю я.

Оба одновременно поворачиваются ко мне.

— Что? — вскрикивает Нэша.

— Да, Микки, — вторит Берто, — о чем ты говоришь?

Я открываю рот, но, увидев, как широко распахиваются глаза Берто, тут же снова его захопываю. Непременно нужно сыграть с ним в покер. Взгляд Нэши мечется между нами.

— Кажется, я перестала понимать, что происходит. Мы ведь друзья, Микки, неужели у тебя от нас какие-то секреты?

— Нет-нет, — перебивает Берто, — Микки прав. У него вчера был с собой огнемёт, но оружие не спасло его от смерти. Боюсь, я просто забыл об этом.

Я припечатываю его убийственным взглядом:

— Прямо-таки забыл?

— Ага.

— Забыл, как твоего лучшего друга разорвали на части ползуны, хотя с того момента еще и суток не прошло?

— Ну, знаешь, — кривится Берто, — я бы не сказал, что лучшего.

— Разорвали на части? — переспрашивает Нэша. — Я думала, он замерз насмерть на дне расщелины...

Я притворяюсь рассерженным и удивленным:

— Что за ерунда, Берто, кто это замерз насмерть?

Он бросает на Нэшу злобный взгляд и мотает головой:

— Неважно. Суть в том, что ты провалился и никто из нас не смог бы тебя вытащить.

— Неправда, — тут же возражает Нэша, яростно тыкая вилкой в несчастный ямс. — Я бы наверняка смогла. — Она взглядывает на меня и печально улыбается: — Но ты сам мне не позволил. Ты вчера поступил как настоящий мужчина, проявил храбрость, Микки. Запретил мне рисковать жизнью ради твоего спасения. Этого у тебя не отнимешь, хоть ты и провалился в расщелину по собственной дурости. — Улыбка гаснет, и она хмурится. — Но давайте ближе к делу: неважно, как Гейб Торичелли умудрился влипнуть в эту историю, но сегодня утром его убили, похитили или съели, благодаря чему мне теперь придется отлетать две долбанных смены подряд. — Она поворачивается к Берто: — А кстати, почему ты свободен от дежурства? Вчера ты налетал не больше моего.

Берто пожимает плечами:

— Видимо, я у Маршалла в любимчиках, в отличие от тебя.

Не успевают его слова растаять в повисшей тишине, как у меня на экране окуляров всплывает сообщение:

<Команд-1>: Вам следует явиться в кабинет командора Маршалла не позднее 10:30. Неявка с отчетом будет расцениваться как прямое неповиновение приказу и повлечет за собой уменьшение рациона. Доложите о приеме сообщения.

Я только успеваю ткнуть в отправку уведомления о прочтении, как рядом с первым раскрывается второе окно и частично загораживает Нэшино лицо.

<Микки-8>: Видел вызов от командора?

<Микки-8>: Да, видел.

<Микки-8>: Блин. Мы теперь оба Микки-8, да?

<Микки-8>: Похоже на то.

<Микки-8>: Отлично, здравствуй, путаница.

<Микки-8>: Уверен, как-нибудь разберемся.

<Микки-8>: Думаешь, система не заметит, что кто-то выходит под одним логином с двух разных локаций одновременно?

<Микки-8>: Думаю, если не начнут докапываться специально, то нет.

<Микки-8>: Но если начнут, мы оба окажемся в глубокой жопе.

<Микки-8>: Это точно.

<Микки-8>: Короче, думаю, Маршалл вызывает нас за тем, чтобы отчитать за очередную гибель и попенять на расход семидесяти килограммов белка из запасов колонии. Может, возьмешь это на себя? Меня все еще колбасит после бака, я бы поспал.

<Микки-8>: А у меня есть выбор?

<Микки-8>: Пи-и-и...

Моргнув, я закрываю оба окна. Берта и Нэша сидят, уставившись на меня.

— Фу, как некультурно, — говорит Нэша.

— Да, — вторит ей Берто. — Ужасно. — Он отодвигается от стола, встает и забирает поднос. — Что ж, все обсудили, мне пора бежать. Хорошо тебе поразвлечься на вылете, Нэша!

Нэша поддевает вилкой кожуру ямса и кидает в спину уходящего Берто. Я с трудом подавляю желание подобрать ее и съесть.

— Ладно, — говорит Нэша, когда Берто исчезает из виду. — До начала смены еще целый час, мне нужно как-то убить время. Не

хочешь продолжить то, что начали в душевой?

У меня уходит пара секунд, чтобы связать ее вопрос с упоминанием о том, что она видела меня в душе, и еще три секунды, чтобы выкинуть из головы непрошенные образы, как они с Восьмым обнимаются. Не могу же я ревновать к самому себе?

Похоже, могу.

Впрочем, какая разница. К худу или к добру, мне нужно быть в другом месте.

— На самом деле меня только что вызвало командование. Придется нанести визит Маршаллу.

— О, понимаю, — кивает Нэша. — Наверное, он зол как черт, что ты спустил очередной кусок белка в унитаз.

— Ага. Что-то в этом роде.

Она привстает со скамейки и, перегнувшись через стол, притягивает меня к себе за уши и целует.

— Не позволяй ему отчитывать тебя, как мальчишку, — советует она. — Умирать — твоя работа, ты был на задании. Пусть только попробует обвинить тебя в безделье. — Она снова целует меня, на этот раз в лоб. — После смены мне нужно будет поспать, но потом я тебе пиликну, хорошо? — И еще разок целует меня в губы. — Только не забудь почистить зубы. Эта протеиновая гадость ужасно воняет.

Потрепав меня по щеке, Нэша забирает поднос и уходит.

Напрасно я волнуюсь из-за встречи с Маршаллом. Судя по всему, сегодня он меня убивать не собирается. А в последнее время, к сожалению, мне не всегда так везет.

Понятно, Маршалл — наш верховный главнокомандующий, но, как бы там ни было, он единственный из колонистов Нифльхейма, с кем я знаком дольше всего, за исключением Берто. Маршалл был первым, кто поприветствовал меня, когда мой шаттл пристыковался к орбитальному комплексу, на котором закончили собирать «Драккар» и теперь наносили последние штрихи, доводя корабль до ума. Это было через два дня после моего собеседования с Гвен и через три — после «беседы» с приспешником Дариуса Блейка, который заставил меня пережить самые долгие тридцать секунд в моей жизни и взглянуть в лицо Сатане.

Поприветствовал, возможно, сильно сказано. Но во всяком случае, он там был.

Справедливости ради скажу, что я, вероятно, произвел на командора не слишком хорошее первое впечатление. Я ни разу в жизни не испытывал невесомости до того момента, как отключилось гравитационное поле шаттла перед стыковкой с орбитальным комплексом. Конечно, я смотрел видео с людьми на орбите. В развлекательных сетях и пяти минут не проведешь, чтобы не наткнуться на рекламу орбитального курорта с туристами в костюмах-крыльях, играющими в гандбол или другую игру в условиях нулевой гравитации. Мне всегда казалось, что это очень расслабляющий опыт: как будто свободно качаешься на волнах океана, только не нужно беспокоиться, что тебя сожрет кракен.

Однако ирония в том, что в реальности состояние невесомости не имеет ровно никакого отношения к свободному парению.

В ту же секунду, как отключилось гравитационное поле, желудок у меня подпрыгнул и застрял в горле, сердце заколотилось с такой силой, что я почувствовал пульс в кончиках пальцев, а первобытная часть мозга, презрев визуальное подтверждение отсутствия опасности,

заорала, что мы падаем, как дождь с ясного неба, и всенепременнейше разобьемся насмерть.

Я, конечно, не поддался панике, как другие летевшие со мной пассажиры. Не завизжал, не начал сучить руками и ногами, и вакуумная маска для тех, кто не удержал внутри свой завтрак, мне тоже не понадобилась. Со мной все было... нормально. Похвалиться отличным самочувствием я, однако, не мог и к тому времени, как мы пришвартовались и прошли через шлюз в зал прибытия, тряся всем телом и обливаясь потом.

Выглядел я, вероятно, как морфинозависимый наркоман, находящийся в ломке после двух дней абстиненции, — таким меня впервые и увидел Маршалл.

Маршалл встретил нас в лаунж-зоне: он парил у смотрового окна напротив шлюза и обозревал ночную сторону Мидгарда, проплывающего в пятистах километрах под нами. Командор дождался, пока последний из дюжины будущих колонистов не выплыл из шлюза, соединяющего шаттл с орбитальной станцией, и дверь за ним герметично захлопнулась, — только тогда Маршалл обратил на нас внимание. Я сразу сообразил, что передо мной человек, который считает себя великим стратегом, не иначе. Весь он — от стриженных коротким ежиком, черных как смоль волос до крепко стиснутых челюстей и с осанкой настолько прямой, что даже в невесомости он умудрялся держаться так, будто в позвоночник ему вставлен металлический стержень, — казался пародией на легендарных, закаленных в боях военачальников со стальным взглядом, в которых Мидгард не нуждался и которых там никогда не было.

Мне потребовалось три года и две реинкарнации, прежде чем я понял, что Маршалл на десять процентов состоит из искреннего самодовольства, еще на десять — из повышенной тревожности, а остальные восемьдесят ушли на гиперкомпенсацию комплекса неполноценности из-за одного малоприятного факта: хотя после приземления он стал полновластным хозяином колонии, во время перелета его считали не более чем балластом.

— Что ж, — сказал Маршалл, оттолкнувшись от пола и двигаясь по направлению к будущим колонистам. Он ухватился за шест, закрепленный между полом и потолком, подтянулся ближе и оказался более или менее прямо передо мной. — Добро пожаловать на станцию

«Гиммель». Она будет вашим домом, пока нам не дадут добро перейти на борт «Драккара». Меня зовут Иероним Маршалл, и я руковожу нашей маленькой экспедицией. Есть ли среди вас такие, кто уже бывал за пределами родной планеты? — Примерно шесть рук поднялось вверх. Маршалл кивнул. — Превосходно. И кто из остальных сейчас пытается сдержать рвотные позывы? — На этот раз поднялось три руки, а чуть позже, робко, четвертая. Он снова кивнул. — Что ж, со временем это пройдет. Или нет. В любом случае вы здесь до упора, как говорится.

— Сэр? — поднял руку один из тех, кого тошнило.

Маршалл повернулся к нему:

— Слушаю.

— Дуган, сэр. Биолог. Когда... — Он рыгнул и, поморщившись, сглотнул слюну. — Кхм... Когда нам переправят личные вещи? Нам не разрешили взять их с собой на челнок.

Маршалл натянуто улыбнулся.

— Боюсь, что никогда. Общая масса груза, как вы, наверное, догадываетесь, имеет немалое значение в такого рода путешествиях. В результате мы приняли решение отказать в транспортировке на станцию личного багажа. — Со всех сторон раздались недовольные возгласы, но он пресек их одним взмахом руки. — Отставить ныть! Обещаю, каждый будет обеспечен всем необходимым, да вы и сами вскоре поймете, что в колонии первооткрывателей нет места безделушкам. — Он обвел взглядом всех присутствующих: — Еще вопросы?

Я поднял руку. Это была первая из целого ряда ошибок, которые я совершил, едва успев стать колонистом.

— Да, — сказал Маршалл. — А вы у нас?..

— Микки Барнс, — представился я. — Нам говорили, что разрешается взять с собой тридцать килограммов личных вещей.

Командор еще шире растянул губы, так что гримаса у него на лице теперь лишь отдаленно напоминала улыбку.

— Как я уже сказал, мистер Барнс, это распоряжение было отменено.

— Нас никто не предупредил, — упорствовал я. — У меня в сумке остались вещи, без которых я не могу обойтись.

Маршалл окончательно перестал улыбаться.

— Мистер Барнс, — сказал он. — Когда мы закончим погрузку, на борту «Драккара» будет сто девяносто восемь колонистов, включая команду. Если каждый из нас возьмет с собой по тридцать кило милых сердцу сувениров, крема для рук и прочей ерунды, это увеличит массу корабля почти на шесть тонн.

— Знаю. Я умею считать. Просто...

— Тогда вы, наверное, знаете, сколько энергии потребуется, чтобы разогнать массу в шесть тысяч килограммов до ускорения отрыва?

— Э-э... — протянул я.

На лицо Маршалла вернулась улыбка.

— Похоже, вы не так уж сильны в математике, правда?

— Это не имеет значения. Шесть тонн от общей массы корабля не превышают погрешность при округлении.

— Нет, это имеет значение. И если вас интересует ответ, то это будет четыре на десять в двадцать третьей степени джоулей, и такое же количество энергии понадобится, чтобы замедлить эту массу в конце путешествия. Законы физики безжалостны, мистер Барнс, а антивещество, которое служит топливом для космического корабля, невероятно дорогое. Масса «Драккара» была уменьшена до абсолютного минимума, необходимого для выживания членов экспедиции в девятилетнем путешествии — примерно столько времени нам потребуется, чтобы добраться до конечного пункта, — и правительству Мидгарда наш перелет обойдется в астрономическую сумму. Полагаю, вам известно, что девяносто процентов ваших будущих товарищей-колонистов совершат это путешествие в форме замороженных эмбрионов?

— Да, но...

— Как вы думаете, мистер Барнс, почему? Может, потому что мы мечтаем потратить лучшие годы жизни на то, чтобы нянчиться с ордой сопливых ребятишек? — Он помолчал, глядя на меня, будто рассчитывал, что я отвечу. А когда понял, что ответа не дожидается, продолжил: — Нет, не поэтому. Потому что взрослые люди весят куда больше эмбрионов. А знаете, что еще много весит? Еда, мистер Барнс. Когда вы увидите, сколько килокалорий будет составлять ваш обычный дневной рацион до естественного конца вашей жизни, то начнете думать, что лучше бы мы взяли с собой шесть дополнительных тонн сельскохозяйственных культур. Лично я, будь у

меня возможность взять на борт лишних шесть тонн, предпочел бы завербовать еще семьдесят или восемьдесят взрослых колонистов. Так или иначе, каждый из нас может придумать сотню вариантов, на что распределить дополнительную массу, помимо вашего багажа.

Я хотел было сказать ему, что мой багаж, в отличие от семидесяти дополнительных колонистов, не потребует увеличения на сорок процентов запасов пищи, воды, кислорода и жилых помещений на космическом корабле, а самое главное, если бы меня кто-то предупредил, что багаж не поедет со мной на борт, перед посадкой в шаттл я просто рассовал бы по карманам планшет и пару карт памяти — ни о чем другом я, в общем-то, и не жалел.

К счастью, я не совсем идиот. Бросив один взгляд на командора, я тут же решил, что обойдусь молчаливым протестом.

— Между прочим, — сказал Маршалл, — я не совсем уловил, какова ваша функция.

— Моя что? — переспросил я.

— Функция, сынок. Вот мистер Дуган — биолог. А вы кто?

И тут я усугубил свою первоначальную ошибку. Я ухмыльнулся.

— А я ваш расходник, сэр.

Маршалл не улыбнулся в ответ. Его перекосило, будто он надкусил пирожок с несвежей начинкой или ступил босой ногой в кучу навоза.

— Думаю, я мог бы и догадаться. — Он подпрыгнул на месте, ухватился за поручень, выровнял тело в нужном направлении, затем оттолкнулся руками и, перекувыркнувшись через голову, вошел в воздух, как пловец в дорожку бассейна, и заскользил к дальнему выходу из лаунж-зоны.

— Как видите, на станции недостаточно места, чтобы обеспечить каждого колониста и члена команды индивидуальной каютой, — бросил он через плечо перед тем, как выплыть в отъехавшую в сторону раздвижную дверь. — Однако во всех помещениях общего назначения развешены гамаки. Занимайте свободные; гамак будет вашим домом до погрузки на «Драккар».

Он выплыл из салона, и дверь скользнула на место.

— Ого, — сказал Дуган. — Что это было?

— Командор Маршалл исповедует унитарянство^[2], — пояснила высокая брюнетка, болтавшаяся неподалеку от двери шлюза.

Дуган захлебнулся резким, лающим смехом.

— Серьезно? — Он повернулся ко мне: — Ты попал, дружище.

Я перевел взгляд с Дугана на брюнетку и сказал:

— Не понял. Что за унитарянство?

— Секта, — ответил Дуган.

— Это не секта, — возразила женщина. Она оттолкнулась от стены почти с той же ловкостью, какую ранее продемонстрировал Маршалл, поймала поручень и зависла передо мной. — Это вполне достойная религия, а командор Маршалл — истинный верующий. Я проверила его цифровой профиль. Кстати, я изучила профили всех, кто занимает в экспедиции ключевые посты, прежде чем подписаться на это дело. А вы, ребята, разве нет?

По моим ощущениям, сейчас был не лучший момент для признания, что я слишком стремился сбежать от гангстеров с пыточными инструментами, поэтому играть в детектива в социальных сетях мне было некогда, так что я молча помотал головой. Брюнетка рассмеялась:

— Да ты шутишь! Ты же понимаешь, что эти люди будут распоряжаться нами по своему усмотрению до конца жизни. И тебе не пришло в голову поинтересоваться, кто они?

— Нет, — ответил я. — Я об этом не подумал.

Дуган снова расхохотался. Я уже решил для себя, что его смех мне не нравится.

— Он бы не стал ничего выяснять, — заявил он. — Тебя же, наверное, мобилизовали, да? Небось отбывал срок в тюрьме, или откуда ты взялся?

— Что? Нет, в тюрьме я не сидел, и никто меня не мобилизовывал. Меня избрали для этой миссии, как вас.

— Ага, — сказал Дуган. — Избрали, мобилизовали; как ни назови, суть в том, что выбора у тебя не было.

Я покачал головой:

— Ты плохо слушал. Выбор у меня был. Я сам пришел в рекрутинговое агентство два дня назад. Милая дама по имени Гвен провела со мной собеседование. Она сказала, что у меня отличное резюме и моя кандидатура им полностью подходит.

Оба вытаращились в изумлении, будто я у них на глазах отрастил вторую голову.

— Ты шутишь, — наконец брякнул Дуган.

— Нет, — сказал я. — Не шучу.

— А можно поинтересоваться, если не возражаешь: чем ты вообще думал? — спросила брюнетка.

Я уже хотел выложить все начистоту, про Дариуса Бланка и все остальное, но в последний момент у меня хватило благоразумия сдержаться. Не хотелось, чтобы люди, с которыми мне предстояло провести остаток жизни, считали меня преступником.

— Это неважно, — сказал я. — Важно лишь то, что я вызвался добровольцем, никогда не сидел в тюрьме и не изучал ничьи профили в соцсетях, прежде чем записаться в команду.

— Я тоже не изучал, — признался Дуган. — Ребята, это ведь первая экспедиция с Мидгарда! Я был уверен, что для основания новой колонии по умолчанию отберут лучших из лучших. Просто не верится, что они назначили унитария командовать парадом.

— Религиозные взгляды командора вряд ли кого-то коснутся, — заявила наша новая знакомая. — Кроме разве что этого парня. — Она печально взглянула на меня, после чего протянула руку Дугану: — Кстати, я Бри. Из отдела сельского хозяйства. Полагаю, мы будем работать вместе.

Остальные новоприбывшие к тому времени рассосались — видимо, чтобы застолбить себе гамак. Пока Бри с Дуганом, улыбаясь, пожимали друг другу руки, у меня начали закрадываться подозрения, что мой гениальный план побега с планеты может оказаться провальным.

— Послушайте, — обратился я к ним, — не хочу показаться идиотом, но не могли бы вы объяснить, какое отношение ко мне имеют религиозные взгляды Маршалла?

Бри повернулась ко мне. На лице у нее было ясно написано, что она находит Дугана намного более интересным собеседником, а вот я, похоже, ей неприятен и мое присутствие начинает действовать на нервы.

— Основополагающей доктриной унитарийской церкви является вера в уникальность каждой души.

— Э-э...

— Они против биопечати клонов, — пояснил Дуган. — Унитарии свято верят, что одному телу полагается одна душа, и если тело

умирает, душа умирает вместе с ним.

— Верно, — поддержала его Бри. — Что, по их мнению, означает следующее: клонированное тело с загруженными в него данными личности владельца является, по сути, бездушным монстром.

— Ага, — поддакнул Дуган. — Противоестественной мерзостью.

— Не вполне человеком.

Биолог кивнул.

— На самом деле просто нечеловеком.

— Хм, тогда мне...

— Не повезло, да, — подтвердила Бри.

— Эй, гляди веселей, — подбодрил меня Дуган. — Ты, конечно, расходник, но тебя еще ни разу не пускали в расход, я прав? В смысле, пока что ты оригинал самого себя.

— Пока да, — согласился я. — Я всего два дня как завербовался в экспедицию. У меня не было времени даже разобраться, как происходит загрузка данных. В любом случае сейчас я пребываю в том самом теле, в котором родился.

— Вот и отлично! — воскликнул Дуган, хлопнув меня по плечу. — Чтобы не вызвать неудовольствие Маршалла, постарайся в нем и остаться.

Хороший совет, брат, а главное — полезный.

Странно, почему я ему не последовал?

Обычно я стараюсь никуда не опаздывать, особенно когда опоздание напрямую влечет за собой уменьшение рациона. Впрочем, приходить заранее я тоже не люблю, и эта нелюбовь усиливается вдвойне, если речь идет о том, чтобы пораньше явиться на разнос к Иерониму Маршаллу. Я нога за ногу иду по коридорам, дважды останавливаюсь поговорить с людьми, а дойдя до кабинета, болтаюсь под дверью до тех пор, пока часы на экране не показывают 10:29, и только тогда стучу.

— Войдите.

Дверь распахивается. Маршалл сидит перед низеньким столом из металлопластика. Он наклонился в кресле вперед, локти на подлокотниках, руки сцеплены в замок на животе. Напротив него, вполоборота ко мне, сидит Берто.

— Закройте дверь, — говорит Маршалл, — и садитесь.

Я беру стул и устраиваюсь рядом с Берто. Командор смотрит на нас, не произнося ни слова, пока молчание не становится невыносимым.

— Итак, — не выдерживает Берто, но Маршалл обрывает его одним взглядом.

— Вы, Барнс, — говорит он. — Назовите номер своей копии.

— Э-э... Восьмой? — отвечаю я.

Он удивленно вздергивает бровь:

— Вы как будто не уверены.

— Номер не выжжен у меня на зашивке, сэр, и обычно я не помню, как умираю. Мне известно, что я Восьмой, потому что вы же мне об этом и сообщили.

— Но вы ведь помните, как вылезли из бака?

Я кошусь на Берто. Он смотрит прямо перед собой.

— Вообще-то нет, сэр. Я полностью прихожу в сознание лишь через несколько часов. Обычно первое воспоминание такое: я просыпаюсь в своей постели с жутким похмельем.

Лицо Маршалла темнеет, хотя выражение не меняется.

— Учитывая, что на Нифльхейме у вас нет доступа к алкоголю, мистер Барнс, мы можем смело предположить, что подобный неприятный опыт связан с перезагрузкой данных, а не трехдневным запоем. А вы как считаете?

Я мог бы сострить в ответ, но чувствую, что сейчас не время умничать.

— Да, сэр, — отгарабаниваю я. — Думаю, это верное предположение.

— И сколько раз такое с вами происходило, мистер Барнс?

— Семь раз, сэр!

— То есть вы восьмая копия Микки Барнса, верно?

— Да, сэр. Я Микки-восемь.

Маршалл долго сверлит меня пристальным взглядом, потом поворачивается к Берто:

— Гомес. Почему перед нами восьмая копия мистера Барнса?

— Гм... сэр, — мнется Берто. — По протоколу мы должны в любой момент иметь полнофункционального расходника.

— И что дальше?

— А дальше... вчера седьмая копия перестала функционировать. Поэтому, согласно протоколу, я подал заявление на создание Микки-восемь.

— Спасибо, Гомес, — говорит Маршалл, — за столь официальный доклад. Мне даже на минуту почудилось, что вы действительно озабочены соблюдением протокола.

— Сэр! — вскидывается Берто, но командор только качает головой:

— Оставьте это, сынок. Объясните мне, пожалуйста, своими словами, а не цитатами, взятыми из боевого устава, как именно вы умудрились вчера вечером спустить в унитаз семьдесят пять килограммов белка и кальция.

На самом деле во мне примерно семьдесят один килограмм, и большая часть этого веса — вода, запасов которой у нас более чем достаточно в наметенных снаружи сугробах. Однако момент, чтобы озвучить свои выкладки, не самый удачный.

— Хорошо, сэр, — говорит Берто. — В общем...

Маршалл наклоняется вперед, ставит локти на стол, кладет подбородок на сплетенные пальцы и поднимает брови почти до линии

роста волос. Берто откашливается. Ни разу раньше не видел, чтобы мой приятель так нервничал.

— Как я и написал в заявлении на восстановление, Микки был потерян примерно...

— Вы имеете в виду седьмую копию мистера Барнса?

— Да, сэр. Микки-семь. Мы потеряли его вчера вечером около 25:30, когда он исследовал пещеру примерно в восьми километрах к юго-западу от главного купола. Исследование проводилось в соответствии с вашим текущим распоряжением о разведке окрестностей колонии и наблюдении за местной фауной. После того, как я удостоверился, что тело невозможно достать...

— Как именно удостоверились?

Я кошусь на Берто. Он смотрит прямо перед собой. Ха, сейчас будет интересно.

— Сэр?

— Я, кажется, четко сформулировал вопрос, — хмурится Маршалл. — Как именно вы удостоверились, что тело невозможно достать?

— Ну... — говорит Берто и оглядывается на меня.

— Ко мне не обращайся, — предупреждаю я. — Если помнишь, я был телом.

— Если вам неприятно присутствовать при этом разговоре, можете подождать за дверью, мистер Барнс, — предлагает Маршалл. — Пока я не выясню обстоятельства вашей гибели.

Я отрицательно качаю головой.

— Ну нет. Мне так же интересно послушать, как и вам.

Маршалл переводит взгляд на Берто:

— Итак?

— В общем, — продолжает пилот, — он провалился в яму.

Маршалл откидывается на стуле и скрещивает руки на груди.

— Что?

— Он провалился в яму, — повторяет Берто. — В очень глубокую расщелину. К тому времени, как он перестал шевелиться, сигнал от его передатчика был практически на нуле.

— Практически? То есть вы могли определить его местоположение.

— Я...

— Вы могли определить местоположение, — продолжает Маршалл, — а значит, могли его вытащить. Или я не прав?

— Хм, — вклиниваюсь я. — Лично мне такой ход рассуждений кажется логичным.

Оба одновременно вскидывают на меня глаза. Берто снова откашливается и пробует продолжить:

— По моей оценке, сэр, совершать посадку в том месте, где провалился Микки, было небезопасно.

— Понятно, — кивает Маршалл. — Однако, по вашей же оценке, сбросить его в том месте было безопасно. Я правильно понимаю?

— Вот именно, — поддакиваю я. — Что ты на это скажешь?

Маршалл тычет пальцем в мою сторону:

— Заткнитесь, Барнс! С вами я разберусь, когда закончу с Гомесом. — Он снова поворачивается к Берто: — Послушайте, Гомес, я знаю, что в соответствии с приказом вы при каждом удобном случае должны исследовать окрестности базы и наблюдать за существами, которых называете ползунами. В то же время я жду не слепого исполнения приказов, а надеюсь, что в случае необходимости вы воспользуетесь собственными мозгами. В частности, если, по вашей оценке, велика вероятность гибели расходника в ходе выполнения задания, вам следует заранее позаботиться о том, как доставать его тело. Я достаточно ясно выразился?

Девять лет назад я бы оскорбился, что Маршалл видит проблему не в том, что Берто допустил мою гибель, а в том, что он не приложил достаточно усилий для возвращения моего трупа на базу. Сегодня, однако, я бы очень удивился, выскажи командор иную точку зрения.

Берто хочет возразить, но Маршалл недобро сощуривает глаза, и это, видимо, заставляет моего приятеля передумать, потому что он тут же захлопывает рот и молча кивает. Командор поворачивается ко мне:

— Теперь вы, Барнс. Что вы можете сказать?

— Я, сэр? Боюсь, у меня нет никакого мнения по данному вопросу. Если помните, я только что выбрался из бака, а Седьмой, похоже, не загружал обновлений в течение нескольких недель перед своей гибелью. Я не имею ни малейшего представления, о чем сейчас шла речь.

— Хм, верно, — тянет Маршалл. — Похоже, это правда. Я иногда забываю, что вы всего лишь искусственный конструкт.

Обычно я бы поспорил, но сейчас, опять же, неподходящий момент.

— Как бы там ни было, — продолжает он, — я уверен, вам обоим хорошо известно, что наш сельскохозяйственный отдел столкнулся с огромными трудностями по части выращивания культур в условиях этой планеты, и в результате мы постоянно находимся на грани выживания, потому что запасы питания едва покрывают наши потребности. Ваша деятельность в течение предыдущих нескольких недель повлекла за собой необратимое изъятие почти трехсот килограммов белка из этих запасов. Пока сельскохозяйственный отдел не заработает на полную мощность, если это вообще случится, такие траты неизбежно означают уменьшение дневного рациона колонистов. — Помолчав, командор снова наклоняется к нам и облокачивается о стол. — Думаю, вы согласитесь, что, как виновные в этой ситуации, должны понести основное бремя сокращения количества калорий.

— Сэр, — начинает Берто, но Маршалл качает головой: не стоит.

— Нет, Гомес. Я ничего не хочу слышать. С этого момента ваш рацион урезается на двадцать процентов, окончательно и бесповоротно, для обоих.

— Но...

— Я сказал, — чеканит Маршалл, — что ничего не желаю слышать. — Он пригвождает взглядом Берто, потом меня. — У вас есть какие-нибудь дополнения, Барнс?

— Ну, — говорю я, — если честно, мне не совсем понятно, почему я должен нести наказание за то, что не вернул свой труп на базу.

Маршалл не мигая таращится на меня в течение пяти секунд, потом моргает и произносит:

— Позвольте мне перефразировать мой вопрос: есть ли у вас что добавить, помимо попытки в очередной раз блеснуть остроумием?

Мне есть что добавить, но я не вижу в этом большого смысла, поэтому отрицательно мотаю головой.

— Нет, сэр.

— Хорошо, — говорит Маршалл. — Возможно, в следующий раз урчание в животе напомнит вам, что следует лучше заботиться об имуществе колонии. Можете быть свободны.

— Ну и каково это, — интересуется Берто, когда мы отходим на приличное расстояние, где Маршалл точно нас не услышит, — ощущать себя «имуществом колонии»?

— Хороший вопрос, — откликаюсь я. — У меня к тебе встречный: каково чувствовать себя лживым мешком дерьма?

Берто резко останавливается. Я оборачиваюсь к нему. Поразительно, но ему удается соорудить обиженное выражение лица.

— Слушай, Микки, — тянет он, — это несправедливо.

— Берто, ты мне сказал, будто меня сожрали ползуны.

Он отводит глаза.

— Да. Это было не совсем правдой.

— Не совсем? Это неправда, точка. Ты бросил меня умирать, разве не так?

Женщина из биоотдела пытается незаметно просочиться мимо, делая вид, будто не замечает нашей ссоры. Когда девять лет живешь в ковчеге бок о бок с другими, как кролики в тесной клетке, быстро приучаешься давать соседям хоть каплю уединения.

— Пожалуйста, можешь говорить потише? — просит Берто.

— Хорошо.

Я разворачиваюсь и ухожу. Он медлит, но потом бросается вдогонку.

— Слушай, — говорит он, — ну прости. Seriously. Я должен был сказать тебе правду.

— Да, должен, это точно.

— Тут я был не прав, — продолжает он. — Но я не бросал тебя умирать, Микки! Ты упал с высоты больше сотни метров. Да к тому моменту, как ты шмякнулся о дно пещеры, ты уже был мертв. Я не собирался рисковать своей задницей ради на кой-то сдавшихся Маршаллу семидесяти пяти кило белка, но будь хоть малейший шанс вытащить тебя живым, я бы это сделал. Ты ведь сам знаешь, правда?

Боже милостивый, как же мне хочется врезать Берто по роже. Он ведь совсем недавно слышал, как Нэша говорила, что выходила со мной на связь после падения. Неужели он вправду считает, что, если искренне повторять лживую чушь, она превратится в правду? К моему великому сожалению, я не могу признаться приятелю, что мне

известно, как именно он поступил; к тому же он сильнее, выше, быстрее и может свернуть мне шею, как куренку, а то бы точно его ударил.

— Да, Берто, — говорю я. — Конечно, знаю. Ты никогда не бросил бы друга в беде. Скажем, энную копию имущества колонии — возможно, но друга — нет, никогда. Ты непременно поспешил бы ему на помощь.

Он хватает меня за плечо и резко разворачивает к себе. Но, увидев выражение моего лица, тут же вскидывает руки вверх и отступает назад.

— Ух ты! — восклицает он. — Не знаю, что с тобой творится, Микки, но возьми себя в руки. Дерьмово, что вчера тебе пришлось умереть, но давай будем честны: это издержки твоей работы. Маршалл нарочно отправлял тебя на смерть по меньшей мере трижды, но ни разу прежде я не видел тебя настолько обозленным. Из-за чего ты так на меня взъелся?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и медленно выпускаю воздух.

— Я обозлен потому, Берто, что жизнь у меня крайне неупорядоченная. Время от времени я просыпаюсь в собственной постели, с раскалывающейся от боли головой, покрытый мерзкой слизью, и понимаю, что накануне со мной случилось нечто ужасное, но я не помню ни самого события, ни его причин и не представляю, как себя вести, чтобы предотвратить подобное в будущем. И когда такое происходит, я полагаюсь на тебя и на Нэшу, надеясь услышать правду о том, что со мной случилось. Я вынужден доверяться тебе, поскольку у меня буквально нет другого способа восстановить ход событий. А теперь я наверняка знаю, что по крайней мере однажды ты мне солгал о том, что случилось, и теперь вынужден задуматься, сколько еще раз в прошлом ты точно так же лгал мне. Это ты способен понять?

Возможно, до Берто что-то доходит, поскольку он прячет от меня глаза.

— Да, — тихо говорит он, — я понимаю. Прости, Микки, мне правда жаль. Я никогда не думал об этом в таком ключе.

Его раскаяние выглядит искренним. Может, мой приятель окажется не таким уж плохим игроком в покер.

— Угу, — говорю я. — Хотя, вероятно, стоило бы подумать.

— Вероятно. — Он поднимает глаза и лукаво улыбается: — А знаешь, в следующий раз я постараюсь заснять то, что тебя убьет, на видео. И если получится, покажу ролик Девятому, едва он вылезет из бака.

Я пока не готов остыть, но этот лживый мешок с дерьмом, как ни крути, мой лучший друг.

— Спасибо, — говорю я ворчливо. — Так мило с твоей стороны проявить заботу, засранец.

Берто сгребает меня в могучие объятия длинными, как у гориллы, руками.

— Ну правда, Микки, прости, что я соврал тебе. Больше такого не повторится.

— Угу, — мычу я, уткнувшись ему в грудь. — Надеюсь, что нет.

* * *

До меня только сейчас дошло, что я рисую Берто в не слишком выгодном свете, и вы, наверное, удивляетесь, почему я вообще с ним подружился. Если кратко, то я считаю, что людей в жизни нужно принимать такими, какие есть. Не бывает идеальных друзей; совершенства в принципе не существует, и если начать ко всем придирааться за неизбежные и многочисленные просчеты, то можно упустить то хорошее, что люди приносят в твою жизнь.

Например, в школе последнюю пару лет я дружил с парнем по имени Бен Аслан. Бен был хорошим парнем. Достаточно умным, чтобы два семестра подряд вытягивать меня на положительную оценку по астрофизике, несмотря на полное отсутствие у меня способностей к математике; достаточно веселым, поскольку в двенадцатом классе меня на два дня наказали из-за того, что он рассмешил меня на похоронах заместителя директора, и достаточно верным, чтобы не сбежать, а встать со мной плечом к плечу, когда я по недоумию ввязался в драку с кучей взрослых пьяных парней на концерте «Флаинг вомбатс» летом после нашего выпуска.

И в то же время Бен был невероятным, прямо-таки патологическим скупердям.

Асланы владели контрольным пакетом акций компании, основавшей франшизу междугородных перевозок по всей планете. Отец Бена регулярно входил в список двадцати пяти богатейших людей Мидгарда. У моего товарища были свой флиттер, наземный автомобиль, домик на пляже и слуга, который прибирал за ним в студенческом общежитии. И тем не менее за все время нашего знакомства Бен ни разу не оплатил чек. Импланты он так и не вставил: говорил, что на него могут напасть и вырезать ему глаз, чтобы получить доступ к его трастовому фонду, а когда мы шли гулять, постоянно забывал взять с собой телефон — да и зачем Бену было его брать? Если ему нужно было с кем-то поговорить, за него это делали люди, которым он платил. Но суть в том, что каждый раз, когда нам приносили чек, он улыбался, пожимал плечами и обещал заплатить в следующий раз.

И так продолжалось годами.

Почему я с этим мирился? Почему я, мальчишка, у которого на счете никогда не было больше двадцати штук, покупал галлоны пива и горы еды для самого богатого парня из всех моих знакомых?

Ответ прост. Я хорошо знал Бена и принимал его полностью. Сложив все выгоды от общения с ним, я вычел из них раздражение от необходимости платить каждый раз, когда мы куда-нибудь идем, и решил, что в конечном итоге все равно остаюсь в плюсе. А дальше, однажды приняв такое решение, я перестал беспокоиться об оплате чеков. Оно того не стоило.

Думаю, и с Берто тот же случай, правда, вместо того чтобы зажимать оплату в ресторане, он периодически подставляет меня под пытки гангстеров или бросает подыхать в какой-нибудь дыре. Ну да, он вот такой. Жить становится намного проще, когда принимаешь все как есть и двигаешься дальше.

* * *

Вернувшись к себе, я обнаруживаю, что Восьмой свернулся клубочком на кровати и сладко спит. Мне не хочется его будить: похмелье после бака жесткая штука, но я тоже устал, к тому же нам

есть что обсудить. Хлопнув дверью, я сдергиваю с него простыню. Под ней он спал голым.

Я ставлю себе мысленное напоминание сменить белье.

Восьмой отрывает голову от подушки и моргает, глядя на меня, потом хватается за простыню и тянет на себя, чтобы прикрыться. В этот момент я замечаю повязку у него на левой кисти.

— Погоди, — спрашиваю я, — что у тебя с рукой?

Он бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Ничего, идиот. Мы с тобой должны выглядеть идентично. Ты не можешь снять повязку, поэтому мне пришлось забинтовать руку.

— Но она не фиолетовая.

Он смотрит на запястье и снова таращится на меня:

— Что?

— Рука, — объясняю я. — Замотать ты ее замотал, но она не посинела. Если кто-то начнет приглядываться, то сразу поймет, что никакой травмы у тебя нет.

— Если кто-то начнет приглядываться, считай, мы оба покойники. — Он хлопается обратно на подушку и натягивает простыню до подбородка.

Я вздыхаю и снова сдергиваю ее.

— Извини, — говорю я. — Пора вставать. Нам нужно обсудить несколько вопросов.

Он садится, трет глаза кулаками и натягивает простыню до пояса.

— Да неужели? Ты в курсе, что я недавно из бака? Обычно нам дают сутки, чтобы восстановиться.

Я присаживаюсь на край кровати.

— Да, на работу нас сегодня не вызовут, и это очень хорошо, потому что как мы будем делить между собой рабочий график — один из основных вопросов, которые надо решить. Только один из нас может свободно передвигаться по базе и за ее пределами в рабочее время, если мы не хотим, чтобы Маршалл засунул наши трупы в мусоросборник.

Восьмой широко зевает, снова трет глаза и косится на меня. Лицо его медленно расплывается в улыбке.

— Слушай, есть гениальный план! Мне кажется, он должен сработать на ура. Каждому придется выполнять всего половину обязанностей, разве не круто?

— Круто, — соглашаюсь я. — До тех пор, пока нас будут подряжать на помощь в инженерный или сельскохозяйственный отделы, мы спокойно сможем делить смены. Но что произойдет, когда Маршаллу взбредет в голову отправить нас драить помещение реактора, работающего на антиматерии?

Восьмой перестает улыбаться.

— А рано или поздно это обязательно случится, — кивает он.

— Да. Вот поэтому нам и нужно заранее выработать план действий, согласен?

Он пожимает плечами.

— Для меня решение очевидно. Я не должен был появиться из бака до твоей гибели. Следовательно, чтобы уравнять счет, следующую миссию со смертельным исходом ты берешь на себя.

Для меня вывод не столь однозначен. И я намерен объяснить Восьмому, почему его аргументы яйца выеденного не стоят, но...

Но на самом деле мне нечего возразить: он прав.

— Ладно, — говорю я наконец, — когда Маршалл измыслит для нас новую самоубийственную миссию — но только такую, которая повлечет за собой верную гибель, как было с Третьим, — я брошусь грудью на меч. Брать на себя всю опасную работу я не собираюсь. Если он снова пошлет нас в разведку, на обход периметра или в полет на флиттере с Берто, будем разыгрывать жребий в «камень-ножницы-бумага».

Восьмой смотрит на меня прищурившись и склонив голову к плечу. На секунду мне кажется, что он не согласится. Однако в итоге он пожимает плечами и говорит:

— Да, так будет справедливо.

— Хорошо. — Я вздыхаю с облегчением. — Значит, в следующий раз, как вызовут на работу, сориентируемся по обстоятельствам.

— В любом случае, пока один из нас не погибнет на задании, если такое вообще произойдет, выживать на половинном рационе будет тяжело.

— Кстати, об этом...

— О чем? О рационе или о дежурстве?

— О рационе, — отвечаю я. — Встреча с Маршаллом прошла совсем не так, как я надеялся.

У Восьмого съезжает лицо.

— Рассказывай.

— Он урезал наш рацион на двадцать процентов.

Он стонет.

— Как я тебя понимаю, — говорю я. — Даже для одного это дурная новость, а нас двое. Так что в обозримом будущем нам придется очень и очень несладко.

Он прислоняется к стене, запрокидывает голову и закрывает глаза.

— Да неужели? Это же катастрофа, Седьмой. Я только из бака. Жрать хочу буквально до смерти. Если я не набью желудок калориями, то не вини меня, когда я откушу и сожру твою руку, пока ты будешь спать.

Я запускаю пятерню в волосы. На пальцах остается жирная пленка, и я вспоминаю, что не мылся почти неделю.

— А утром ты не позавтракал?

Он открывает глаза и хмуро смотрит в сторону.

— Если это можно назвать завтраком. Урвал протеиново-витаминный смузи, когда проходил мимо столовой.

— Мило. И сколько калорий из рациона ты израсходовал?

— Наверное, шестьсот.

— Угу, я тоже. Так что до конца дня нам на двоих остается четыреста.

— Господи боже, да как так? — стонет он. — По двести на брата?

Я делаю глубокий вдох, задерживаю воздух в легких и медленно выдыхаю.

— Можешь съесть все.

Он широко распахивает глаза:

— Правда?

— Я уступил тебе двести килокалорий протеиновой бурды. Не делай из этого сенсации.

— А завтра?

— Не наглей. Завтра делим поровну, пятьдесят на пятьдесят.

Он вздыхает.

— Да, это справедливо. Более чем. Спасибо, Седьмой.

Я похлопываю его по колену.

— Не вопрос. Это меньшее, что я могу для тебя сделать. Спасибо, что решил не убивать меня сегодня утром.

— И правда, — говорит он. — Если честно, с моей стороны это был ужасно великодушный поступок. Может, все-таки завтра пожертвуешь своей продуктовой карточкой в мою пользу?

Моя ладонь все еще лежит у Восьмого на колене, и я больно сжимаю его.

— Еще раз говорю, не наглей. Я уверен, что в следующий раз один из нас съест полный рацион, поскольку другой будет уже мертв.

Он ложится и закидывает руки за голову.

— Есть к чему стремиться.

— И не говори. — Я собираюсь сказать, что бывают в жизни такие моменты, когда даже чистка камеры реактора может показаться не самой плохой идеей, как вдруг вспоминаю про разговор в кафетерии. — Слушай, пока не забыл: ты случайно не натыкался на Берто по пути сюда?

— Нет. А что?

— Я встретил его утром в столовой. И он вроде как намекнул, что видел тебя. Мне кажется, он что-то подозревает.

Восьмой пожимает плечами.

— Если придется ему признаться — значит, так тому и быть. Конечно, он придет в ужас, но вряд ли побежит плакаться командованию. Он виноват в случившемся не меньше нашего.

— И то правда. — Я пытаюсь еще что-то сказать, но на меня нападает зевота. Восьмой уже закрыл глаза. Я пихаю его в бок: — Подвинься.

Он откатывается к краю кровати. Я снимаю ботинки и вытягиваюсь рядом. Довольно странно делить постель с самим собой, но, думаю, мы как-нибудь привыкнем.

Я уже начинаю засыпать, когда вспыхивает видеоэкран с сообщением.

<Команд-1>: Барнс, немедленно явитесь к главному шлюзу. У нас проблемы.

Я чувствую внезапный толчок сердца. Вдруг Берто прокрался обратно к Маршаллу и заложил нас?

Нет. Если бы командор узнал, он не стал бы слать сообщение. Сюда отправили бы охранников с огнеметами и пластиковыми наручниками, чтобы повязать нас обоих. Я поворачиваю голову к Восьмому, который лежит с закрытыми глазами.

— Думаю, они по твою душу, брат, — говорит он.

Я сажусь.

— Нас вызывают, Восьмой.

— Да. Если это убойная работа, то твоя очередь. Если рутинная, то сегодня тоже твоя, потому что я еще не отошел от восстановления.

— А если ни то и ни другое? Выбросим кулачки?

— Не-а, — говорит он. — Ты мне в любом случае должен.

Он переворачивается на бок и натягивает простыню на плечи. Я трачу драгоценные секунды, пялясь на его затылок, потом свешиваю ноги с края кровати, сажусь и надеваю ботинки. Когда я захопываю за собой дверь, он уже храпит.

Работы под куполом у меня полно. Поскольку я не прикреплен ни к одному отделу, то каждые два дня меня откомандировывают туда, где требуется выполнить очередную тяжелую или грязную работу. Я чистил кроличьи клетки в сельскохозяйственном отделе. Заступал охранником на смену в отделе безопасности. Однажды даже замещал секретаря Маршалла, когда тот взял отгул по болезни — как потом выяснилось, он пытался изготовить алкоголь в домашних условиях и попытка окончилась плачевно. Такого рода назначения мне подбрасывает полуавтономная система, управляющая кадрами колонии. Но когда я получаю прямой вызов от командования, меня вряд ли попросят таскать коробки. Придется выполнять свою настоящую работу.

А в чем она заключается, мне четко объяснили в первый же день моего пребывания на станции «Гиммель». Утром первого дневного цикла мне удалось отыскать туалет и, после нескольких позорных и неудачных подходов, даже сообразить, как помочиться в условиях невесомости. Потом я нашел каюту, где раздавали пищевые пайки. Я даже выбрал себе гамак среди сорока прочих, подвешенных в просторном помещении, похожем на конференц-зал. Запах там стоял странный, но и к нему я начал понемногу привыкать. Как мне казалось, я вполне неплохо обустроился в новой жизни.

Я дремал, пристегнувшись к гамаку, и наконец-то почти смог представить, что парю в невесомости, а не бесконечно падаю вниз, когда меня ткнули под ребра чем-то твердым и острым. Я машинально отбил атаку, нечаянно отправив гамак в стремительное вращение вокруг горизонтальной оси. Распахнув глаза, я попеременно увидел пол, стену и потолок, и только потом появилась женщина, ткнувшая меня в бок: высокая, бритая налысо и темнокожая, в бесформенном сером комбинезоне — униформе постоянных работников станции. Она присела, широко расставив ноги, поймала гамак и остановила мое вращение.

— Ты Барнс, верно?

Я моргнул, фокусируя на ней взгляд.

— Возможно. А кому я понадобился?

Она ухмыльнулась:

— Я Джемма. Подъем. Пора приступать к работе.

* * *

Почти все время моего пребывания на станции «Гиммель» Джемма мне нравилась. Она была отличным учителем. Добрая, смешная и до странности заботливая. Когда у нас были утренние занятия, она приносила горячий чай. Когда я чего-то не понимал, она останавливалась, возвращалась назад и терпеливо объясняла снова и снова, пока до меня не доходило. Если во время обучения ей в голову и закрадывалась мысль о том, что я тупой, она не выдала этого ни словом, ни взглядом.

В тот первый день мы начали с изучения схем инженерных сетей «Драккара». Мне поведали, где и как хранятся запасы антиматерии и реагентов, каким образом их соединяют вместе для реакции и что произойдет (на этом Джемма сделала особенный упор) в результате случайной разгерметизации склада.

— Аварию в блоке хранения антиматерии можно даже не рассматривать, — сказала Джемма. — Эта проблема разрешится сама собой.

Мы сидели друг напротив друга за складным столом в какой-то заброшенной кладовке. Джемма с улыбкой ожидала моей реакции. Когда спустя пять секунд она так ничего и не дождалась, вид у нее сделался расстроенный.

— Ты разве не хочешь спросить, каким образом?

Я закатил глаза.

— Мы все умрем?

— Да, — подтвердила она. — Но я собиралась сказать смешнее.

Я вздохнул.

— Зачем мне все это знать? У нас целая команда инженеров. И даже если все они погибнут, вряд ли нам помогут скудные знания, которые тебе удастся впихнуть мне в голову за две недели. Я люблю историю. Могу рассказать, кто такой Вернер фон Браун^[3], но на этом

мои познания в области двигателестроения заканчиваются. В школе я с трудом сдал физику высоких энергий, и было это очень давно.

— Я не собираюсь делать из тебя инженера, — возразила Джемма. — На «Драккаре» специалистов по ракетным двигателям будет в избытке. Они, конечно, объяснят тебе, как действовать, если возникнет такая необходимость, но в случае экстренной ситуации время наверняка станет поджимать, и ты сможешь реагировать значительно быстрее, если разберешься хотя бы в основах.

— Но если что-то пойдет не так, моя помощь обязательно потребуется, потому что...

Ее улыбку как рукой стерло.

— Потому что через час после отключения реактора поток нейтронов в камере сгорания все еще настолько высок, что гарантирует смертельную дозу облучения менее чем за шестьдесят секунд, даже через защитный бронескафандр. Впрочем, если произойдет авария, поверь мне, на тебе никакого скафандра не будет. Потому что стоит он чертовски дорого.

— Понятно, — сказал я. — Я и не предполагал, что они сами полезут внутрь двигателя, кто же так делает. Но мне казалось, что для этого используют дроны.

Она отрицательно помотала головой.

— Дронам направленный поток высокоэнергичных частиц вредит так же, как и тебе. Ты удивишься, но на самом деле человеческое тело способно выдерживать бомбардировку тяжелыми частицами намного дольше любого механизма. С чисто практической точки зрения после шестидесяти секунд нахождения в камере ты ходячий труп, но до твоего тела это дойдет только через час, и все это время ты сможешь выполнять полезную работу. Дрон в таких условиях выйдет из строя меньше чем за минуту, а как только мы улетим от промышленной базы Мидгарда, восстановить сломанный дрон будет намного сложнее, чем тебя. Твой официальный статус — расходник миссии, Микки. Моя задача — в следующие двенадцать дней донести до тебя, что это означает на самом деле.

Кажется, с той минуты она стала нравиться мне немного меньше.

Говорили мы с Джеммой не только об инженерных схемах и радиационном отравлении. Когда становилось понятно, что на сегодня голова у меня переполнена техническими данными и больше в нее не влезет ни крупицы информации, мы переключались на философию, и такие разговоры были мне больше по душе.

Оказывается, люди долгое время издалека пытались приблизиться к тому, что стало центральным вопросом моей жизни. В первый день, когда мы закончили обсуждать множество способов, которыми я мог бы погрузиться в небытие, Джемма рассказала мне о корабле Тесея.

— Представь, — сказала она, — что однажды Тесей отправился в кругосветное плавание.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, я это знаю, но для порядка спрошу: кто такой Тесей?

— Герой с Земли из очень давних времен, — ответила Джемма. — Мифы о нем считались древними еще за три тысячи лет до создания Диаспоры.

— Ага. И он поплыл вокруг света?

— Да, — продолжила Джемма. — Он отправляется вокруг света на деревянном корабле. Пока длится плавание, части корабля изнашиваются, и ему приходится постепенно их заменять. Годы спустя, когда он наконец возвращается домой, каждая дощечка в первоначальном корабле заменена новой. Вопрос. Тот ли это еще корабль, на котором Тесей отплыл в путешествие, или уже другой?

— Дурацкий вопрос, — заметил я. — Конечно, тот же!

— Хорошо, — кивнула она. — А что, если его корабль разбился в шторм и пришлось полностью строить его заново, чтобы продолжить путешествие? Это тот же самый корабль?

— Нет, — ответил я. — Это совсем другое. Если пришлось перестроить корабль целиком, то это «Корабль Тесея — 2», продолжение.

Джемма облокотилась о стол и наклонилась ко мне:

— Правда? Почему? Какая разница, заменят детали по одной или все разом?

Я открыл рот, чтобы ответить, но понял, что крыть мне нечем.

— Это ключ к полному принятию твоей работы, Микки. Ты и есть корабль Тесея. Как и все мы. В человеческом теле нет ни одной живой функционирующей клетки старше десяти лет, и с тобой та же история.

Наш организм постоянно перестраивается, по одной «дощечке» за раз. Если ты и вправду согласишься на эту работу, то в какой-то момент тебя, скорее всего, полностью перестроят заново, но в конечном счете какая разница? Результат одинаков. Просто, когда расходник отправляется в бак, регенерация тела происходит в ускоренном режиме, а не растягивается во времени, как если бы он восстанавливался естественным образом. Пока сохранены воспоминания, он все равно что и не умирал. Всего лишь пережил необычайно быструю перестройку.

* * *

Не хочу, чтобы вы подумали, будто все мое обучение сводилось к разглядыванию схем и разговорам о Тесее. Были и занятные практические уроки. Например, Джемма преподавала мне основы обращения с линейным ускорителем. Пострелять из настоящего ускорителя на станции я, конечно, не мог, но Джемма предоставила весьма реалистичный симулятор, на котором я убивал космических зомби, так что, когда много лет спустя мне довелось применить оружие в действии, особых отличий я не заметил. Еще она научила меня надевать и снимать вакуумный костюм. Показала, как правильно соединять между собой все части полного защитного бронескафандра. На шестой день она взяла меня с собой в открытый космос, и целый час мы ползали по корпусу станции, тренируясь откручивать и затягивать болты реверсивными гаечными ключами. Никогда не забуду, как однажды, пока мы с ней стояли кверху ногами на дне станции, я поднял глаза и увидел, что мимо, медленно вращаясь, проплывает ночная сторона Мидгарда.

— Я тебя понимаю, — сказала Джемма. — Потрясающее зрелище, правда?

— Вон то яркое пятно — это Кируна, да? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Ты оттуда?

Я кивнул. Она не могла увидеть кивок сквозь зеркальное забрало шлема, но, кажется, все равно поняла.

— А теперь ты улетаешь навсегда. — Мы висели в полной тишине и смотрели на вращение Мидгарда, пока Кируна не скрылась

за горизонтом. — Я восхищаюсь вами, ребята, — призналась Джемма чуть погодя. — Я имею в виду, колонистами. Не понимаю вас, но восхищаюсь. Мне известна романтика дальних странствий. Я знаю, что человечество должно стремиться преодолеть новые пределы, стать неуязвимым для любых локальных катастроф; в конце концов, в этом и состоит цель Диаспоры, но... сама я никогда не смогла бы улететь.

Я пожал плечами:

— Что поделать. Не всем дано быть прирожденными исследователями.

Джемма скептически фыркнула. Я повернул голову, но мне было точно так же не видно ее лица за стеклом шлема, как и ей моего.

— Знаешь, я и до тебя тренировала расходников, — сказала она. — Время от времени они требуются нам здесь, на станции. Обычно с такими кадрами тяжело иметь дело. Ты, конечно, тоже не подарок, но, как правило, когда я беру будущего расходника с собой в открытый космос, мне приходится беспокоиться, как бы он не перерезал трос и не отправил меня болтаться в бездне. Не знаешь, почему бы это?

Я вздохнул.

— Знаю. Большинство расходников — осужденные преступники. Но записаться в расходники на станцию «Гиммель» — это одна история, все равно как дать согласие на то, что время от времени тебя будут убивать без очевидных причин. А я зарегистрировался в миссию для основания колонии. Ты же сама сказала: романтика и все такое. Или я не прав?

Джемма расхохоталась:

— Ой, да ладно! Я разговаривала с твоим другом — как там его, Гомес? Пилот. Мне известно, почему ты записался в экспедицию.

— Ой! — смутился я. — А-а...

Она снова засмеялась.

— Не волнуйся, я не расскажу об этом никому из начальства. Возможно, у тебя была не менее веская причина улететь, чем у того же Маршалла или кого угодно. Надеюсь только, что ты понимаешь: это постоянное решение временной проблемы.

— А разве не то же самое говорят про самоубийство?

Она положила руку мне на плечо:

— Пойдем, Микки. Пора возвращаться на станцию. Нам еще нужно побеседовать о Джоне Локке^[4].

* * *

Впервые меня сканировали для создания будущих клонов на двенадцатый день пребывания на станции «Гиммель». Физическая часть процедуры была предельно простой. У меня взяли образец крови, отщипнули кусочек кожи с живота, сделали пункцию для забора спинномозговой жидкости, а потом засунули в сканер, который в течение трех часов наносил на карту расположение и химический состав каждой клетки моего организма. Когда я вышел, Джемма ждала меня снаружи.

— Надеюсь, у тебя нынче такой день, когда волосы послушно и красиво ложатся без всяких усилий, — заметила она. — Как ты выглядишь сегодня, так теперь и будешь выглядеть до конца жизни всякий раз после визита в бак.

— Так это было одноразовое мероприятие? — удивился я.

— Боюсь, что так, — подтвердила она. — Сканер сжирает страшное количество энергии, а его программа обработки еще неделю будет сортировать полученные данные. К тому же ты только что получил немалую дозу радиоактивного облучения, которая при других обстоятельствах стала бы критической.

— Вот как...

Джемма оттолкнулась от поручня и направилась в глубь коридора. Я последовал за ней.

— погоди, — сказал я, когда мы добрались до места и остановились. — Что там про радиацию? Что значит «стала бы критической»?

Она посмотрела на меня и печально улыбнулась:

— Сам увидишь.

* * *

Процедура копирования личности, которую я с тех пор прохожу регулярно, оказалась одновременно и проще, и непонятнее, чем создание физической копии. Я сел на стул, лаборант надел мне на голову шлем. Снаружи шлем был из гладкого металла, а изнутри утыкан тупыми иглами, моментально вжавшимися в лоб и волосистую часть головы.

— Это щупальца кальмара^[5], — пояснил лаборант. — Немного неприятно, но больно не будет.

Позже я узнал, что кальмар — это не только удивительно разумное морское беспозвоночное с древней Земли, но и сверхпроводящий квантовый интерферометр. Надеюсь, вам это скажет больше, чем мне тогда.

Лаборант не обманул, больно не было. Было необычайно странно. Это сейчас плановые сохранения стали для меня рутинной и занимают не больше часа. Однако первое копирование длилось почти восемнадцать часов, а по моему внутреннему времени — и того дольше. Процесс создания бэкапа напоминает лихорадочное сновидение. Перед мысленным взором мелькают отдельные кусочки прошлого — картинки и звуки, запахи и телесные ощущения, — но мелькают слишком быстро, чтобы как-то контролировать их или даже осознать, что именно ты видишь. После первой загрузки в памяти осталось одно: лицо матери, показанное крупным планом. Мама разбилась во время увеселительного полета на флиттере, когда мне было восемь, и я почти не помнил, как она выглядела, но на этом мгновенном снимке она была молодой, полной жизни и невероятно красивой, так что, когда с меня сняли шлем, я плакал навзрыд.

Когда все закончилось, Джемма отвела меня в столовую для персонала станции, усадила за столик и предложила заказать все, чего душа пожелает. А когда я спросил, что происходит, она снова улыбнулась мне грустной улыбкой и сказала:

— Мы празднуем, Микки. Сегодня твой выпускной.

— Правда? — спросил я. — А когда будет церемония вручения диплома?

Она отвела взгляд.

— Как только поедим. Не торопись, спешить нам некуда.

Я до сих пор помню этот час — один из самых странных в моей жизни. Еда была вкусной, хотя ее синтезировали в баке и приготовили

в условиях невесомости. Разговор как-то не клеился, но, как позже выяснилось, совсем не по той причине, о которой я подумал. Я знал, что «Драккар» почти готов к погрузке. Верите или нет, но я решил, что Джемме грустно расставаться со мной навсегда и она будет по мне скучать.

Обед закончился, Джемма за него расплатилась, и я подумывал вернуться в свой гамак и поспать. Не то чтобы во время загрузки данных я постоянно бодрствовал, но и отдыхом процедуру не назовешь. Я не устал, просто вымотался, будто из меня вытянули все нервы, а реальность как-то отдалилась, и связь с ней еще не восстановилась. Но когда я двинулся по коридору, Джемма поймала меня за руку.

— погоди, — сказала она. — Ты забыл? Выпускная церемония.

— Ой, я думал, ты пошутила, — растерялся я.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, покачала головой, оттолкнулась от стены и поплыла по коридору в сторону нашей кладовки. Я пожал плечами и последовал за ней.

* * *

— Итак, — сказал я, когда она закрыла за собой дверь. — Ты вручишь мне академическую шапочку и мантию, или как это обычно происходит?

И придвинулся к ней поближе.

Я думал, сейчас мы займемся сексом.

Да, я настолько тупой.

На лице Джеммы не отразилось ни одной эмоции, оно напоминало деревянную маску. Из кармана комбинезона она достала какой-то предмет — черный, блестящий, размером чуть больше ладони.

— Что это? — спросил я.

Она направила предмет на меня. У него была рукоятка, как у пистолета, и курносый нос с наконечником из белого кристалла. Впервые за две недели мне показалось, что я снова проваливаюсь в бесконечную дыру.

— Это огнемёт, — ответила она. — Малой мощности, поэтому его безопасно использовать внутри станции. Металл он не пробьёт, но уничтожит любую органику.

Она взяла огнемёт за дуло и протянула мне. Поколебавшись, я взял его в руку.

— Видишь сбоку на рукоятке красный переключатель? Это предохранитель. Сдвинь его вперед.

Я сдвинул. Наконечник загорелся тусклым желтым светом.

— Отлично, — сказала Джемма. — Теперь он заряжен. Осторожнее со спусковым крючком: это выступ возле твоего указательного пальца.

Я повертел пушку в руке.

— Ничего не понимаю, — пожаловался я.

Но она снова печально посмотрела на меня, и тогда до меня дошло.

— Это и есть церемония вручения диплома, Микки. Пришло время доказать, что ты понимаешь, каково это — быть расходником.

Я посмотрел на нее. Она ответила таким же прямым взглядом.

— То есть это не шутка, — произнес я.

— Постарайся все проделать быстро, — посоветовала она. — Отверни голову в сторону как можно дальше, дуло вожми в мягкую ямку ниже затылка, прямо за ухом. Оружие направь немного под углом вверх. Сейчас огнемёт настроен на веерный луч. Если все сделаешь правильно, то одним выстрелом вынесешь весь продолговатый мозг и часть мозжечка. Обещаю, ты ничего не почувствуешь. Если промажешь, мне придется доделывать грязную работу за тебя, а мы оба этого не хотим.

— Джемма...

— Это еще не торжественная церемония, — перебила она. — Считай, последний выпускной экзамен. Если ты его не сдашь, уже утром отправишься в челноке обратно на Мидгард, а мне придется начинать все сначала с принудительно призванным расходником. И этого мы тоже оба не хотим. Прости, Микки, но ты сам подписался. Бессмертие имеет свою цену.

Я стал размышлять. Я думал о том, как вернуться на Мидгард в свою убогую квартиру и продолжу жить на жалкое пособие, которого

едва хватает, чтобы не помереть с голоду. Как расскажу друзьям, что решил не лететь на «Драккаре».

Думал о пыточной машинке Дариуса Бланка.

— Это ведь все равно что заснуть, да? — спросил я. — Я просто усну, а наутро проснусь у себя в гамаке как ни в чем не бывало?

— Почти. Наверняка с утра ты испытаешь похмелье, но в целом — да. — Она улыбнулась.

Я вздохнул, отвел взгляд и прижал огнемёт к голове.

— Так?

— Да. В самый раз.

Я закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул.

И нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

Я стоял, дрожа всем телом, и не мог сдвинуться с места, пока Джемма осторожно не вынула огнемёт у меня из рук.

— Поздравляю, — тихо сказала она. — С сегодняшнего дня ты официально Микки-один.

Возле главного шлюза меня ожидает целая толпа. Здесь Маршалл с Дуганом из биологического отдела, несколько охранников из безопасности. Чуть в стороне стоят Берто с Нэшей. Берто нависает над ней, чуть ли не дыша в лицо, и что-то отрывисто внушает вполголоса. Она не соглашается, отворачивается и мотает головой.

— Привет, — говорю я. — Что здесь происходит?

Маршалл машет рукой, чтобы я подошел.

— Взгляните, — предлагает он и указывает на монитор над шлюзом. Я поднимаю глаза. Внешняя дверь герметично закрыта. В углу валяется обгоревший темный ком, по форме напоминающий человека.

— Ох, черт. — Я пристальнее вглядываюсь в изображение. То, что я принял за почерневший металл, на самом деле дыра диаметром два метра в полу шлюза. — А где... где настил?

— Уничтожен, — говорит Дуган. — Что-то пробило его насквозь, когда Галлахер ждал внутри шлюза, пока сработает механизм открывания дверей, и начало срезать пол, как картофельную кожуру.

— Галлахер? В смысле, вот эта куча в углу?

— Да, — кивает Маршалл. — Это он. Нам пришлось воспользоваться дырой для убийства.

— Вы закачали плазму в главный шлюз? В то время как там находился живой человек?

— Именно это мы и сделали, — подтверждает Маршалл. — Галлахер был серьезно ранен, он бы все равно истек кровью. Тварь, которая прорвала первый слой настила, практически срезала ему левую ногу. Искусственный интеллект, отслеживающий безопасность периметра, подал сигнал тревоги, и я не склонен сомневаться в верности оценки ситуации. Мы не можем допустить нарушение целостности купола.

Я даже не знаю, что сказать.

— Это были ползуны, — вклинивается Берто. — Как минимум двое, а то и трое.

Я несогласно мотаю головой.

— Как они...

— Очевидно, челюсти у них намного острее, чем кажутся, — поясняет он. — В смысле, я видел, как они разгрызают всякие штуки...

— Всякие штуки? — переспрашиваю я. — Вроде моего черепа?

Секунд на пять повисает неловкое молчание.

— Как бы то ни было, — говорит Дуган, — я с удивлением обнаружил, что у нас нет почти никаких данных об этих тварях. Кое-какие описания удалось вытащить из отчетов Гомеса и Аджайи о патрулировании, но это все. Вот поэтому мы и вызвали тебя.

Я смотрю на Берто и снова перевожу взгляд на Дугана.

— По словам Гомеса, у тебя есть личный опыт близкого контакта с ними, — продолжает Дуган. — Точнее, по его словам, ты одержим ползунами, а командор Маршалл подтвердил, что в последние несколько недель регулярно отправлял тебя вести за ними наблюдение. Но нам нужно больше сведений. Мы должны понимать, с кем имеем дело. Если они начнут бурить дырки в куполе, нам конец.

Я снова смотрю на Берто. Он боится встретиться со мной взглядом, прячет глаза.

— Значит, личный опыт?

— Да, — говорит Маршалл. — В конце концов, они вас съедали.

— Это правда, — говорит Берто. — Микки можно назвать экспертом по пожиранию человека ползунами.

Теперь оба — и Нэша, и Берто — выжидающе смотрят на меня.

Я закатываю глаза.

— Мы ведь только что это обсудили. Я не помню, что случилось с Шестым и Седьмым. Я бы вообще не знал, как они погибли, если бы Берто не рассказал мне.

— Ты уверен, Микки? — настаивает Берто. — Вопрос очень важный. Неужели ты совсем ничего не помнишь о вчерашнем вечере? — Он упорно сверлит меня взглядом. Нэша отводит глаза.

— Я только сегодня утром выбрался из бака. И тебе, Берто, это известно.

Маршалл с интересом поглядывает то на меня, то на моего приятеля.

— Вы ни о чем не хотите мне доложить? Что между вами происходит?

Берто в последний раз с сомнением взглядывает на меня и мотает головой:

— Нет, сэр. Все хорошо. Микки прав. Мы только сегодня утром обсуждали, что Седьмой долго не обновлялся перед тем, как погибнуть.

Маршалл не идиот, но, видимо, решает отстать на время, поскольку есть дела поважнее. Припечатав Берто напоследок сердитым взглядом, командор говорит:

— Это не имеет значения. Всем подготовиться к исполнению задачи. Гомес и Аджайя, вы обеспечиваете обзор с воздуха. Мне нужен подробный отчет о сканировании местности при помощи георадара. Всей территории от границы купола до радиуса в два километра за периметром. Я хочу точно знать, сколько тварей там находится и где они обосновались. Вооружитесь до зубов. Перед взлетом дважды убедитесь, что торпедные отсеки заполнены. Когда мы выполним задуманное и вернем людей на базу, я требую провести полную зачистку территории — по крайней мере, в радиусе километра вокруг купола. — Он делает паузу и обводит нас взглядом. — Остальным через пятнадцать минут собраться у запасного шлюза, вы отправляетесь пешком. Дуган, если собираетесь понять, кто эти твари и на что они способны, необходимо раздобыть живую особь для лаборатории. — Он усмехается, осклабившись, как упырь; счастливой его улыбку точно не назовешь. — А значит, господа, вам придется отправиться туда, не знаю куда.

* * *

— Знаешь, — говорю я, — это не первая моя вылазка.

— Что? — Дуган поднимает на меня взгляд.

Мы с ним почти не пересекались с того памятного дня на станции «Гиммель». Меня редко направляли к биологам, да и то обычно для уборки лаборатории. Дуган пытается облачиться в полную амуницию, и при иных обстоятельствах это было бы смешно. Подходящий по внешности и комплекции парень, наполовину одетый в бронескафандр, мог бы выглядеть богом войны из древних мифов. Дуган, к сожалению, не такой парень. Тощий и синий, как ошипанный

цыпленок, он похож на жалкого ботаника, который собирается на костюмированную вечеринку.

— Я сказал, что уже выполнял такие задания. Бронескафандр тебе не понадобится.

Биолог оглядывается по сторонам. Охранники уже экипировались с головы до ног. Последние десять минут я пытался вспомнить, как их зовут. Хмурый лысый громила — Роберт Какой-то, и боже упаси назвать его Бобом; мелкую девицу все зовут Кошкой. Третья, кажется, Джиллиан, но не поручусь. Прямо сейчас все они бряцают оружием, проверяя, работают ли сервоприводы. С момента нашего приземления это их первая наружная операция в полной штурмовой экипировке.

— Похоже, ты выражаешь мнение меньшинства, — замечает Дуган.

Я равнодушно пожимаю плечами:

— Они же из охраны. Им разреши — они и спать будут в полной амуниции. Может, броня и добавит тебе ощущение неуязвимости, но скафандр добавит лишних сто килограммов к твоему весу. Ты будешь слишком тяжелым, чтобы передвигаться на снегоступах, но поверь моему опыту: когда окажешься снаружи, тебе захочется держаться на поверхности снежного покрова. Тащиться по грудь в рыхлом снегу, увязая при каждом шаге, — невеликое удовольствие.

Дуган окидывает меня взглядом. Я экипирован серьезно, но исключительно против холода. У него в кобурах на поясе два огнемета. У меня из оружия только линейный ускоритель. Он, конечно, тяжелее его арсенала и не настолько универсален в применении. Если мне действительно придется воспользоваться ускорителем, растянутое запястье горько взвояет, но это единственное оружие, с которым меня по-настоящему учили обращаться. А еще с того самого дня на станции «Гиммель» у меня раз и навсегда выработалось отвращение к огнеметам.

— Ценю твой совет, — говорит биолог, — но я своими глазами видел, что эти твари сотворили в шлюзе с ногой Галлахера. Пусть лучше меня от них отделяет что-то прочнее зимнего комбинезона.

— Ты видел, что они сделали с Галлахером. А что они сделали с металлическим полом, ты не заметил?

Он кипит от бессильной злости, взглядывая то на меня, то на правую перчатку скафандра, которая никак не хочет надеваться.

— Дай посмотрю, — предлагаю я. Он протягивает руку. Я поворачиваю перчатку, она встает в пазы и защелкивается.

— Спасибо, — говорит Дуган и вертит кистью, сжимая и разжимая пальцы, чтобы убедиться в исправности скафандра, затем наклоняется за нагрудным щитком. — Я понимаю, — продолжает он, пристегивая его к груди, — для тебя это банальная рутина. Но пойми и меня, Барнс: если кто-то из нас погибнет, мы, в отличие от тебя, не сможем нажать на кнопку перезагрузки. Если я умру, то уже навсегда. Так что надену-ка я бронескафандр.

Я улыбаюсь.

— Кнопка перезагрузки, значит? Так ты себе представляешь путешествие в бак?

— Послушай, — говорит он, — я не хочу тут разводить дискуссии. Остановимся на том, что ты расходник, а я нет. Мы действуем из разных побуждений. Я просто хочу выйти наружу, добыть нужный образец и вернуться обратно, целым и невредимым.

Я перекидываю ремень ускорителя через плечо. Нужно затянуть его не слишком сильно, чтобы легко снять в случае необходимости, но и не слишком слабо, чтобы при ходьбе оружие не билось о спину.

— Я не собираюсь оспаривать твою точку зрения. Но вся эта история с кнопкой сброса-перезагрузки тоже не увеселительная прогулка, как тебе, по-видимому, кажется.

Пищит приемник моего шлема.

<Команд-1>: Аджайя и Гомес приступили к облету. Выдвигайтесь наружу.

Я оглядываюсь кругом. Охранники, лязгая броней, топают к шлюзу. Я включаю ребризер. Дуган нахлобучивает шлем, и мы выходим.

* * *

Единственный случай, когда местные обитатели оказали серьезное сопротивление колонистам, произошел около двухсот лет назад, и было это на расстоянии в пятьдесят спиральных галактик отсюда. Командование колонии, наверное, как-то назвало это место, но

если и так, никакие сведения до нас не дошли. В наши дни эту планету именуют Роанок^[6].

Роанок сложно назвать идеальным местом обитания. Его звезда — красный карлик, сама планета — скальный монолит, пребывающий со звездой в приливном захвате с практически нулевым наклоном оси. Воды там очень мало, а полный оборот вокруг светила совершается за тридцать один день. На жаркой стороне, обращенной к звезде, температура окружающей среды редко опускается ниже восьмидесяти градусов Цельсия, на противоположной, темной стороне идет снег из CO₂. Для жизни пригодна только полоса вечных сумерек, опоясывающая планету через полюса, шириной не более тысячи километров. Роанок — очень старый мир. Предполагают, что жизнь на нем появилась более семи миллиардов лет назад. И все это время организмы, поселившиеся на планете, боролись за выживание на сухой, продуваемой всеми ветрами тысячекилометровой полоске суши.

По-видимому, доставить на Роанок несколько миллионов литров воды в жидком состоянии было все равно что завезти бесплатную гуманитарную помощь в район трущоб, поскольку не прошло и недели с момента приземления корабля колонистов, как местная живность ополчилась на них. Маленькие кусачие создания приносило ветром, они вгрызались в любой незащищенный участок тела, после чего кожа начинала зудеть и покрываться сначала сыпью, затем — гнойными волдырями. Дальше происходило заражение крови и наступала смерть. Жили там и существа, похожие на морских звезд, зарывающиеся в песок, с острыми ядовитыми зубами. Они впрыскивали некротизирующий яд, и человек умирал за считанные минуты. Были и насекомоподобные твари в половину человеческого роста, плюющиеся серной кислотой, которая вырабатывалась железами, расположенными в голове. Казалось, большинство существ на этой планете специально предназначены для уничтожения жителей колонии, но вывод, очевидный нашим современникам, для самих колонистов, судя по записям, переданным командованием незадолго до конца, так и остался неразгаданной тайной.

Начиная с первого дня командование на Роаноке столкнулось с тем, что за пределами купола люди погибали в течение часа. Колонисты погибали по одному или по двое каждую неделю, пока

руководство не плюнуло на табу и не начало штамповать копии расходника, чтобы хоть как-то поддержать численность населения. В конце концов остатки отряда забаррикадировались в куполе и попытались разобраться в происходящем. Увы, к тому времени что-то уже поселилось прямо внутри купола и начало активно размножаться. Командование испробовало с полдюжину различных стерилизационных протоколов, но агрессивные микроорганизмы, чем бы они ни были, раз за разом возвращались. К концу существования колония целиком состояла из клонов расходника. Центральный процессор продолжал выплевывать копию за копией, пока полностью не вышли запасы аминокислот.

Одному из последних расходников перед смертью удалось узреть проблески истины, но только в самом конце. Когда биологический отдел распылил бактериофагов, чтобы они уничтожили пожирающие людей микроорганизмы, спустя шесть часов появился новый, устойчивый к ним штамм. Последней записью в личном журнале расходника, надиктованной в то время, как его разжиженные внутренности хлестали из всех отверстий организма, были следующие слова: «Я не параноик. Кто-то здесь действительно желает моей смерти».

* * *

Я продолжаю думать об этом парне, Джероле-двести-каком-то, когда мы ступаем в снежные сугробы. Местные обитатели Роанока не вызывали у колонистов чувства тревоги, поскольку не были «разумными» в классическом смысле. Они не излучали электромагнитных волн по причине отсутствия мозга; у них не было электростанций, дорог, машин или городов. Насколько мы можем судить, они не вели даже примитивного сельского хозяйства. Но при всем при том оказались до безумия гениальными генными инженерами. Прибавьте к этому ксенофобию и готовность любой ценой защищать свою территорию — это несложно предположить, учитывая, что вся история эволюции на их дерьмовой планете заключалась в межвидовой борьбе за узкую полосу пригодной для

жизни земли, — и вы получите печальный исход для роанокской колонии.

Я думаю о Джероле, а еще думаю о гигантском приятеле-камнеройке, с которым я познакомился вчера вечером. Люди на Роаноке погибли все до единого, потому что планета была населена разумными существами, но колонисты отказывались это признать, пока не стало слишком поздно. И теперь меня мучает мысль: вдруг кто-то вроде меня столкнулся на Роаноке с местной формой жизни, опознал ее как разумную, но почему-то не доложил командованию?

Немалому количеству завоевательных колоний по той или иной причине не удалось закрепиться на новых планетах. И я ужасно не хочу, чтобы наша миссия провалилась именно из-за меня.

* * *

Последние лучи заката исчезают за горизонтом, и на восточном краю неба уже показались звезды. Десять минут, как мы вышли из шлюза; мы успели отойти примерно на полкилометра за периметр. Дуган по коммуникатору обсуждает с Берто и Нэшей, как найти одного ползуна и не напороться на сотню, а Кошка внезапно сворачивает ко мне. В оружейной мы были примерно одного роста, но сейчас я возвышаюсь на метр, стоя на снежном покрове, и ей приходится задирать голову, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Слушай, — говорит она, — а почему ты взял «эл-у»? Разве не было уговора, что все берут огнеметы?

Я не сразу соображаю, что речь идет о моем оружии. У меня нет никакого желания рассказывать о Джемме и ее жестоком экзамене, после которого я всем сердцем возненавидел огнеметы. Я совершенно не знаю Кошку, зато знаю, что даже девять лет спустя та история все еще может всколыхнуть во мне не самые приятные чувства.

— Да как сказать. Просто почувствовал, что так надо.

— Почувствовал? Полагаться на чувства нормально, если выбираешь наряд для первого свидания, но при выборе оружия такой подход выглядит странно, ты так не считаешь?

Понятно. Похоже, она не отстанет, пока не услышит ответа.

— У меня возникло отчетливое чувство, что против ползунов горелки не помогут.

— Ага, вот как. По личному опыту понял?

Я пожимаю плечами. Мне не видно ее лица за зеркальным щитком шлема, но в голосе слышны нотки беспокойства.

— Вообще-то нет. Просто в оружейной я спросил себя: что я обычно беру на такие вылазки?

Она наклоняет голову набок:

— Ну и?

— Огнемет. Вне всяких сомнений. «Эл-у» способен выдать не больше одной очереди в секунду, к тому же он охренеть какой тяжелый, когда таскаешь его на своем горбу. Конечно, не такой тяжелый, как этот ваш идиотский бронекостюм, но все равно.

— Не вижу логики.

Я знаю, что она не разглядит моей улыбки за намордником ребризера, но все равно улыбаюсь.

— До этого я дважды поступал логично, и дважды эти твари меня сожрали. Поэтому на сей раз я решил все сделать наоборот.

Она кивает:

— Теперь поняла. Ты постиг дзен, Барнс.

— Ну, я еще не вышел из цепи инкарнаций.

— Тоже верно, — соглашается она. — На пути к нирване, да?

Странное время она выбрала для трепа, но пусть. Я мотаю головой.

— Вряд ли. Я каждый раз боюсь, что могу переродиться в ленточного червя.

— Но каждый раз снова приходишь в себя. Может, Микки Барнс — это низшая ступень кармического воплощения, ниже некуда?

Я оглядываюсь вокруг. Ничего, заслуживающего внимания, не происходит.

— Ага, — говорю я. — Похоже на то.

Дуган стоит метрах в двадцати от нас, провалившись в снег почти по пояс, и по-прежнему болтает с Берто. Я мог бы рассказать биологу, где можно обнаружить кучу ползунов — или одного по-настоящему крупного, — но уверен, что остальным членам отряда это не понравится. Я смотрю вверх. Ночь прекрасна, по нифльхеймским меркам. Небо ясное, глубокого черного цвета. От купола исходит яркое

сияние, поэтому звезд почти не разглядеть, но те, что видны, сверкают чистым серебром.

— Знаешь, — говорит Кошка, — мне кажется, до этого дня мы вообще ни разу не разговаривали. Или я ошибаюсь?

Я перевожу взгляд на нее. Она наблюдает за Дуганом, положив ладонь на огнемет.

— Нет, — отвечаю я. — Во всяком случае, я этого не помню.

— Странно, правда? Ты что, специально меня избегал?

Я собираюсь ответить, что не вижу тут ничего странного, поскольку половина населения «Драккара» считает меня отвратительной ошибкой природы, а половину из оставшихся я просто пугаю, поэтому за прошедшие девять лет я ни разу не завел разговор с тем, кто не обратился ко мне первым, а она, видимо, не обращалась. Однако прежде, чем я успеваю пуститься в объяснения, издали нарастает вой гравитационного двигателя и снова стихает, когда в шестидесяти метрах над нами проносится Нэша.

— Пошли, — говорит Дуган в коммуникатор, — двигаемся дальше.

Мы бредем по снегу на север, удаляясь от купола и двигаясь по направлению к тому месту, где я выбрался из туннелей сегодня утром. Интересно, как отреагирует Дуган, если мой гигантский друг выскочит из сугроба у него перед носом?

— Вспомнил что-то смешное? — спрашивает Кошка.

— Да нет, — говорю я. — Просто кое о чем подумал.

— Расскажи, — просит она. — Мне скучно.

Но, конечно, я не могу ей рассказать. Не могу даже сказать: «Я не могу тебе рассказать», потому что тогда придется объяснять, почему именно не могу. Впрочем, я не успеваю придумать, как выкрутиться из создавшегося положения, потому что в этот момент Дуган начинает орать. Орать и приплясывать на месте.

Он выдергивает правую ногу из сугроба, и на нее будто натянут ползун. Членистоногое заглохло выше колена, обхватив держалками, и сейчас впивается крошечными острыми зубами в слабое место в доспехах: там, где на бедре проходит шов между наколенником и набедренным щитком. Два других охранника, которые шли, прикрывая Дугана справа и слева, направляют огнеметы на его ногу. Сначала он их вроде как поощряет, но потом доспехи начинают

раскаляться, а ползун как ни в чем не бывало все глубже и глубже вгрызается в плавящийся металл. Всю компанию заволакивает облаком горячего пара от тающего снега, и крики Дугана переходят сначала в визг, а затем в нечленораздельные вопли. Я наполовину разворачиваюсь на месте. Метрах в тридцати от меня из снега торчит серый кусок гранита. Я бегом бросаюсь к нему.

Бегать в снегоступах — дурное занятие и удовольствие ниже среднего. Не сделав и трех шагов, я спотыкаюсь, падаю лицом в снег и начинаю судорожно барахтаться, размахивая руками и каждую секунду ожидая, что мне в загривок вопьются челюсти ползуна. Внезапно рука в перчатке хватается меня под мышку и вздергивает на ноги.

— Вперед! — командует Кошка. — Шевелись!

Она толкает меня в спину, и я снова чуть не падаю, но, качнувшись, удерживаюсь на ногах и начинаю топтать вперед. У себя за спиной я слышу тяжелые шаги Кошки, а за ними — ругань и вопли двух других охранников. Я рискую оглянуться. Горячий пар отнесло в сторону сильным северным ветром. Дугана не видно — наверное, его уже уволокли под снег. Двое охранников все еще на ногах, но на каждом повисло по паре ползунов, так что долго ребятам не выдержать.

Я вскарабкиваюсь на обломок скалы, тяну из-за спины ускоритель и готовлю его к бою, морщась от боли в левой руке, принявшей на себя немалый вес оружия. Секунду спустя Кошка взбирается на камень рядом со мной. Мы стоим на гранитном островке не больше трех метров в поперечнике, на полметра возвышающемся над сугробами. Из снега выныривает голова ползуна, так близко, что я мог бы до него дотянуться. Я целюсь и даю очередь. Отдача от ускорителя отбрасывает меня назад, на Кошку, и в то же мгновение первые три сегмента ползуна разлетаются в стороны шрапнелью.

— Ни хрена себе! — кричит Кошка. — Дзен рулит.

Двух других охранников ползуны завалили, хотя мне кажется, что под снегом еще продолжается борьба. Я открываю рот, чтобы заговорить, но нарастающий вой гравитационного двигателя возвещает прибытие Берто. Двойные огни обшаривают сначала нас, потом место предположительной гибели Дугана и двух охранников.

— Добыли образец? — спрашивает Берто по коммуникатору.

— Только фрагмент.

Я спрыгиваю в снег и подбираю останки ползуна. Берто уже спускает подвеску. Я забираюсь обратно на камень, передаю ползуна Кошке и пристегиваю подвеску к ее бронескафандру. Она обхватывает меня рукой поперек груди, и мы поднимаемся. Когда секунду спустя я бросаю взгляд вниз, наш камень просто кишит ползунами. Мы едва успеваем забраться в грузовой люк, как с боевым кличем над обломком скалы на бреющем полете проносится Нэша, опережая выпущенные ракеты. Люк с лязгом захлопывается, и взрывной волной расширяющейся плазмы нас подбрасывает вверх и гонит прочь.

Для меня самоубийственные миссии вроде Маршаллова «пойди туда, не знаю куда» давно превратились в рутину. Однако я не привык к тому, чтобы меня спасали. И это слегка дезориентирует. Задолго до моей постановочной казни Джемма сделала все возможное, чтобы я на сто процентов понимал, чего ожидать в таких ситуациях, и сейчас я совсем не рассчитывал на помощь Берто, который, точно ангел-хранитель, спустился с небес и унес меня прочь от опасности.

Иногда мне даже кажется, что Джемма слегка перестаралась, объясняя мне суть миссии расходника. После того как «Драккар» поднял якоря и ушел с орбиты Мидгарда в открытый космос, первые недели путешествия я бесцельно болтался по коридорам в непрекращающемся страхе, что вот сейчас меня вызовут и прикажут залезть в реактор, шагнуть из шлюза за пределы корабля или сунуть голову в мясорубку, чтобы проверить остроту лезвий.

Однако долгое время ничего подобного не происходило. Корабль был наглядной репрезентацией огромного благосостояния, накопленного Мидгардом, и системные архитекторы вложили в него немало усилий, чтобы «Драккар» достиг конечной цели своего путешествия в целостности и сохранности, а не взорвался по дороге. К тому же, вопреки моим мрачным ожиданиям, никто не спешил угробить меня просто ради развлечения.

Чем дальше наш полет шел без всяких катастроф и чем больше я раздумывал над собственной задачей, тем сильнее крепла надежда, что мне, возможно, и удастся добраться до самого Нифльхейма без необходимости нырять в бак. В конце концов, всем и каждому известно, что межзвездные перелеты — это скука смертная, разве нет? Особенно когда корабль уже вышел из фазы разгона, при которой несущие конструкции и корпус испытывают страшные перегрузки и, если что и может сломаться, оно ломается именно в тот момент. Зато когда ковчег с колонистами выходит на крейсерскую скорость, путешествие становится блеклым, как пыль, оседающая на поверхности.

Пока однажды полет не перестает быть скучным.

Последнее, что я помню о жизни в теле, в котором родился, — лаборант надевает мне на голову загрузочный шлем, руки и ноги сводит судорогой, а из носа и рта течет кровь, и она же собирается под кожей, натягивая ее пузырями. К тому времени мы были на расстоянии года полета от Мидгарда.

Мы прошли первый разгон, преодолели гелиопаузу нашего солнца на субрелятивистской скорости, снова запустили двигатели для второго разгона и наконец зафиксировались на уровне чуть ниже скорости света, на котором наш ковчег и проделал свой долгий путь до Нифльхейма.

Жизнь на «Драккаре» в целом была легкой. Команда, управляющая кораблем во время транзитного перелета, считала колонистов просто багажом. А меня, поскольку я не был прикреплен ни к одному отделу, считали багажом в еще большей степени. Мне было положено обучаться два часа в день, чередуя отделы, чтобы в случае необходимости заменить кого угодно. Однако у большинства моих предполагаемых учителей я вызывал безотчетный ужас, а те, кто действительно был занят делом, например инженеры, не желали тратить время на человека с нулевой технической подготовкой. В итоге два часа в день превратились в два часа в неделю. В остальное время я ел, спал и болтался в общих помещениях вместе с Берто, проходя различные игры на планшете. Если добавить гравитацию, моя жизнь ничем не отличалась бы от той, что я вел на Мидгарде.

Вскоре, однако, мне напомнили, что мы не на Мидгарде. «Драккар» двигался в межзвездном пространстве со скоростью 270 миллионов метров в секунду, а на таких скоростях физика высоких энергий отменяет законы мистера Ньютона и все летит вверх тормашками.

Космос, старательно объясняла мне Джемма, это вовсе не пустое пространство, хотя именно так нам и кажется. Каждый кубометр якобы абсолютного вакуума фактически содержит порядка ста тысяч атомов водорода. В покое они безобидны, но на скорости, близкой к скорости света, превращаются в опасные снаряды. В носовой части «Драккара» расположен генератор силового поля, который отталкивает их, как нос корабля, разрезающий волны, и превращает атомы водорода в непрерывный поток космических лучей, омывающий корпус, пока мы плывем сквозь межзвездное пространство. И это не проблема, пока все

остаются внутри, — хотя до самого конца путешествия никому, кроме меня, и не грозит оказаться снаружи.

Кроме этого, космос наполнен случайными частицами пыли — примерно одна пылинка на миллион кубических метров, — но поскольку каждый квадратный метр корпуса корабля соприкасается с двумястами семьдесятю кубометрами межзвездного пространства в секунду, мы подвергаемся постоянной бомбардировке космической пылью. Большинство пылинок обладают достаточным результирующим зарядом, поэтому отталкиваются силовым полем, однако часть из них нейтральна, что влечет за собой непрерывную череду микровзрывов на носовом конусе «Драккара». Впрочем, это предусмотрено конструкцией корабля. Носовая броня, обладающая абляционными свойствами и немалой толщиной, рассчитана на плюс-минус двадцать лет подобных бомбардировок.

Однако она не была рассчитана на лобовое столкновение с телом, превышающим размерами космическую пылинку.

Чтобы отдать должное конструкторам «Драккара», стоит заметить, что космические частицы крупнее пылинки редко встречаются за пределами гелиопаузы и не существует брони такой толщины и свойств, которая смогла бы защитить корабль при реальном столкновении с макрообъектом. Если о корпус «Драккара», идущего на крейсерской скорости, ударится булыжник размером с мою голову, это вызовет взрыв, превосходящий мощностью сотню термоядерных бомб.

К счастью, предмет, прилетевший в корпус корабля, был намного меньше.

Конечно, по очевидным причинам мы точно не знаем, что это было. В момент столкновения помеха распалась на составлявшие ее кварки и глюоны. Однако мы знаем, что весила она от пятнадцати до двадцати граммов. Один из инженеров вычислил массу, основываясь на объеме уничтоженной брони и количестве кинетической энергии, высвободившейся в момент столкновения.

А встряхнуло нас, надо сказать, не слабо. Спасибо состоянию невесомости: большинство вещей были надежно закреплены. Но свободно плававшие в пространстве предметы и люди — несколько членов экипажа — в результате толчка оказались отброшены на перегородки носовой части корабля. Обошлось парой сломанных рук и

одним сотрясением мозга. Сам я, падая, зацепился за стол и растянул лодыжку.

Впрочем, никому до этого не было дела. В носу корабля зияла дыра, один из модулей генератора силового поля был полностью уничтожен. Двадцать процентов от объема внутренних помещений внезапно затопило жесткой радиацией.

И настал мой звездный час.

Вызов поступил от Мэгги Лин, возглавлявшей на время перелета отдел системной инженерии. Она назначила встречу в механическом цехе: это был ближайший безопасный отсек с люком, расположенным неподалеку от головного обтекателя. Пока двое ее людей засовывали меня в вакуумный скафандр, Мэгги подробно объяснила, какие действия от меня потребуются.

— Мы думаем, что оборван силовой кабель, — сказала она, — но это не точно, а времени выяснять, что там произошло в действительности, у нас нет, поэтому заменишь весь узел целиком.

Второй инженер только что закончил распаковывать принесенный со склада серебристый куб с полуметровыми гранями. С одной стороны из него торчало два соединительных кабеля, с другой — две ручки, чтобы ворочать узел.

— Когда закончишь с монтажом, — продолжила Мэгги, — постарайся вернуть старый узел сюда, если успеешь.

— Если успею?

— Да, — кивнула она, — прежде чем погибнешь. Тот отсек сейчас распахнут навстречу космосу. Пока подсоединяешь агрегат, будешь каждые три с половиной секунды получать смертельную дозу радиации.

Наверное, я посмотрел с сомнением, потому что она возвела глаза к потолку:

— Не волнуйся. Это не означает, что ты умрешь в ту же секунду, как переступишь порог отсека. Человеческому телу требуется очень много времени, чтобы оно полностью прекратило функционировать, и за это время можно получить не одну летальную дозу облучения. Если в тебя не врежется еще одна пылинки, времени на загрузку сознания будет более чем достаточно, а новое тело для твоей следующей инкарнации уже готовится в баке.

Я мог бы возразить по нескольким пунктам ее короткой речи. Начнем с того, что меня больше волновала неотвратимость смерти, чем ее точное время или вопрос, успею ли я загрузиться, прежде чем отдам концы. Добавьте к этому твердую уверенность, что я в любом случае готов выполнить задание, хотя никто меня даже не спросил.

Горькая правда состояла в том, что Мэгги была права. Отказаться я не мог. Джемма в мельчайших подробностях объяснила мне невероятную важность генератора силового поля, и я понимал: если не заменить этот узел, нам всем кранты.

Когда инженеры закончили крепить шлем к скафандру, я осторожно перехватил генератор и потихоньку направился к переносному шлюзу, установленному напротив люка, ведущего наружу.

— Я разве забыла упомянуть, что мы торопимся? — спросила Мэгги по коммуникатору. Я что-то пробурчал в ответ, но шевелиться быстрее не стал. Тяжелые вещи в невесомости ничего не весят, но массы они при этом не утрачивают, и при слишком быстром перемещении их несложно разбить. Как только я вошел в шлюз, внутреннюю дверь загерметизировали, и я почувствовал, как скафандр стал раздуваться изнутри: из шлюза начали спускать воздух. Когда свист выходящего воздуха прекратился, люк скользнул в сторону.

Генератор силового поля — конструкция из шести кубов, точно таких же, как тот, что был у меня в руках. Я сразу заметил, какой из них поврежден. Ближайший от входа в отсек узел украшала дыра диаметром два-три сантиметра с черными краями прямо на верхней грани куба. Я поднял взгляд. В крыше отсека зияла дыра чуть большего диаметра. Луч голубоватого света врывался сквозь нее и подсвечивал поврежденный куб словно прожектором.

И в этот момент начало припекать кожу.

Поначалу ощущение было не слишком сильным. Как говорили и Джемма, и Мэгги, человеческому телу нужно время, чтобы отреагировать на острое радиоактивное отравление. Я выдернул кабели покалеченного куба, отщелкнул фиксаторы и без труда вытащил его. Но когда я попытался поставить на место новый узел, я, должно быть, подставил голову под голубой луч.

Через десять секунд я ослеп.

Кожа на руках к тому времени начала вздуваться волдырями, и осязания я тоже почти лишился. Я вставил узел в гнездо и подсоединил один провод, но когда взялся за второй, не смог найти, куда его надо воткнуть. Несколько секунд я в нарастающей тихой панике шарил вокруг, держа кабель в руке, пока не услышал в приемнике голос Мэгги:

— Барнс, с тобой все в порядке?

Я попытался крикнуть: «Нет!», но язык во рту так распух, что мне удалось издать только стон.

— Стоп, — скомандовала она. — Не дергай кабель.

Я остановился, точнее, попытался. Меня била сильная дрожь, и я не мог стоять неподвижно.

— Камера у тебя на шлеме все еще работает. Встань так, чтобы я видела, чем ты занят.

Я нащупал грань куба и наклонил голову в ту сторону, где, по моим предположениям, находился разъем.

— Отлично, — сказала Мэгги, — оставь камеру в этом положении. Теперь передвинь соединительный кабель влево. Примерно на десять сантиметров.

Я протолкнул кабель по полу отсека.

— Хорошо, — сказала Мэгги. — Теперь сдвинь на три сантиметра вперед.

Попал.

— На сантиметр назад и надави.

Я почувствовал, как кабель со щелчком вошел в разъем.

— Великолепно, — объявила Мэгги. — Силовое поле... восстановлено. Отличная работа, Барнс. Теперь постарайся расслабиться. Сейчас мы отправим кого-нибудь вытащить тебя.

Расслабиться на удивление сложно, когда все тело изнутри жжет как огнем. Если бы в тот момент я сумел отстегнуть шлем и убрать давление воздуха, я бы так и сделал, но руки перестали меня слушаться, а пальцы раздулись, как сардельки, — я не мог их согнуть. Поэтому я плавал по отсеку, дрожа всем телом, стеноя и скрежеща зубами, и ждал, пока кто-нибудь вернет меня обратно в мир.

Я понимал, почему меня насильно заставили выгрузить сознание, прежде чем позволить мне умереть. Джемма и это объяснила. Знания и

опыт, приобретенные в критической ситуации, — бесценны, и никто не даст им погибнуть вместе с моей текущей инкарнацией.

Однако случаются и такие штуки, которые и вправду лучше забыть.

Ситуация была уже не столь критической, когда я выбрался из бака, превратившись в Микки-2. Силовой генератор работал, обстановка на «Драккаре» вернулась к норме — если, конечно, не брать в расчет тридцать четыре человека, в той или иной степени страдающих от поражения лучевой болезнью, поскольку они оказались в неподходящей части корабля, когда отключилось силовое поле. Тем не менее в носовой броне по-прежнему зияла дыра, и для того, чтобы свести на нет все наши достижения, достаточно было еще одной случайной пылинки. Поэтому, едва я пришел в сознание и восстановил телесные функции, Мэгги с ее людьми снова затолкали меня в вакуумный скафандр и вручили канистру высокоплотного, напичканного нанитами материала для установки аварийных заплат. После пятиминутного инструктажа, как им пользоваться, меня отправили наружу.

Наибольшей интенсивностью поток протонов, разгоняемый силовым полем и обтекающий корпус, обладает на высоте около двух метров. Мэгги посоветовала мне плотнее вжиматься в корпус, и тогда, если повезет (и если в меня не врежется очередная космическая частица), я смогу избежать смертельной дозы излучения и даже выжить. Я честно попытался. Вместо магнитных кошек на ботинки, которые использовали мы с Джеммой, лазая по корпусу станции «Гиммель», Мэгги выдала мне наколенники и наладонники. Я выбрался через носовой люк и пополз по корпусу в сторону пробойны: до нее оставалась примерно сотня метров.

Поначалу я думал, что все обойдется. Но чем ближе я подползал к носу, тем ниже опускался поток протонов. Метров за двадцать до цели перед глазами стали мелькать яркие вспышки, и к тому времени, как я подобрался к дыре, контуры предметов начали расплываться, а во рту стоял металлический привкус. Я вытащил из-за спины канистру с нанитами, расправил носик аппликатора и привел в действие пульверизатор.

Наниты выплеснулись толстой, густой струей. Они налипли на рваные края пробойны и, пока я продолжал поливать ими поверхность,

прямо на глазах начали затягивать отверстие и отвердевать, становясь неотличимыми от прилегающей брони.

Чтобы опорожнить канистру, мне потребовалось двадцать минут. Когда я закончил, на месте пробоины высилась горка из желеобразной массы. В течение нескольких минут она растеклась ровным слоем и приобрела гладкость, так что теперь понадобился бы электронный микроскоп, чтобы найти стык между новой и старой броней.

Все это я знаю лишь по одной причине: после того как на следующее утро я проснулся Микки-третьим, первое, что сделали инженеры, — заставили меня просмотреть запись с видеокамеры шлема, сопровождавшуюся моим рассказом, который я прервал лишь в тот момент, когда на полпути к люку внезапно остановился, отстегнул защелки на воротах и обратил к космосу открытое, не защищенное скафандром лицо.

— Что ж, — подает голос Берто из кабины, — вылазка могла бы пройти успешнее.

Кошка обжигает его убийственным взглядом, но Берто никогда не отличался эмпатией.

— Три человека только что погибли!

— Да, — говорит он. — Я видел. Какого черта там произошло? Со стороны выглядело так, будто охранники направили огнеметы на Дугана.

— Они пытались его спасти, — объясняет Кошка.

— Странный они выбрали способ спасения, — замечает Берто, планируя к куполу и зависая над посадочной площадкой. — Даже боевая броня неспособна долго выдерживать направленный огонь из пушки. О чем они только думали?

Я украдкой взглядываю на Кошку. Она сжимает руки в кулаки.

— Они думали о том, что ногу Дугана отъедает пара ползунов, — чеканит она. — И к твоему сведению, мудила, это были мои друзья. И еще прими к сведению: если бы ты предупредил, что мы стоим в аккурат на гнезде этих гребаных тварей, вылазка прошла бы намного успешнее, тебе не кажется?

Берто оглядывается из кабины, пока мы приземляемся на площадку. К моему удивлению, вид у него пристыженный.

— Прости, — говорит он. — Я не хотел выказать неуважение.

— Да-да, — машет рукой Кошка. — Тем не менее выказал.

Берто сажает грузовой самолет и двигается по порядку, заглушая мотор и выключая приборы. Когда гравитационное поле рассеивается, я чувствую, как меня сильнее вдавливают в откидное сиденье.

— Мне жаль, что все так произошло, — говорит Берто. — Если бы я мог, я, конечно, предупредил бы вас. Не знаю, откуда появились эти твари, но они точно не перемещались под снегом. Мой радар ничего не засекал до того момента, как я пролетел над вами в последний раз, а это случилось за минуту до нападения.

— Теперь это неважно, — говорит Кошка. Мне не видно ее лица за бликующим щитком шлема, но в голосе чувствуется неприязнь.

— Как бы там ни было, — продолжает Берто, — задание выполнено, верно?

Пока мы с Кошкой отстегиваем ремни безопасности, он перелезает через сиденье и нависает над нами. То, что осталось от ползуна, лежит на полу возле кабины. Берто трогает обрубок носком ботинка. Две ноги твари судорожно сокращаются, и Берто чуть не падает, в ужасе отпрянув назад.

— Черт! — Удержав равновесие, он снова делает шаг вперед и, поморщившись, садится между нами на корточки. Труп вибрирует. Берто дотрагивается до панциря одним пальцем, но на этот раз ничего не происходит. — Надеюсь, в итоге окажется, что оно того стоило.

* * *

— Помогите мне прояснить ситуацию, — говорит Маршалл, — потому что у меня в голове не укладывается: каким образом за последние два часа мы потеряли трех человек, даже четырех, если считать Галлахера, и пятерых, если посчитать Торичелли, — и ни один из них не был вами?

Кошка нервно ерзает на стуле рядом со мной. Маршалл наклоняется вперед, водрузив локти на стол. Вопрос не в том, собирается ли он меня убить. Похоже, он просто обдумывает, каким способом это сделать.

— Вы правы, сэр, — говорю я. — Простите, что выжил. В следующий раз постараюсь такого не допустить.

От моих слов его подбрасывает в кресле.

— Прекратите балаган, Барнс! Вы расходник! Вы не должны даже задумываться о выживании!

Командор медленно опускается обратно, я же утираю со лба брызги его слюны.

— Теперь, — говорит он, — я хочу, чтобы вы мне объяснили, коротко и ясно, почему решили спасти собственную задницу, вместо того чтобы оказать помощь Дугану. Подумайте хорошенько, Барнс, потому что, если ваш ответ будет неубедителен, я лично засуну вас в люк для трупов яйцами вперед.

— Сэр... — подает голос Кошка.

— Молчать, Чен! С вами я разберусь, когда закончу с ним.

Теперь оба смотрят на меня: Кошка — с жалостью и тревогой, Маршалл — как ястреб на мышь-полевку.

— Понимаете, — начинаю я и осекаюсь.

Я собирался сказать что-то вроде такого: хорошо вам тут сидеть и раздавать советы не думать о выживании, пребывая в том же теле, в котором вы родились, в то время как меня то убивают радиацией, то поедают, то растворяют в биомассе каждые полтора месяца. Но, взглянув командору в лицо, я резко осознаю, что насчет люка для трупов он вовсе не шутил. Поэтому начинаю заново:

— Сэр, вы отправили нас на вылазку с конкретным заданием: добыть ползуна. Учитывая случившееся с Торичелли и Галлахером, мы прекрасно понимали, что экспедиция опасная, однако вы все равно на ней настояли. Поэтому я пришел к выводу, что в приоритете именно добыча образца. К тому времени, как мы поняли, что происходит с Дуганом, по моему опыту, мы уже ничем не могли ему помочь. Вот я и направил максимум усилий на успешное завершение миссии — и должен заметить, что с заданием мы справились.

Кажется, Маршалл сверлит меня взглядом целую вечность.

— То есть вы хотите сказать, — наконец произносит он, — что на видео с самопишущей камеры Гомеса я видел не ваше позорное бегство в животном ужасе, когда вы спасали свою шкуру, а ряд спокойных осмысленных действий ради выполнения миссии и дальнейшей защиты колонии? Я правильно понял?

Я бросаю взгляд на Кошку. Она пожимает плечами.

— Ну... да.

Молчание тянется пять бесконечных секунд. Кошка открывает рот, собираясь что-то сказать, но Маршалл останавливает ее взглядом.

— Знали ли вы заранее, покидая купол, что огнеметы окажутся неэффективными против этих тварей?

— Нет, сэр, — отвечаю я. — Я не был уверен.

— Тогда почему вы решили взять с собой ускоритель?

— В первую очередь потому, что я лучше натренирован управляться именно с ним, а не с огнеметом. К тому же я помнил, что во время двух предыдущих экспедиций был вооружен огнеметом и в обоих случаях не пережил столкновения с ползунами. Поэтому я решил, что в данном случае разумно будет изменить тактику.

Брови Маршалла сходятся на переносице, рот сжимается в узкую безгубую полоску. Я рискую краем глаза покоситься на Кошку. Она смотрит прямо перед собой. Маршалл обращает все внимание на нее.

— Теперь что касается вас, Чен. Вы можете объяснить свои действия? Вы находились там для защиты мистера Дугана, так или нет?

— Да, сэр, — отвечает она. — Так точно.

— И вы его оставили, потому что...

— Я оставила его, потому что оценила ситуацию. Два других охранника были моими друзьями. Если бы я верила, что смогу хоть чем-то им помочь, я бы это сделала. Но по факту наше оружие оказалось бесполезным, и я не видела смысла скармливать себя этим тварям вместе с мистером Дуганом.

— Оружие Барнса было эффективным. Вы могли забрать его в приказном порядке и воспользоваться им.

— Могла бы, — соглашается она, — но пользы это не принесло бы. Линейный ускоритель — не оружие точного поражения, сэр. Даже отстрели я Дугану ногу, он бы все равно погиб.

Маршалл откидывается на стуле, запускает пальцы в ежик волос цвета перца с солью и с силой проводит ладонями от лба к затылку.

— Дело вот в чем, — говорит он. — К началу экспедиции нас было сто девяносто восемь человек. Когда мы приземлились здесь — сто восемьдесят, а сейчас осталось сто семьдесят пять. С демографической точки зрения население колонии приближается к грани исчезновения. — Он замолкает и переводит взгляд с одного на другую. — Поэтому, к сожалению, я не могу ни одного из вас отправить в люк для трупов и даже применить к вам хоть сколько-нибудь серьезное наказание, как бы мне самому ни хотелось.

Барнс, у меня есть веские причины подозревать, что вы знаете об этих тварях намного больше, чем рассказываете. Если это действительно так, я хотел бы попросить лишь об одном: подумайте о своих действиях. Если колония погибнет, вы проведете остаток своих дней как тот несчастный ублюдок с Роанока, в компании хреновой тучи Микки Барнсов, и скажу вам по собственному опыту, хотя имел дело лишь с вами одним: это будет невыносимо.

Что касается вас, Чен, я даже не знаю, что мне о вас теперь думать. Я начинаю подозревать, что у вас были какие-то отношения с

Барнсом задолго до вылазки и вы это скрыли, хотя должны были сообщить. На будущее не забывайте предупреждать командование, если какие-то ваши личные проблемы могут помешать осуществлению миссии.

Кошка снова порывается что-то сказать, но Маршалл обрывает ее взмахом руки:

— Ничего не хочу слышать. Просто советую в будущем тщательнее выбирать, с кем связываться. — Командор смотрит на меня, на Кошку, снова на меня. — Это все, — подытоживает он. — Идите. Мы сообщим, когда вы снова понадобится.

* * *

— Ну что, — говорит Кошка, — повеселились.

Мы в столовой, ужинаем, успели застать позднюю смену. В зале по меньшей мере тридцать человек, группами по трое-четверо, они склоняются друг к другу над столами, вполголоса обсуждают события дня. Пять смертей за один день в первооткрывательской колонии — страшное дело, и мы обращаемся к древнему, как само человечество, обычаю: рассказываем друг другу, какими идиотами были теперешние покойники, стараясь убедить самих себя, что с нами такого, конечно же, никогда бы не произошло.

— Да уж, — говорю я. — По крайней мере, командор нас не убил. Я считаю, это победа.

Мои слова вызывают у нее улыбку. В комбинезоне Кошка выглядит намного симпатичнее, чем в полном боевом снаряжении. У нее нежное личико в форме сердечка и густые черные волосы до плеч, стянутые резинкой в низкий хвост. Она ковыряется в тарелке с жареными помидорами и жилистыми на вид кроличьими окорочками. Я пью из кружки сто килокалорий в виде протеинового коктейля. Да помню я, помню, что обещал Восьмому все остатки дневного рациона, но я сегодня чуть не погиб, пока он там отсыпался. Так что имею полное право, так ведь?

Поморщившись, я заглядываю в кружку. Десять часов на такой диете — и мне уже осточертело. Может, устроить Восьмого в биологический отдел на место Дугана, тогда он получит его рацион?

— Маршалл думает, у нас с тобой секс, да?

Я пожимаю плечами и делаю еще глоток.

— Мне тоже так показалось.

Тянусь за ломтиком помидора с ее тарелки. Кошка шлепает меня по руке.

— Тебя это беспокоит? — спрашиваю я.

— Что? Подозрения командора, будто я сплю с расходником?

— Да, — говорю я.

Она пожимает плечами.

— Не. Я не унитарий, и вообще. По моему мнению, ты ничем не отличаешься от прочих чудиков, записавшихся в эту экспедицию.

Я беру ее за руку и наклоняюсь через стол.

— Знаешь, — говорю я, — это самые приятные слова, какие я слышал за всю неделю.

Она хихикает, а я хватаю помидорку и засовываю в рот прежде, чем Кошка успевает отреагировать.

— Эй! — недовольно вскрикивает она и бьет меня кулаком в плечо: наверняка останется синяк. — Что за шуточки, Барнс! Еще раз тронешь мою еду — и я сломаю тебе руку.

— Прости, — говорю я, — можешь съесть мою, — и протягиваю ей кружку.

Она морщится и отталкивает мою руку.

— Спасибо, не надо. Если ты хотел помидоров, почему было просто не взять их? Или ты хочешь сказать, что уничтожил весь дневной рацион еще до вылазки?

— Ага, — киваю я. — Почти. У меня выдались тяжелые деньки.

— Ой, точно, — говорит она. — Прости, я и забыла, что ты погибал вчера вечером. Ты же только что из бака, да? — Она кладет в рот кусочек, жует, проглатывает. — Каково это?

— Каково что? Вылезти из бака?

Она кивает, берет кроличью косточку и обгрызает с нее мясо, оставшееся возле хрящика.

— Ага. Мне всегда хотелось знать, каково это: проснуться после смерти, точно зная, что твое новое тело еще недавно было белковой биомассой в рециклере. Что ты чувствуешь?

— Ну, — объясняю я, — пока находишься в баке, ты без сознания. Просыпаешься уже в своей постели. Сначала немного

дезориентирован, мучаешься чем-то вроде похмелья и не можешь вспомнить, как здесь очутился. Пытаешься понять, не напился ли ты накануне, но и этого не помнишь. Последнее, что всплывает в памяти, — как подключался, чтобы выгрузить сознание...

Она откидывается на спинку стула и кивает.

— Ага. И в этот момент все понимаешь.

— Да, именно тогда. Со мной такое происходило уже семь раз, но всякий раз это как удар по яйцам.

Кошка сочувственно улыбается, но вдруг ее взгляд застывает на ком-то у меня за плечом и улыбка сползает с лица. Я оборачиваюсь и вижу Нэшу: она стоит, скрестив руки на груди.

— Привет, — говорит она. — Как прошла встреча с командором?

Ядвигаюсь, чтобы освободить ей место. Она перешагивает через скамейку и садится рядом.

— Хорошо, — говорю я. — Точнее, ожидаемо. Маршалл грозился сунуть меня в трупосборник, но все-таки удержался.

Нэша кривится.

— А для тебя это до сих пор угроза? После всего того, что этот ублюдок сделал с тобой с момента нашего приземления, он все еще надеется тебя испугать?

Кошка косится на Нэшу и переводит взгляд на меня.

— Ну, — говорит она, — командор действительно угрожал сунуть его в мясорубку яйцами вперед.

Нэша качает головой и похлопывает меня по спине.

— Сестра, ты понятия не имеешь, что пришлось вынести этому парню.

— Ты имеешь в виду медицинские процедуры и все такое?

— Ага, — кивает Нэша. — И все такое.

Кошка отворачивается и снова принимается глотать кроличью косточку. Я толкаю Нэшу локтем в бок. У Кошки была тяжелая вылазка. Не стоит еще больше вгонять ее в депрессию. Нэша вздыхает.

— Короче, неважно, — говорит Нэша. — Суть в том, что даже если засунуть Микки в рециклер живьем, никакого наказания не получится, потому что он все равно ничего не вспомнит, когда выберется из бака. А вот если сначала отрезать ему яйца, бросить их в трупосборник, потом заставить выгрузить сознание и только после

этого столкнуть в дыру — вот тогда угроза сработает. Потому что он все запомнит.

Кошка усмехается, Нэша улыбается ей в ответ.

— Ого, — говорю я, — вижу, ты все продумала!

— Да нет, — отнекивается Нэша, — просто способы поиздеваться над тобой сами на ум приходят.

Кошка с любопытством оглядывает нас.

— Вы двое — парочка, да?

Я смотрю на Нэшу. Она пожимает плечами.

— Большую часть времени. Не считая тех моментов, когда его кто-то съел или задавило ящиками в кладовке. А что? Хочешь к нему подкатить?

— Даже не знаю, — говорит Кошка. — Стоит ли овчинка выделки?

Нэша косится на меня.

— Возможно. Зависит от твоих предпочтений, наверное.

Я чувствую, как лицо заливает краска, и обе хохочут в голос.

— Да шучу я! — Нэша обнимает меня за плечи. — Этот парень — мой. Только тронь его — и я выпотрошу тебя, как рыбу.

Кошка вскидывает руки вверх: сдаюсь!

— Не беспокойся, — говорит она. — Я как раз собиралась уходить.

Она отодвигает стул от стола и собирает вещи. После того как Кошка исчезает, Нэша прислоняется лбом к моему лбу, обхватывает ладонью щеку и говорит:

— Просто чтобы ты знал: кишки я выпущу не только ей одной.

Она коротко целует меня, встает и уходит.

* * *

Когда я возвращаюсь к себе, Восьмой сидит на моем стуле за моим письменным столом и читает что-то с моего планшета. Услышав, что я вошел, он закрывает окно с текстом. Тугую повязку со своей нерастянутой кисти он снял.

— Привет, — говорит он, поднимая на меня глаза. — Как дела?

— Отлично, — говорю я. — Мы на четыре трупя ближе к тому, чтобы у тебя появилось свое место в экспедиции.

— Ого! — Он убирает планшет в ящик стола, встает и потягивается. — Мы всегда были социопатом или это что-то новенькое? Улучшенная версия после перезагрузки?

— То есть вот так? Мы — социопат?

Он ухмыляется.

— Прости. Местоимения для нашего случая еще не придумали.

— Похоже на то, — соглашаюсь я. — И, отвечая на твой вопрос: нет, мы не социопат. Но мы очень-очень голодны.

Восьмой разражается невеселым смехом.

— Ну нет, — говорит он. — От тебя я ничего не желаю слышать о голоде. Я только что из бака, забыл? Сам бы попробовал продержаться на голой протеиновой пасте.

— Кстати о пасте. Я только что съел протеина на сто килокалорий. Так что тебе осталось двести. Извини.

Лицо у него каменеет.

— Ненадолго тебя хватило в роли хорошего парня, правда?

Я мотаю головой.

— Не начинай, Восьмой. Меня только что чуть не убили, пока ты спал. Это тоже считается.

— Возможно, я забыл об этом упомянуть, но я буквально умираю с голоду, Седьмой.

Конечно, он прав. И Шестой, и я бесконечно бухтели по поводу увеличения рациона после бака, а по сравнению с Восьмым мы питались как короли. Я сдираю с себя рубашку, швыряю ее на пол, сажусь на кровать и начинаю расшнуровывать ботинки. Восьмой садится рядом.

— Ладно, — говорит он. — Расскажи, что там происходит? В сводке новостей говорится о четырех несчастных случаях и одном пропавшем без вести за пределами купола, но без подробностей. Как такое могло случиться?

Я снимаю ботинки и растягиваюсь на кровати.

— Ну, строго говоря, не все они находились за пределами купола. Один был в главном шлюзе, который, кстати, выведен из строя, потому что в нем проделали бойницу.

Мои слова будто повисают в наступившем молчании.

— Бойницу? И в кого стреляли?

Я закидываю руки за голову и закрываю глаза.

— В ползунов.

Восьмой снова смеется, но уже веселее.

— Ладно, понял. Ты пошутил. Так что там стряслось на самом деле?

— Они на самом деле закачали в шлюз плазму, чтобы уничтожить ползунов, которые проделали брешь в полу, а попутно зажарили считай уже мертвого идиота по фамилии Галлахер.

— Ползуны — это животные, Седьмой. Никто не станет тратить плазму на убийство животных.

— Ты, наверное, меня не расслышал. Эти животные действительно проделали брешь в полу шлюза.

— То есть, когда ты говоришь «проделали», ты имеешь в виду...

— Я имею в виду, что ползуны пробили дыру в металлическом полу, а потом стали скатывать его, как ковер.

— Скатывать? Думаешь, они... забрали пол?

Я дергаю плечом.

— Похоже на то. Планета бедна железной рудой, сам знаешь. Может, для чего-то им понадобился металл.

— Ого. — Восьмой чешет в затылке. — Подвинься.

Я освобождаю ему место, и он ложится рядом. Ощущение по-прежнему странное, но за последние двадцать четыре часа в моей жизни произошло столько странных событий, что я почти не обращаю внимания.

— Никто и не думал, что эти зверюшки безобидны, — говорит Восьмой. — Но одно дело знать, что они опасны, и совсем другое — что они способны прорвать насквозь металлическую обшивку корабля, так ведь?

— Ты не ошибся. — Я собираюсь продолжить, но вместо этого зеваю во весь рот. С позавчерашнего дня мне ни разу не удалось поспать дольше двух часов подряд. — Что там с обшивкой, я не видел, врать не буду, но дыру в полу шлюза наблюдал своими глазами. А еще наблюдал, как кучка ползунов завалила двоих вооруженных до зубов охранников и одного насмерть перепуганного биолога. Зрелище не из приятных.

— Ты хочешь сказать, что видел, как ползуны прогрызают армированную броню в десять миллиметров толщиной?

— Как именно прогрызают — не видел. А вот как они ползали по этой броне, пока не повалили подготовленных и вооруженных бойцов, — да, видел. Поскольку парни погибли, нетрудно предположить, что с сантиметровой броней ползуны справились.

Восьмой, приподнявшись на локте, нависает надо мной.

— Но это бессмыслица! Ни один вид животных не развивает способностей, которые неприменимы в их естественной среде обитания. Для чего ледяному червю умение прогрызать броню, которая может остановить мощный заряд, выпущенный из линейного ускорителя?

— Хороший вопрос, — говорю я и снова зеваю. — И я дам тебе хороший ответ... когда проснусь.

Восьмой продолжает говорить, но его слова сливаются в мерный, усыпляющий гул. Последнее, что я помню, — как проседает и снова распрямляется матрас, когда Восьмой встает с кровати.

* * *

Уже несколько недель почти каждую ночь меня преследовал один и тот же повторяющийся... сон? Нет, скорее видение. Оно всегда наступало на границе сна и бодрствования, когда я только начинал погружаться в забытие или, наоборот, просыпаться. Еще и по этой причине я давно не сохранял данные: боялся, что во время регенерации произошел какой-то сбой в процессе, какой-то глюк. Если так и было, я не хочу, чтобы он навсегда отпечатался в моих личности и сознании.

Еще меньше мне хочется, чтобы этот глюк заметили штатные психологи и предложили полностью стереть все данные и загрузить меня с нуля.

Во сне я будто снова на Мидгарде, бегу по лесу, который тянется вдоль хребта Улььских гор. Там есть туристическая тропа: восемьсот километров нетронутой дикой природы, горных водопадов, прекрасных видов, простирающихся насколько хватает глаз, и деревьев, выросших из семян, посаженных триста лет тому назад

колонистами, которые занимались первоначальным терраформированием. Я прошел по этой тропе из конца в конец четырежды. На Мидгарде полно свободных пространств, но эти горы — самое пустынное из всех пустынных мест на планете, которая и сама по большей части представляет собой пустыню. За все время, проведенное в походах, я встретил там не больше двух-трех человек.

Я уже разбил лагерь для ночевки и сижу на бревне, уставившись в пламя костра. Пока ничего необычного, правда? Возможно, я просто тоскую по дому. Но затем я слышу звук, будто кто-то откашливается, поднимаю глаза — и напротив меня у костра сидит гигантская гусеница шелкопряда.

Казалось бы, тут я должен испугаться, но ничего подобного. Эта часть переживаемого мной опыта больше всего похожа на сновидение.

Мы разговариваем с шелкопрядом — во всяком случае, пытаемся поговорить. Рот у него движется, оттуда вылетают звуки, которые вроде бы складываются в слова, но я не могу уловить их смысл. Я прошу его остановиться, говорить помедленнее, немного разборчивее — тогда наконец я смогу его понять. Но он меня не слушает. Он говорит и говорит, пока у меня не начинает болеть голова. Я смотрю на костер. Тот горит как в запущенном задом наперед видео: дрова становятся целыми, дым из воздуха всасывается обратно. Когда я снова поднимаю взгляд, гусеница тает, растворяется в воздухе, становится все менее плотной, пока от нее не остается одна улыбка.

В конце концов исчезает и улыбка, и я проваливаюсь в другой, более глубокий уровень сновидения, которое время от времени вижу уже много лет. Я снова Микки-2, и я ползу по внешней обшивке корабля по направлению к шлюзу; кожа отслаивается кусками, и кровь из поврежденных сосудов орошает тело, как пот при высокой температуре, я захлебываюсь кровью, она наполняет рот, стекает в горло и легкие. Я останавливаюсь и тянусь к застежкам шлема. Пальцы раздулись как сардельки, их растопырило в разные стороны, но мне удается отщелкнуть одну, а затем и вторую клипсу. Шлем улетает прочь, и абсолютный вакуум высасывает из меня все до капли.

Воздух.

Кровь.

Кал.

Внутренние жидкости.

Казалось бы, теперь я должен умереть, но почему-то не умираю и не могу понять почему.

Я разлепляю запекшиеся губы и втягиваю полные легкие пустоты. Но прежде чем заорать, я внезапно просыпаюсь, весь в холодном поту, и продолжаю всматриваться широко раскрытыми глазами в непроглядную тьму.

Микки-2 был самой короткой моей инкарнацией.

Во всяком случае, до сих пор.

Микки-3 — самой долгой.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы свыкнуться с гибелью Первого. Невозможно забыть первый поцелуй и все такое. Вот и первая смерть так же незабываема, а у меня она выдалась довольно-таки травматичной. Казалось бы, смерть Второго уже не должна была оставить столь глубокий след, я ведь даже не успел привыкнуть к новой инкарнации; однако простого знания о предсмертных муках Первого оказалось достаточно, чтобы взрывная декомпрессия показалась мне неплохой идеей. В первые недели жизни Третьим я бесцельно шатался по базе в жутко тоскливом настроении, вздрагивая от любого громкого звука и ожидая, что непременно случится нечто ужасное.

Однако время шло, недели превратились в месяцы, а месяцы — почти в год, скудный на события, и ничего ужасного так и не случилось. Самое забавное, что даже напряженное ожидание внезапной насильственной смерти в конце концов становится скучным.

Примерно в то же время мой интерес к всеобщей истории превратился в мрачное увлечение хрониками погибших колоний. Вы скажете, что подобные материалы не станут держать в корабельной библиотеке — они вроде как подрывают моральный дух колонистов, — тем не менее они там были. Учителя в школе не рассказывали нам о провалах. Я бы не назвал информацию, которую нам скармливали, пропагандой в точном значении слова, но на каждом уроке, от биологии до истории и физики, преподаватели умудрялись свернуть что-нибудь о важной и благородной миссии Диаспоры и подчеркнуть, что сообщество шло победным маршем от успеха к успеху, завоеывая по раскручивающейся спирали очередные новые территории. Напрямую ничего не говорилось, но подразумевалось, поэтому я с удивлением узнал, что за последнюю тысячу лет провалов было едва ли не столько же, сколько удачных попыток.

Когда колонисты загружаются на корабль вроде «Драккара», на самом деле они понятия не имеют, что ждет их в конце пути. Физика двигателей на антивеществе диктует определенные параметры, а производство антиматерии безумно сложно и затратно, поэтому перед запуском в космос корабля с колонистами нельзя отправить наобум пробную экспедицию к подходящей звездной системе для разведки условий до основного полета. Вот и приходится довольствоваться наблюдениями со своей планеты. Мы, например, когда покинули Мидгард, знали, что направляемся к желтому карлику. Знали, что вокруг звезды вращаются три небольшие скальные планеты и одна из них расположена на границе зоны обитаемости. Знали, что на планете, являющейся целью нашего путешествия, есть водные испарения и некоторое количество свободного кислорода в атмосфере, из чего сделали вывод, что там наверняка существует какая-нибудь форма жизни.

Если честно, тем наши сведения и исчерпывались, но поскольку Мидгард и Нифльхейм расположены относительно недалеко друг от друга, а способы вести наблюдения за космосом с течением времени существенно обогатились, мы оказались в лучшем положении по сравнению со множеством других колоний. Одну из самых коротких записей я обнаружил об экспедиции, отправленной с планеты Эшер чуть более сотни лет назад. Мир Эшера располагался на таком же расстоянии от края обозримого космоса, на которое мы рискнули удалиться от Мидгарда, и звезды там встречались редко. Цель находилась за двадцать световых лет — а это крайняя граница расстояния, которое способен покрыть колонистский корабль; возможно, даже слегка за пределами границы. К тому моменту, как корабль совершил замедляющий маневр, выжигая антиматерию, взрослые колонисты были старыми, усталыми и страшно голодными, а корабль практически разваливался на части.

К несчастью, мир, который они избрали своей целью, располагался немного на другой орбите. Он оказался ближе к звезде, чем они рассчитывали. Исследователей ввели в заблуждение наблюдаемые в атмосфере спектры поглощения кислорода. Следы кислорода там действительно были, но воды в жидком состоянии не обнаружилось, потому что поверхность планеты оказалась слишком горячей. В теории это было невозможно, но Вселенная — странное

место, где возможно все. Лучшая догадка состояла в том, что когда-то планета была обитаемой и до недавнего времени ее населяла форма жизни, способная разлагать CO₂ на углерод и свободный кислород, но вышедший из-под контроля парниковый эффект — подобный тому, что сделал непригодными для жизни многие регионы Старой Земли еще до появления Диаспоры, — стерилизовал планету. Если эта версия была верна, то остаточный кислород просто не успел окончательно исчезнуть из атмосферы.

Примерно через сто лет от начала терраформирования колонистам удалось бы снова сделать планету пригодной для жизни. Но у них не было ста лет. А учитывая плачевное состояние корабля, вероятно, не было и десяти. Поэтому они передали информацию о своих открытиях на домашнюю планету, накачали наркотиками всех, кто об этом попросил, и открыли шлюзы. Второй мог бы рассказать вам, что взрывная декомпрессия — удовольствие ниже среднего, но, по крайней мере, это быстро.

Прочитав о судьбе колонии Эшера, я задумался о Втором, и эти мысли утянули меня в воронку депрессии почти на месяц.

Вытащила меня оттуда Нэша.

Понятное дело, я сталкивался с Нэшей не раз, начиная со времени пребывания на станции «Гиммель». Когда живешь в огромной консервной банке, начиненной двумя сотнями людей, рано или поздно начинаешь всех узнавать в лицо. Впрочем, я никогда с ней не говорил — по той самой причине, по которой не общался с основной массой колонистов на «Драккаре». Многие просто не хотели иметь со мной никаких дел, и я платил им той же монетой.

По-настоящему мы с Нэшей познакомились лишь год спустя, после столкновения с метеоритом, отправившим на тот свет Первого и Второго. В тот момент мы уже перешли в крейсерскую фазу полета, рассекая вакуум со скоростью, близкой к скорости света: болтались в невесомости, выживали на минимальном рационе и не находили себе места от скуки. Командир приказал всему персоналу в каждое дежурство проводить хотя бы два часа на карусели: официально — чтобы у нас остались кости, когда мы все-таки приземлимся на чужой планете; неофициально — чтобы мы не поубивали друг друга, надеясь внести в жизнь хоть какое-то разнообразие.

Карусель полностью соответствовала своему названию: вращающееся по окружности в сечении корабля кольцо ста двадцати метров в диаметре с плоской прорезиненной внутренней поверхностью шириной около шести метров. Она крутилась со скоростью три оборота в минуту: достаточно быстро, чтобы создать половину привычной гравитации, и достаточно медленно, чтобы можно было устоять на ногах, а эффект Кориолиса не приводил к расставанию с завтраком.

На карусели полагалось заниматься физическими упражнениями, но даже если мы просто отбывали на ней нужное время, никто из начальства не обращал внимания, чем мы там на самом деле занимаемся. Конечно, были среди нас фанаты фитнеса, которые, пробегая мимо, неодобрительно косились на тех, кто не делал приседания и йогические асаны или не отрабатывал приемы крав-мага, но, насколько мне известно, ни один из атлетов не доносил о таких случаях командованию.

Я с удовольствием выходил на пробежку, иногда не по одному разу в день, до того самого момента, когда погибли Первый, а за ним Второй. После этого мотивация к занятиям спортом упала до нуля. Для чего заботиться о плотности костной ткани и мышечном тонусе, если срок хранения моих мышц и костей не больше, чем у вскрытого стаканчика йогурта? Я начал брать с собой на карусель планшет, находил укромное место подальше от фанатов приседаний, прислонялся к стене и без конца читал отчеты об основании новых колоний. Тогда-то я и узнал о планете Эшер, Роаноке и множестве других недавних катастроф.

Думаю, не стоит упоминать, что мотивации к физическим упражнениям такое чтиво мне не прибавило.

И вот однажды я сидел на корточках, подпирая стену, и читал рассказ от первого лица об экспедиции, чуть не завершившейся провалом тысячу лет назад, хотя сейчас эта планета является одним из самых населенных миров Альянса. Колонистов преследовали постоянные неудачи в сельском хозяйстве, и почти детективное расследование выявило, что причиной проблем служит вирус, эндемичный для местных почв. Тогда еще не было биорециклеров, и рассказчик дал понять, что поселенцы едва не умерли с голоду, пока им наконец не удалось найти решение.

Я как раз дочитал до того места, где глава биологического отдела колонии — он же по совместительству рассказчик — героически спас миссию, создав вирофага, который очистил почву для выращивания растений, полезных человеку. Правда, попутно фаг убил микроорганизм, позволяющий произрастать местной флоре, чем полностью уничтожил изначальную планетарную экосистему, — но тут кто-то пнул меня носком ботинка в плечо, отчего я завалился набок. Я поднял взгляд и увидел женщину в черном облачении службы охраны. Она возвышалась надо мной, скрестив руки на груди.

— Слушай-ка, — сказала охранница, — ты разве не должен сейчас отжиматься?

Я ответил злобным взглядом. Она расплылась в улыбке и уселась на пол рядом со мной.

— Просто решила пошутить. Ты же расходник, да?

— Я Микки Барнс. А ты кто?

— Фу-ты ну-ты, Микки Барнс. А может, просто Микки-три?

Туше.

— Да, он самый.

Она прислонилась к стенке. Я выпрямился и со вздохом убрал планшет в нагрудный карман.

— А я Нэша Аджайя. Боевой пилот.

Я оглядел ее с ног до головы. Заплетенные в косички волосы заслоняли лицо, но я видел, что она все еще улыбается.

— Значит, боевой пилот? Вы, наверное, приятели с Берто.

— Гомесом? Да, нормальный парень. Мы с ним ладим, хотя в погбол он играет лучше, чем летает.

Я улыбнулся:

— Твоя правда. Интересно, какое умение больше пригодится там, куда мы направляемся?

Она наклонилась ко мне:

— Неужели ты сомневаешься в важности той роли, которую играют в нашей экспедиции боевые летчики?

— Ага, вроде того, — кивнул я. — Зачем первооткрывательским колониям столько пилотов? Или мы собираемся приземлиться на планету, где есть свои военно-воздушные силы?

Ее улыбка стала еще шире.

— Как знать, как знать. Раньше такого не случилось, но гарантий нет.

— Вас всего двое. Будем надеяться, что ВВС у них малюсенькие. Нэша расхохоталась.

— А вот это неважно, друг мой. Я офигительно хороший пилот.

— Ага, — сказал я, — не сомневаюсь.

Некоторое время мы сидели молча. Я уже подумал, не достать ли мне снова планшет, а то и вообще уйти, но тут Нэша повернулась и посмотрела на меня. А я на нее. Ее улыбка исчезла, глаза сузились в щелочки. Радужки глаз были черными, почти как зрачки.

— Расскажи, каково это — умереть, — попросила она.

Я пожал плечами.

— Как родиться, только наоборот.

— Ха! Мне нравится, — снова улыбнулась она. — А знаешь, для зомби ты симпатичный.

— Спасибо, — ответил я. — Я пользуюсь увлажняющим кремом.

Она дотронулась до моей руки, потом провела пальцем по предплечью.

— Похоже, и правда пользуешься. — Ее улыбка стала плотоядной. — Еще как... пользуешься.

* * *

Позже, когда мы очутились в моем отсеке, переплетаясь полуобнаженными телами и раздеваясь в темноте, она сказала:

— Не думай, я не охотница за привидениями.

Тогда я и услышал это определение в первый раз. Но далеко не в последний.

— Охотница за привидениями? — переспросил я.

— Ну да, — ответила она. — Ты же знаешь.

Я немного помолчал: думал, она продолжит. Вместо этого Нэша погладила меня по спине и больно ущипнула за ухо.

— Нет, — сказал я. — Не знаю.

— Правда? Но тебе известно, что на нашем корабле летит куча унитариев?

Я поморщился.

— Да, известно. Именно поэтому я стараюсь держаться особняком.

— Не все унитарии хотят, чтобы ты держался от них подальше.

Я резко повернулся и прижался лбом к ее лбу.

— Что?

Нэша поцеловала меня.

— Со сколькими женщинами ты был с начала путешествия?

— Не знаю, с несколькими.

Она поцеловала меня еще раз.

— Но только после катастрофы, так? После того, как ты возродился заново в баке.

Я не стал ничего говорить. Было ясно, что она и так знает ответ.

— Охотницы за привидениями. Для женщин из унитариев ты сладкий запретный плод. Я подслушала их разговоры.

— Но сама ты не такая.

— Нет, — прошептала она, — я не такая.

* * *

Сложно назначать свидания на космическом корабле. Там не так много вариантов времяпровождения. Можно поесть вместе, но высасывать пищу из пластикового пакета, когда ты стреножен сбруей, чтобы из-за невесомости не влететь в партнера, который точно так же высасывает еду из пакетика, в действительности еще менее романтично, чем в моем описании. Можно погулять вдвоем, но единственным нормальным местом для прогулок служит карусель, где постоянно подташнивает и приходится обращать больше внимания не на партнера, а на то, чтобы не врезаться в любителей физкультуры. Можно полюбоваться на звезды через видовые иллюминаторы в носовой части корабля, но при взгляде на черный космос я не мог не думать о потоке высокоэнергетических протонов, обтекающем корпус, и о том, во что они могут меня превратить, если в очередной раз накроется один из генераторов силового поля. Панические атаки, спровоцированные ПТСР^[2], тоже не слишком романтичны.

Поэтому в основном мы просто трахались.

А когда не трахались, то очень много разговаривали. Нэша обладала неиссякаемым запасом историй. Ее родители были иммигрантами, а таким могли похвастаться разве что основатели колоний, поскольку добираться с одной планеты на другую в пределах Альянса и дорого, и долго. Они прибыли на Мидгард тридцать лет назад на «Утраченной надежде», корабле беженцев с Новой Надежды — планеты, которая до тех пор, пока ее жители не вздумали переубивать друг друга, была ближайшей соседкой Мидгарда.

Вы, наверное, думаете, что в таком месте, как Мидгард, не встретишь плохого отношения к иммигрантам: у нас достаточно пространства и ресурсов, чтобы приютить пару сотен заблудших душ. И ошибетесь. Люди склонны сбиваться в стаи, и даже легкого акцента в речи беженцев хватило, чтобы отнести их к аутсайдерам, не говоря уже о том, что кожа у них была на несколько тонов темнее, чем у коренного населения Мидгарда. Не прошло и месяца со дня появления иммигрантов на Мидгарде, как в новостях тут и там начали мелькать сообщения, обвиняющие беженцев в распространении вируса безумия, поглотившего Новую Надежду. Как уверяли комментаторы, если позволить чужакам интегрироваться в культурную и политическую жизнь Мидгарда, то они увлекут планету на тот же гибельный путь. Правительство обеспечило иммигрантов базовыми пособиями и жильем, но с самого начала им трудно было найти нормальную работу. Спустя два года после прибытия несколько десятков беженцев устроили сидячую забастовку, которая в итоге вылилась в массовые протесты и небольшой бунт. После этого им стало трудно даже устроить детей в обычную школу.

Примерно в то время и родилась Нэша.

Она редко рассказывала о своем детстве, но иногда в разговоре проскальзывали намек или случайная обмолвка, поэтому я знал: счастливым то время не назовешь. Зато Нэша откровенно рассказывала, почему решила стать пилотом. О предстоящей экспедиции она узнала еще малышкой и сразу же загорелась мечтой в ней участвовать. Она не могла позволить себе академическую карьеру, которая привела бы к защите докторской в области экзобиологии; у нее не было связей, которые обеспечили бы ей место в службе безопасности или администрации, — но она могла научиться

пилотировать боевой самолет-амфибию. В конце концов, в чем еще разбираться выходцу с Новой Надежды, как не в орудиях убийства?

— Мидгард никогда не был мне домом, — призналась мне она однажды ночью, когда мы лежали в обнимку у нее в гамаке. — И никогда не стал бы. А вот та планета, куда мы летим...

— Там будет здорово, — сказал я. — Теплый бриз, пляжи с белоснежным песком и ни одного хищника, мечтающего нас сожрать.

Вот уж воистину, попал пальцем в небо.

* * *

Я был с Нэшей и другими двадцатью или тридцатью колонистами в комнате отдыха на носу корабля, когда наконец остановился основной двигатель и мы перешли на вспомогательные ионные, чтобы выйти на орбиту Нифльхейма. Пока что никто из нас не мог разглядеть будущий новый дом сквозь клубы выхлопных газов от двигателей «Драккара», но все волновались и сторали от нетерпения поскорее его увидеть. Предупреждение об отключении гравитации вспыхнуло на экранах наших окуляров, спустя тридцать секунд наступило состояние невесомости, и мы всплыли вверх, оторвавшись от пола. Примерно через минуту огромный настенный экран заполнило изображение планеты, ради которой мы преодолели восемь световых лет.

Кто-то в первых рядах попытался издать радостный вопль, но крики стихли мгновенно, толком не начавшись.

Не знаю, что мы ожидали увидеть. Зеленые континенты, голубой океан? Огни городов?

А увидели мы белизну. Да, мы все еще находились за миллион километров от планеты, но с такого расстояния она выглядела совсем как погбол: белая, гладкая, без единой опознавательной черты.

— Что это? — спросил кто-то. — Облака?

Мы молча наблюдали за тем, как маневры корабля и вращение планеты меняют угол обзора. Вид остался прежним. Спустя, как нам тогда показалось, несколько часов, хотя в действительности едва ли прошло десять минут, Нэша заявила:

— Это не облачный покров. Это лед. Наша планета — чертов снежок.

Мы с ней держались за руки, просто чтобы не разлететься в разные стороны. Я сжал ее пальцы. И она ответила мне тем же. Я перебирал в уме все прочитанные мною отчеты о погибших экспедициях, о так и не основанных по той или иной причине колониях. Непохоже было, что эта планета примет нас с распростертыми объятиями, хотя...

Я притянул Нэшу к себе и прошептал ей на ухо:

— Мы справимся. Старая Земля когда-то была точно такой, прежде чем на ней зародилась жизнь. Здесь огромные запасы воды, атмосфера состоит из кислорода и азота. Больше нам ничего и не нужно.

Нэша вздохнула, повернулась и поцеловала меня в щеку.

— Надеюсь. Жаль было бы проделать весь этот путь, чтобы просто умереть.

Ее слова не успели еще отзвучать, как передо мной всплыло окошко коммуникатора.

<Команд-1>: Срочно явитесь к биологам. Приготовьтесь быть использованным по назначению.

После жуткого сна, где я снова оказываюсь на корпусе корабля, трудно заснуть даже при самых благоприятных обстоятельствах. А теперь, когда Восьмой жметя ко мне в кровати, ворочается и бормочет во сне, и вовсе невозможно. Примерно через полчаса попыток я сдаюсь, вылезая из постели, беру планшет со стола и иду в кафе, чтобы почитать. Так рано в коридорах никого нет, если не считать изредка попадающихся навстречу парней из службы безопасности. Вся база в моем полном распоряжении. Я сажусь за столик в углу напротив входа. На всякий случай: если в такую рань сюда занесет еще кого-нибудь, я бы предпочел, чтобы меня оставили в покое.

Стоит мне присесть, как в животе начинает урчать. Желудок знает, куда мы ходим поесть. Я бы с радостью с ним согласился, но моя продовольственная карточка обнулена, а новые килокалории начислят только в 8:00, до этого еще пара часов. Минус моего положения: к тому времени я могу буквально переварить собственную печень. Плюс: у меня достаточно времени, чтобы, не отвлекаясь на внешние раздражители, узнать кучу разных подробностей (хотя я предпочел бы и дальше пребывать в неведении) о катастрофической гибели какого-нибудь поселения, вызванной какими-нибудь необычайными обстоятельствами.

Прямо сейчас я не изучаю историю какой-то конкретной колонии, поэтому несколько минут просто просматриваю архивы. Однако ничто меня особо не цепляет, и в конце концов я из чистого любопытства открываю файл о Новой Надежде. Я не погружался в хронику этой планеты с тех пор, как начал свой мрачный тур по всеобщей истории Диаспоры — в основном потому, что, как и все жители Мидгарда за последние тридцать лет, уже имел сложившееся представление о ее судьбе.

Колония Новая Надежда потерпела крах спустя примерно двадцать пять лет от первоначальной высадки людей из-за короткой, но жестокой гражданской войны между колонистами-основателями и первой волной родившихся там жителей. Стычка разрушила большую часть инфраструктуры, необходимой для выживания в условиях

наполовину враждебной людям планеты. Группе беженцев — все они были из когорты молодых — удалось захватить космический корабль, доставивший основателей: он, как и «Драккар» здесь, на Нифльхейме, все еще вращался по орбите вокруг планеты. Беженцы ободрали судно почти до каркаса, оставив лишь самое необходимое для выживания во время пятилетнего межпланетного перелета: выбросили эмбрионы, оборудование для терраформирования и выращивания растений. По сути, не осталось ничего, кроме систем жизнеобеспечения, рециклера и минимальных запасов пищи. Урезали даже площадь жилых помещений.

Когда они закончили со всеми приготовлениями, масса корабля составляла едва ли не меньше десяти процентов от веса «Драккара» перед запуском. Топлива в баках корабля и того антивещества, которое беженцам удалось наскрести из разрушенной силовой установки колонии, хватило ровно на скачок до Мидгарда — где их встретили отнюдь не с распростертыми объятиями.

Я втягиваюсь в чтение, и до меня постепенно доходит, что подробности, изложенные в статье, представляют историю Новой Надежды в совершенно ином свете, чем нам рассказывали в школе. Учителя старательно обходили вниманием причины войны, и я по умолчанию считал их обычными для всех гражданских войн: раса, религия, ресурсы, политическая философия, бла-бла-бла... Однако в данном случае *casus belli*^[8] послужили разногласия по вопросу о том, являются ли местные врановидные птицы существами разумными и, следовательно, заслуживают защиты и уважения, — или же их стоит признать вкусными и, следовательно, годными лишь для того, чтобы натереть их тушки пряностями и зажарить на гриле.

Теперь я начинаю понимать, почему в школе нам об этом не рассказывали. Если колония может исчезнуть по такой причине, тогда мы все в одном шаге от люка трупосборника. Не знаю, какой урок можно извлечь из этой истории, разве только такой: когда проблемы начинают накручиваться, как снежный ком, летящий с горы, повернуть ситуацию вспять очень сложно.

Снедаемый в равной степени нетерпением и отвращением, я отсчитываю последние десять минут до того, когда наконец смогу сканировать зрачок и заказать кружку протеиновой пасты, как вдруг получаю сообщение из отдела кадров. Разнарядка работ на день. Меня

направляют в службу безопасности. Я должен быть у второго шлюза к 8:30, одетый и вооруженный для патрулирования периметра.

Подходящая работенка для Восьмого.

Я как раз собираюсь сообщить ему об этом, но он первым выходит на связь.

<Микки-8>: Привет, Седьмой. Уже идешь к шлюзу?

<Микки-8>: Вообще-то я подумал, что сегодня вместо меня выйдешь ты. Не забудь, вчера меня чуть не съели, пока ты спал.

<Микки-8>: Я бы вышел, но...

<Микки-8>: Кончай ломаться, Восьмой. За тобой должок.

<Микки-8>: Не согласен, друг. Если помнишь, я великодушно не столкнул тебя вниз головой в трупоприемник, после того как честно выиграл смертельную схватку в «камень-ножницы-бумага». С моей точки зрения, должок за тобой. К тому же я еще не завтракал. Так что вызов твой. Обещаю, что завтра соглашусь на любую работу, которую нам назначат.

Я набираю ему ответ, начинающийся со слов: «Слышь, ты, засранец», когда поверх всплывает второе окно.

<Чен-0197>: Привет, Микки. Вижу тебя в наших списках на сегодняшнее утро. Меня тоже поставили на патрулирование периметра. Хочешь ко мне в напарники? Вчера мы вроде неплохо сработались.

Я размышляю над ответом, и тут снова прилетает сообщение от Восьмого.

<Микки-8>: Отлично, это решает дело. Я ведь понятия не имею, кто такой Чен-0197 и что вы с ним вчера вытворяли. Стоит нам поговорить пять минут — и меня разоблачат, правильно? Правильно. Так что я спать, ладно? Дай потом знать, как все пройдет.

Он закрывает окно сообщений. Мне хочется написать ему пару слов вдогонку, а еще больше хочется ворваться в наш отсек, за ноги стащить его с кровати и...

Но, к сожалению, он прав.

<Чен-0197>: Ты там?

<Микки-8>: Привет, Кошка. Да, я здесь. Просто завтракаю перед выходом. Встречаемся через двадцать минут.

— Ну что, — говорит Кошка, — долой броню, да здоровствует линейный ускоритель?

Я поднимаю взгляд от ремешков снегоступов, мотаю головой и возвращаюсь к шнуровке.

— Не собираюсь я тебе советовать, Кошка. Вчера Дуган был прав. У вас, ребята, другая система побудительных стимулов, отличная от моей.

— Какая система? — спрашивает Кошка. — Ты хочешь сказать, что для нас на первом месте инстинкт самосохранения и только на втором — мотивация к действию, поскольку иначе эти твари разорвут нас в клочья?

— Ага, — говорю я. — Именно это я и имею в виду.

Я встаю, шаркаю прочь от скамейки, на которой сидел, и топаю ногами, чтобы убедиться в надежности креплений снегоступов. Кошка снарядилась по моему примеру: в три слоя белого камуфляжного термобелья, снегоступы и респиратор, пока что сдвинутый на лоб. Наше оружие еще на стойке, но и тут моя напарница права: после вчерашнего я, конечно, возьму ускоритель.

— Не думай, что я куплюсь на твои уловки, — говорит она. — Я видела, как ты действовал вчера. Ты хотел умереть не больше нашего. Знаю, тебе вроде как полагается быть бессмертным, но по твоему поведению этого не скажешь.

Окинув ее долгим взглядом, я пожимаю плечами и шаркаю к стойке с оружием.

— Ты когда-нибудь пробовала засунуть руку в мясорубку?

Кошка смеется.

— Что? Нет, конечно.

Я снимаю ускоритель со стойки, проверяю аккумулятор и наличие боезаряда.

— Почему нет? Убить это не убьет, а протез, который тебе сделают, будет сильнее настоящей руки. Несколько часов в лазарете — и ты как новенькая.

— Ах вот оно что, — говорит Кошка. — Поняла, куда ты клонишь.

— Рад, что поняла, — отвечаю я. — Я твердо знаю, что моя смерть — временное явление, но умирать чаще необходимого мне все равно не хочется. Это больно. — Я закидываю ускоритель на плечо и

натягиваю перчатки. — Тем не менее у меня есть своя теория насчет ползунов. Вряд ли они нас преследуют. Мне кажется, они охотятся за металлом, как коренные обитатели Роанока охотились за водой. Если я прав, то надевать на патрулирование боевые доспехи — все равно что соваться в логово к волкам, завернувшись в бекон.

— Металл? — изумляется Кошка. — Это животные, Микки. Зачем им металл?

Я пожимаю плечами.

— Кто знает? Может, они не животные.

Кошка выбирает себе оружие.

— Не нравится мне все это. Вернемся лучше к бессмертию. Ты веришь?

Я смотрю на нее:

— Во что?

Она закатывает глаза.

— В собственное бессмертие, Микки.

Я вздыхаю.

— Слышала когда-нибудь о корабле Тесея?

Она умолкает, чтобы подумать.

— Возможно. Так назывался корабль, на котором летели основатели колонии на Эдеме?

— Нет, — говорю я. — Не угадала. Корабль Тесея — это деревянный парусник с Древней Земли. Судно разбилось, и его пришлось строить заново — может, не полностью, но все равно оно нуждалось в ремонте...

— Погоди, — говорит Кошка. — Парусник? Который плавает по воде?

— Ага. Тесей отправился на своей лодке вокруг света, и она потерпела крушение, а может быть, и нет, но в любом случае Тесею пришлось чинить корабль.

— Я запуталась. Это как кот Шредингера?

— Как что?

— Кот Шредингера, — повторяет она. — Ну, помнишь, кот в коробке с ядовитым газом? Квантовая суперпозиция и все такое?

— Нет, я же говорю, речь идет о корабле, а не о коте.

— Я тебя услышала, — говорит Кошка. — И понимаю, что лодка — это не кот. Но на самом деле речь идет об одном и том же.

Мне нужно подумать. На секунду мне кажется, она права.

Но только на секунду.

— Нет, — возражаю я. — Тут совсем другое. С чего ты решила, что речь об одном и том же?

Кошка собирается ответить, но не успевает: внутренняя дверь шлюза открывается, и скучающий возле нее охранник жестом подзывает нас к себе.

— Чен. Барнс. На выход.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — обещает Кошка.

Мы надеваем ребризеры. Кошка проверяет герметичность моего, я — ее.

— Эта штука срабатывает каждые десять секунд, и неважно, внутри вы или снаружи, — сообщает охранник.

Кошка вскидывает оружие на плечо, и мы заходим в шлюз.

* * *

— Идиотизм какой-то! — восклицает Кошка.

Я оглядываюсь на нее. Она говорит не по связи, и сочетание ребризера с атмосферой Нифльхейма заставляет ее голос звучать выше настоящего тембра, делает его резким и дребезжащим. Мы обходим периметр, шаркая снегоступами, двигаемся от вышки к вышке, высматривая признаки вторжения. Кроме нас тут еще две команды, мы бредем на одинаковом расстоянии друг от друга по километровому кольцу, очерчивающему зону присутствия человека на этой планете. Нам нужно выдерживать ровный темп: каждая команда должна дважды обойти периметр за шестичасовую смену. Всякий раз, как мы проходим мимо вышки, она отмечает наше присутствие и обновляет на видеоэкране окуляра наши координаты относительно других команд.

— Ты о чем? — спрашиваю я. — О том, что мы попусту морозим себе задницы, целый день гуляя вокруг купола? Или что нас в любой момент могут растерзать ползуны без всякой на то уважительной причины?

— Ни о том, ни о другом, — отвечает Кошка. — Ходьба полезна для здоровья, а гибель при исполнении обязанностей входит в должностную инструкцию, когда устраиваешься на работу в службу

безопасности. Я имею в виду это, — она широким взмахом руки очерчивает все вокруг, от купола и снежных полей до белеющих вдалеке гор. — Вообще, если ты помнишь, планета предполагалась пригодной для жизни. Пояс Златовласки, кислородно-азотная атмосфера и так далее. — Она пинает вверх ком снега и смотрит, как он рассыпается белой пылью, сверкающей в лучах низкого желтого солнца, и облачком оседает обратно на землю. — Но это чертово место не годится для жизни, Микки. Вот в чем главный идиотизм нашего положения.

Я чуть было не начинаю рассказ о планете, на которую отправил своих людей мир Эшера. По крайней мере, наша планета не убила нас сразу по приземлении. Но Кошка отворачивается и шагает дальше, и я понимаю, что это к лучшему. Я не самый чувствительный парень на свете, но живу все-таки не первый день и давно понял: расстраивать и без того несчастного человека рассказами о том, что могло быть хуже, — плохая идея.

Вышки разнесены по периметру с интервалом в сто метров. Когда мы добираемся до очередной точки, видеоэкран оповещает, что мы движемся быстрее двух других команд и нужно снизить скорость на десять процентов.

— Ох, — стонет Кошка. — Да куда еще медленнее?

— Они, наверное, в полной броне, — замечаю я. — И без снегоступов. Помнишь, как весело было вчера?

— Да, точно. И все равно...

У меня пищит коммуникатор, и на экране всплывает новое сообщение. Командование просит нас подождать двенадцать минут, прежде чем двигаться дальше. Кошка со вздохом прислоняется к вышке, поднимает ускоритель и прицеливается в голую скалу, торчащую из-под снега в пятидесяти метрах от нас.

— Я не стреляла из такой штуковины со времен тренировочного лагеря на Мидгарде, — говорит она. — Надеюсь, еще не забыла, как она работает.

— Наводишь и нажимаешь на кнопку, — поясняю я. — Все остальное сделает за тебя программа прицела.

Сработавший ускоритель жужжит, отдача бьет Кошке в плечо, и мгновение спустя вершина скалы взлетает на воздух облаком гранитной крошки.

— Круто! — говорит моя напарница. — Получилось!

Я хочу посоветовать побережь заряд на тот случай, когда он нам понадобится, и в эту минуту обломки оседают на снег.

Среди них скрючился ползун: голова торчит наружу в том месте, куда выстрелила Кошка, задняя часть тела находится под снегом. Пасть широко раззявлена, хваталки загибаются в воздухе.

— Кошка? — окликаю я.

— Тише, — шипит она. — Вижу.

Она тщательно целится, вновь раздаётся жужжание и глухой звук отдачи. Передние сегменты ползуна разрывает веерным лучом, тело подлетает вверх и падает обратно в снег.

— Да, — говорит она. — Сработало!

Снег вокруг скалы начинает вскипать.

Снежный покров вздымается волной: она перекачивается, поднимается, оседает и снова взмывает вверх.

Волна приближается к нам.

— Микки? — зовет Кошка.

В тридцати метрах из-под снега выныривает ползун. Кошка опять стреляет, но это панический выстрел, сделанный наугад, он только вздымает облака пара и снега, не зацепив ползуна. Огнемёт на вышке, под которой мы стоим, оживает. Его луч скользит по снегу вокруг скалы, и мгновение спустя перекрещивается с лучами от вышек слева и справа от нас. Пар поднимается вверх горячими облаками, загорая обзор и скрывая приближающуюся волну. Я уже успел один раз разрядить оружие, но ещё до выстрела мое поле зрения разделилось. Правым глазом я смотрю вдоль ствола акселератора — туда, где, как я полагаю, на нас движется передовой отряд ползунков. Но левым я кошусь на купол. Вижу взорванную скалу, Кошку, клубы пара там, где огнемёты испаряют снег. Изображение смазано, цвета размыты, детали сглажены.

Сквозь просвет в облаках пара я мельком вижу двух человечков, смотрящих на меня.

Крепко зажмуриваюсь, снова открываю глаза и вижу обычное стилизованное изображение местности, поступающее на мой экран. Наверное, случайно наложились картинка с другой камеры — может, я поймал сигнал передатчика с соседней вышки? Я встряхиваю головой и отступаю на полшага назад. Зацепившись за камень левым

снегоступом, я валюсь на спину. На экране одна из фигурок роняет мультяшную винтовку и отшатывается, а другая поворачивает полупрозрачную голову и смотрит на меня в упор. Я падаю навзничь, экраном окуляров вверх, но точка зрения не меняется, и я вижу, как обезоруженная фигурка исчезает в распадающемся на пиксели снегу. Другой человечек поднимает оружие и стреляет, снова и снова, и каждый выстрел взрывает снег посередине между ним и мной.

Я слышу голоса, но не могу отделить крики по коммуникатору и гневный рев Кошки от чужой речи, тихой и спокойной, из которой не могу понять ни одного слова. Оставшаяся на ногах фигурка поднимает винтовку, и та сжимается до точки глядящего на меня дула...

* * *

— Он приходит в себя.

Голос незнакомый. Мне требуется несколько мгновений, чтобы сообразить: говорят обо мне.

— Он нас слышит? — Это Кошка.

Я открываю глаза и обнаруживаю, что лежу на спине в палате для обследований в корабельном лазарете. Кошка склоняется надо мной. Она выглядит встревоженной.

— Эй, — говорит она. — Ты здесь?

Еще несколько секунд, чтобы во рту набралось достаточно слюны, и у меня получается выговорить:

— Ага, здесь. Что случилось?

Кошка выпрямляется, а я пытаюсь сесть. Однако чьи-то руки хватают меня сзади за плечи и мягко прижимают к кровати.

— Полегче, Барнс. Давайте для начала убедимся, что вы не пострадали, прежде чем начнем совершать резкие движения.

Я задираю голову, оглядываясь назад и вверх, и упираюсь взглядом в заросшие седыми волосками ноздри лысеющего врача средних лет по имени Берк.

Его присутствие не слишком обнадеживает. Он уже несколько раз убивал меня.

— Простите, — говорю я. — Со мной что-то не так?

— Не знаю, — говорит Берк. — Никаких физических повреждений нет, и ваша ЭЭГ на данный момент выглядит нормально. Однако, судя по словам Чен, вы ни с того ни с сего завалились, как куль с мукой, без всякой видимой причины. С медицинской точки зрения это не лучший знак.

— Почему мы не погибли? На нас собирались напасть ползуны, разве нет?

— Собирались, — говорит Кошка. — Но так и не напали. Я не знаю почему.

— Вышки, — вспоминаю я. — С них стреляли огнеметы, да?

— Ага, — кивает Кошка. — Стационарные огнеметы на вышках намного мощнее портативных. Когда рассеялся пар, вокруг не было ни одного мертвого ползуна, но, может, выстрелы вынудили их зарыться в землю?

— Может, и так, — соглашаюсь я, но почему-то мне не верится.

— А может, — говорит Кошка, — я завалила их главного босса.

Я вырываюсь из захвата рук Берка и резко сажусь.

— Что?

— Когда активировались огнеметы на вышках, я почти не видела, что происходит прямо перед нами. Все застлало паром, помнишь? Тогда я взглянула наверх и увидела, что немного выше по склону холма из сугроба торчит гигантский ползун.

Я настораживаюсь.

— Что значит — гигантский?

Она пожимает плечами:

— Сложно сказать. До него было не меньше ста метров. Может, вдвое крупнее других? Или еще больше. Как бы то ни было, он оказался единственной целью, в которую я действительно могла попасть, поэтому я выстрелила. Через несколько секунд огнеметы отключились, а ползуны исчезли.

Я свешиваю ноги со смотрового стола.

— Сколько у него было жевательных челюстей?

Брови Кошки сходятся на переносице.

— После моего выстрела? Нисколько. А до выстрела не было времени сосчитать.

Я встаю. Перед глазами все плывет, но потом взгляд снова фокусируется.

— Вам нельзя уходить, вы должны какое-то время побыть под наблюдением, — пытается надавить Берк. — Подобные неврологические симптомы — не шутка, Барнс. Я хочу сделать снимки. Это может быть опухоль.

Я смотрю на него, отрицательно мотая головой, и подбираю с вращающегося стула рубашку, которую, видно, кинули туда, когда принесли меня на осмотр.

— Нет у меня никакой опухоли, — бурчу я.

— Откуда вам знать, — возражает Берк.

— У нас однажды уже был такой разговор, — говорю я. — Помните? Опухоли растут долго, а мне всего полтора дня от роду.

Он морщится. Видимо, вспомнил.

— Ладно, — уступает врач. — Пусть не опухоль. Но позвольте мне проверить кое-что еще.

Он поворачивается, роется в ящике стола и достает тонкую палочку с чем-то вроде присоски на одном конце и считывающим устройством на другом. Берк подходит, пока я надеваю рубашку через голову, и кладет руку мне на плечо.

— Пойдите спокойно, — велит он, — и посмотрите на потолок.

Я тяжело вздыхаю и закатываю глаза до упора. Берк одной рукой обхватывает мне затылок, а другой прижимает кончик палочки к левому глазу.

— Ой! — вскрикиваю я.

— Ну что вы как маленький. Это займет всего секунду.

Палочка пищит, и врач отнимает ее от моего глазного яблока.

— Хм! — мычит он.

Кошка подходит ближе и, заглядывая Берку через плечо, смотрит на считывающее устройство.

— И что это означает?

Он поворачивается к ней:

— Похоже, в течение последнего часа в окулярах произошел скачок напряжения. Вам стоит проверить их, Барнс. В конце концов, окуляры напрямую подключаются к мозгу. Пользоваться неисправным оборудованием опасно.

— Хорошо, — говорю я. — А вы можете их проверить?

Он качает головой.

— Нет, я разбираюсь только в устройствах, созданных природой. Вам нужен специалист из отдела биоэлектроники.

Конечно.

— Спасибо, — говорю я. — Займусь этим немедленно.

* * *

— Признавайся, — требует Кошка. — Что на самом деле с тобой случилось, Микки?

Мы находимся в главном коридоре первого уровня, возле рециклера. Я понимаю, почему рециклер и медицинский центр расположены рядом, но по коже все равно пробегает озноб, когда мы проходим мимо двери.

— Понятия не имею, — отвечаю я. — Просто потерял сознание.

Так ли просто? Воспоминания о мультяшных образах — моем и Кошки — все больше напоминают остаточные видения, проносящиеся в мозгу после удара током непосредственно перед отключкой, и все же...

— Я бы сказала, что тебе следует показаться врачу, — замечает Кошка, — но ты только что у него был. Как насчет воспользоваться советом Берка и проверить, что у тебя с очками?

— Посмотрим, — говорю я. — Сегодня днем я занят, но попробую завтра записаться к кому-нибудь на консультацию, если будет такая возможность.

— Я бы не стала откладывать на потом, а впрочем, дело твое.

— Спасибо, — говорю я. — Я подумаю.

Ложь. Все, что мог, я уже обдумал. Как и сказал Берк, глазные импланты напрямую подсоединены к зрительным нервам, а те взаимодействуют еще с полудюжиной участков мозга. Нельзя просто взять и вытащить один имплант, после чего вставить другой. Любому, у кого глючат очки, предстоит долгая и сложная микрохирургическая операция по их замене.

Почему-то мне не кажется, что на меня станут тратить столько усилий. Проще подарить расходнику еще одну поездку в бак.

Мы дошли до центральной лестницы. Я ставлю ногу на первую ступеньку и оглядываюсь. Кошка не идет за мной.

— У меня смена заканчивается только через три часа, — объясняет она. — Амундсен разрешил убедиться, что с тобой все в порядке, но теперь я должна вернуться.

— Вот как, — говорю я. — А я им еще нужен?

Кошка одаривает меня полуулыбкой.

— После всего, что произошло? Нет. Не сейчас. И, вероятно, снова тебя вызовут не скоро. Служба безопасности не в восторге от парней, которые лишаются чувств во время перестрелки.

Ох ты.

— Я не лишился чувств, — возражаю я. — Произошел какой-то сбой. Я поймал чужую передачу...

Она приподнимает одну бровь:

— Что поймал?

— Чужую проекцию, — бормочу я. — Я увидел...

И тут в голову закрадывается мысль: возможно, не стоит рассказывать Кошке, что именно я увидел, когда упал. Не хочу, чтобы она решила, будто у меня нервный срыв.

И не хочу искать настоящую причину, если никакого нервного срыва у меня нет.

— Сам не знаю, что я видел, — говорю я наконец. — Со мной произошло что-то странное, но это точно был не обморок.

Видно, что Кошке делается неловко.

— Ничего страшного, Микки. Ты не первый, кто запаниковал под огнем.

— Думаешь, я просто испугался?

Она отводит взгляд.

— Неважно, что я думаю. Увидимся позже, Микки.

* * *

Расставшись с Кошкой, я захожу в кафе и съедаю еще одну порцию протеиновой пасты, а потом возвращаюсь к себе. Чем мне еще заняться? Когда я вхожу в отсек, Восьмой сидит на кровати с планшетом на коленях.

— Привет, — говорит он. — Ты рано освободился.

Я падаю на стул и начинаю расшнуровывать ботинки.

— На меня снова напали. И снова я чуть не умер. На этот раз загремел в лазарет. Мне велели пойти домой и передать, что с этого момента пора и тебе приступить к выполнению наших дурацких обязанностей.

Восьмой откладывает планшет в сторону, потягивается и встает.

— Ага. Что ж, раз ты вернулся, тогда пойду поем. Сколько от нашего пайка ты мне оставил?

— Не знаю, — говорю я. — Около девятисот килокалорий? Но это не точно.

— Прекрасно, — отвечает он. — Тогда я доем все.

Я собираюсь возразить, но он уже выходит за дверь.

— Даже не начинай, — роняет он, не оборачиваясь. — Я только из бака.

— Эй, — говорю я ему в спину, — запястье забинтуй, а?

Он поддергивает рукав, чтобы показать кисть. Повязка на месте, но она сползла. Я собираюсь высказать все, что я думаю, но Восьмой перебивает меня, закатив глаза:

— Не волнуйся. Если кто-нибудь спросит, отвечу, что на мне все заживает как на собаке.

Когда он уходит, я забираюсь в кровать и беру планшет. Он читал о мире Эшера. Целых пять секунд я удивляюсь, что он исследует те же материалы, которые интересуют и меня, пока не вспоминаю: он и есть я, в буквальном смысле, и было бы куда удивительнее, если бы он интересовался чем-то другим.

Во всяком случае, он — это я за вычетом последних шести недель. Не знаю почему, но, похоже, уточнение важное.

Я уже размышлял об экспедиции, отправленной с Эшера, и пришел вот к какому выводу: их положение на самом деле не сильно отличалось от нашего. Планета, куда они направлялись, оказалась слишком горячей для жизни. А наша — слишком холодной, ну или почти слишком. Если бы разработчики миссии на Мидгарде добыли точные сведения об уровне кислорода в атмосфере, они бы еще тогда сообразили, что биосфера на Нифльхейме существует на нижнем пределе возможного, но на расстоянии между мирами в семь с лишним световых лет остается довольствоваться теми данными, которые удастся получить.

Я невольно задаюсь вопросом: а что бы мы делали, если бы здешние условия оказались хоть чуточку хуже? Если бы тут было на несколько градусов холоднее и чуть меньше кислорода или в атмосфере обнаружались бы токсичные вещества? Мы привезли с собой оборудование для терраформирования, но это безумно медленный процесс. Я читал о десятках колоний, столкнувшихся с похожими трудностями. Кое-кто пытался перестроиться на ходу, дозаправиться и улететь на другую планету. Иные оставались в корабле на орбите, сбросив вниз терраформирующее оборудование, и просто ждали, пока оно сделает свое дело.

Были и такие — например, ребята из мира Эшера, — кто прекратил борьбу, сдался и умер.

Среди всех прочих, кто не оставил попыток основать новые миры, я мог бы по пальцам одной руки пересчитать тех, кому это удалось. Даже на гостеприимной планете сложно основать колонию. На негостеприимной — практически невозможно.

А что в итоге будет с Нифльхеймом? Думаю, время покажет.

Я как раз размышляю, какое значение может иметь провал нашей миссии — как для всех колонистов, так и для меня лично, — когда слышу писк окуляра.

<КрасныйЯстреб>: Привет, Мик. Слышал, у тебя выдался тяжелый денек. Я освобожусь со смены в 16:00. Не хочешь поужинать вместе? Я угощаю.

Мгновенная мысль: «Черт возьми, да!» — тут же вступает в голову в спор с другой: «Еще неизвестно, чем придется платить за этот ужин!» Прежде чем я успеваю их уговорить и сформулировать ответ, перед глазами выскакивает новое сообщение.

<Микки-8>: Согласен! До встречи, приятель.

Ну уж нет! Я открываю окошко личной переписки.

<Микки-8>: Не борзей, Восьмой. Ужин достанется мне.

<Микки-8>: Немошь после бака, Седьмой. Мне нужна нормальная еда. У нас на карточке еще триста килокалорий. Можешь забрать их себе.

<Микки-8>: Послушай, дружище. Я дважды чуть не умер за последние сутки, и оба раза ты дрых. Если хочешь выяснить отношения, встречаемся у рециклера через двадцать минут, и на этот раз все будет серьезно.

<Микки-8>: Ого. Аж холодом повеяло.

<Микки-8>: Я не шучу, Восьмой. Если не вернешься сюда к 15:45, можешь попрощаться с жизнью.

<Микки-8>: ...

<Микки-8>: Что решил?

<Микки-8>: Ладно, так и быть. Подавись своим шикарным ужином, только не ной. Жду не дождусь, когда тебя снова сожрут ползуны.

— Налетай! — предлагает Берто. — Заказывай все, что пожелаешь, приятель.

Я невольно кошусь на кролика.

— В пределах разумного, конечно, — добавляет он. — Я все-таки не калорийный магнат.

Я оглядываю кафе. Мы пришли к началу ужина, так что пока здесь не слишком многолюдно. Однако за столиком у дверей сидит куча охранников. Один из них встречается со мной взглядом. Он что-то говорит своим друзьям, и все за столом дружно раздражаются смехом.

Отлично. Теперь я расходник, который боится умереть. Я почти уверен, что достиг социального дна, ниже которого, по меркам колонии, упасть невозможно.

— Эй, — окликает меня Берто. — Ты чего завис?

Я поворачиваюсь к стойке раздачи.

— Обозначь предел, — говорю я. — А то я готов смести все, что вижу.

Берто тоже смотрит на стойку и задумчиво чешет в затылке.

— Вот что я тебе скажу. Выбирай на тысячу килокалорий, идет?

Я смотрю на него:

— Тысячу? Ты не шутишь?

— Не-а, — говорит он. — И до этого я был с тобой совершенно искренен. Ты мой лучший друг. Я не должен был тебе лгать. Считай, это мой способ извиниться.

Он по-прежнему лжет, но сейчас мне на это наплевать. Я заказываю картофель, жареных сверчков и маленькую миску салата из помидоров. Это всего семьсот килокалорий, так что я добавляю кружку протеиновой пасты. Не пропадать же добру, верно? Когда мой поднос выдвигается из раздаточного устройства, я вижу, что Берто тоже сделал заказ.

Себе он заказал кролика.

— Берто! — возмущаюсь я. — Какого хрена, дружище?

Он усмехается.

— Ты же не думал, что я стану из-за тебя голодать? Брось, Микки. Мне, конечно, стыдно, но не настолько. Я не склонен к самобичеванию. Просто хочу поделиться своим богатством с ближним.

На двоих у нас выходит две тысячи четыреста килокалорий. Берто показывает окуляр сканеру. Тот мигает зеленым.

— Серьезно, — говорю я, — какого хрена?

Улыбка Берто становится шире.

— Помнишь, я вытащил тебя полетать на флиттере?

О боже, помню ли я.

— Помню, — говорю я. — Такое забудешь!

Его поднос выскакивает из раздачи. Мы забираем еду и направляемся за стол у дальней стены. По дороге я затылком чувствую на себе взгляды парней из службы безопасности.

— Помнишь, мы перелетели через горную гряду примерно в двадцати километрах к югу от купола?

Весь наш полет остался в памяти одним размытым пятном, и я понятия не имею, о чем говорит Берто, но, чтобы не прерывать рассказ, киваю. Мы садимся, и он тут же вгрызается в кроличий окорочок.

— На вершине гребня была скала, — бубнит он с набитым ртом. — Мы пролетели прямо над ней. Припоминаешь?

К этому моменту чушь, которую он несет, уже окончательно меня достает.

— Нет, — говорю я. — Честно говоря, не припоминаю.

Он пожимает плечами.

— Неважно. Представь себе гранитный шип метров тридцать высотой, к которому прислонена еще одна плита, чуть покороче. Расстояние между ними у основания примерно десять метров, а кверху сходит на нет.

— Хорошо, — киваю я. — Наверное, такое я могу себе представить. — На самом деле теперь, после его описания, я вроде бы припоминаю участок, о котором идет речь. Я еще подумал тогда — классное место для боулдеринга^[9].

Пока мы не узнали о ползунах.

— Так вот, — продолжает Берто, — за последние несколько недель я всем уши прожужжал своими рассказами о том, что смогу пролететь сквозь эту щель в скалах. Безумие, правда? Я имею в виду,

что даже если лететь, развернувшись на девяносто градусов, зазор с обеих сторон будет максимум полметра, и входить в поворот придется с запасом в десятую долю секунды, не больше.

— Да, — соглашаюсь я. — И впрямь безумная затея. И что было дальше?

— А дальше, — говорит Берто, — все согласились с тем, что это настоящее безумие. И тогда я начал принимать ставки.

Он прерывается, чтобы откусить кусок мяса, но я не нуждаюсь в том, чтобы он закончил свою мысль.

— Так ты это сделал?

— Ага, — говорит он с самодовольной ухмылкой, которой я не видел на его лице, кажется, с тех самых пор, как он выиграл треклятый турнир по погболу. — Сделал. И собрал на ставках три тысячи килокалорий. Неплохо, правда?

— Ты... — начинаю я и замолкаю, чтобы собраться с мыслями. — Берто, ты мог погибнуть.

— Мог, — кивает он. — Но не погиб.

Я кладу вилку рядом с подносом, и руки сами собой сжимаются в кулаки.

— Ты рисковал жизнью. Ты рисковал своей чертовой жизнью ради двухдневного пайка!

Самодовольная ухмылка линяет с лица моего товарища.

— Эй, — ворчит он, — полегче, приятель. Не нужно преувеличивать.

— Я преувеличиваю? Ты рисковал жизнью ради каких-то несчастных калорий, Берто! А ради меня ты на такой риск не пошел... черт бы тебя подрал.

У Берто отвисает челюсть. Он смотрит на меня. Я — на него.

Тут я понимаю, что, кажется, сболтнул лишнее, обмолвился о том, чего, по его представлению, никак не мог знать... или все-таки мог? Господи, я не в силах упомянуть даже своего вранья, где уж мне уследить за ложью Берто!

— Микки, — произносит Берто. — Ты сейчас о чем?

Я беспомощно открываю и закрываю рот, как рыба, вытащенная из воды.

— Ты же только что из бака, — продолжает он. — Или я что-то путаю, Микки?

Я отворачиваюсь. Один из охранников уставился на нас.

— Да, Берто. Так и есть, ты же знаешь.

— Я считал, что знаю, — говорит Берто. — Но, должен признаться, ты меня удивил.

Я тыкаю вилкой в картофелину, кладу в рот и жую. Это первая твердая пища за два дня. Досадно, что я даже не могу по-настоящему ею насладиться.

В следующие пять секунд я пять раз решаю во всем признаться и столько же раз передумываю. Когда я снова смотрю на Берто, он медленно жует и рассматривает меня с прищуром. Я представляю, как говорю ему: «Я не умер. Ты бросил меня в той долбаной расщелине, но я не умер». А когда он откусывает очередной кусок кролика, мысленно добавляю: «Может, следовало предложить тебе двухдневный паек, чтобы ты за мной вернулся, а?» Я собираюсь с духом, чтобы вывалить ему все это, но тут охранник, наблюдавший за нами издали, встает из-за стола и направляется к нам.

Этот парень мне смутно знаком. Его зовут Даррен. Для колониста он крупноват: ростом почти с Берто и на вид килограммов на десять тяжелее, с остриженными под машинку темными волосами и нелепой курчавой бородкой, пучком растущей только на подбородке. Он не дурак — дураков в экспедицию не брали, — но всегда поражал меня поведением, которое демонстрируют только очень глупые люди, стоит им обрести хоть немного власти. Он останавливается в двух шагах позади Берто, скрещивает руки на груди и наклоняет голову набок.

— Здравствуйте, джентльмены, — говорит Даррен. — Смотрю, вы сегодня наслаждаетесь нашими рационами?

Берто оборачивается, чтобы взглянуть на него, подносит ко рту кроличий окорок и нарочно медленно откусывает.

— Ага, — отвечает он с набитым ртом. — По полной программе.

Лицо Даррена искажается.

— Ты мерзавец, Гомес. Ты мог сегодня утром угробить и себя, и наш единственный рабочий флиттер.

Берто пожимает плечами, поворачивается ко мне и отгрызает еще кусок.

— Без меня флиттер в любом случае бесполезен. Нэша не летает на аппаратах без генератора гравитации. — Он прожевывает, глотает и вытирает рот рукавом. — И кстати, если тебя так сильно заботит

сохранность имущества колонии, почему ты участвовал в ставках? Я бы не полетел, если бы вы на меня не поставили. — Он усмехается и заговорщицки подмигивает мне: — Впрочем, кого я обманываю? Конечно, полетел бы. Здесь скука смертная, а это был настоящий экстрим!

Экстрим. Кто бы сомневался. Я с такой силой стискиваю челюсть, что, кажется, у меня сейчас раскрошатся зубы. Даррен переводит взгляд на меня:

— А ты чего набычился, Барнс?

Я боюсь не совладать с голосом, поэтому молчу. Даррен хмуро сдвигает брови и делает полшага вперед.

— Я не шучу, — говорит он. — Если тебе есть что сказать, говори. Если нет, тогда сотри это выражение с лица.

— Отвали! — бросает Берто. — У Микки выдалась пара непростых дней.

— Да-да, — кивает Даррен. — Как же, наслышан. Вчера он позволил погибнуть двум нашим товарищам, а сегодня вырубился посреди боя и вынудил Чен спасти его задницу во второй раз за сутки. Сочувствую, чувак.

Берто аккуратно кладет кроличью кость на поднос и упирается обеими руками в стол. Он больше не ухмыляется.

— Отойди, Даррен.

— Отсоси, Гомес. Я только что съел на ужин поганую пасту из рециклера, и я не в настроении...

Тут он умолкает, потому что поступает крайне опрометчиво, пихнув Берто в затылок. Как я уже говорил, Даррен — крупный парень, охранник из службы безопасности. Наверняка он привык, что подобное поведение сходит ему с рук.

Но Берто, насколько мне известно, такого поведения никогда и никому не прощает.

Одним неуловимым движением он отталкивается от стола, крутнувшись на ноге, и одновременно, разворачиваясь как пружина, отталкивает скамейку, которая бьет Даррена по голням.

Не случайно Берто так хорош в погболе. Для нескладного и долговязого парня, каким он кажется со стороны, двигается он нечеловечески быстро. Даррен не успевает даже поднять руки, а кулак Берто уже врезается в левую половину его лица и сбивает с ног.

В этот момент обычная школьная заварушка перерастает в бойню.

Я выскакиваю из-за стола. Даррен пытается встать на ноги. Ему удается подняться на одно колено, но Берто ставит ногу ему на плечо и пинает обратно. Не успевает он опустить ногу, как на него налетает другой охранник, ужинавший с Дарреном, и с разбегу толкает Берто лицом на столешницу. От удара стол проезжает по полу полметра и чуть не сносит меня, я едва успеваю отпрыгнуть назад. Берто пытается освободиться, но на нем повисают еще двое: первый пригибает его за шею, стараясь повалить на пол, второй выворачивает руки за спину. Я хватаю первого за плечо здоровой рукой, но тут кто-то третий дергает меня сзади за шкирку, отрывает от пола, с размаху швыряет лицом вниз, падает сверху и вжимает колено между лопаток. Последнее, что я чувствую, — зубцы электрошокера, прижатые к моему загривку.

* * *

— Объяснитесь.

Я искоса смотрю на Берто. Он сверлит взглядом пятно на стене над головой Маршалла. После пяти секунд неловкого молчания я говорю:

— Произошло недоразумение, сэр.

Командор прикрывает глаза и с видимым усилием расслабляет челюсть. Когда он снова открывает глаза, они узкие, как бойницы.

— Недоразумение, — повторяет он. — Именно так вы бы охарактеризовали события этого дня, мистер Гомес?

— Нет, сэр, — отвечает Берто. — По-моему, все участники полностью отдавали себе отчет в происходящем.

— Ясно, — говорит Маршалл. — И что именно все так отчетливо понимали?

Берто с трудом сдерживается, чтобы не улыбнуться.

— В первую очередь участвовавшие офицеры службы безопасности были расстроены тем, что изначально неверно оценили ситуацию, и один из них сорвался и решил выместить зло на ни в чем не повинном человеке: первом, кто подвернулся под горячую руку.

— Ясно, — кивает Маршалл. — Следовательно, мистер Дрейк напал на вас? Как же так вышло, что именно он попал в лазарет с

трещиной в скуловой кости, тогда как вы, по-видимому, совершенно не пострадали?

Берто пожимает плечами.

— Я сказал, что он напал на меня. Я не сказал, что его нападение увенчалось успехом.

Маршалл еще больше хмурится и поворачивается ко мне:

— Вы согласны с тем, как Гомес характеризует инцидент, мистер Барнс?

— В общих чертах, — говорю я. — Даррен сам подошел к нам. Мы даже не смотрели в его сторону. Он явно был сильно расстроен, поскольку ему пришлось ужинать протеиновой пастой, и мне показалось, что он хочет затеять со мной ссору. Когда дело дошло до рукоприкладства, он, похоже, немного удивился, хотя чему тут удивляться. В конце концов, он первым поднял руку на Берто.

Лицо Маршалла искажает гримаса отвращения, как будто он наелся собачьего дерьма.

— Что ж, прекрасно. Я хотел бы наказать вас за это происшествие по всей строгости, тем более что вы попадаете ко мне в кабинет уже второй раз за последние сутки. Однако, к моему сожалению, запись с камер видеонаблюдения по большей части подтверждает ваш рассказ. Дрейк явно подошел к вам по собственному почину и как минимум дотронулся до Гомеса, прежде чем был нокаутирован. Честно говоря, я ожидал большего от нашей службы безопасности. — Командор не уточняет, имел ли он в виду рассудительность или лучшие навыки кулачного боя. Вместо этого он откидывается на спинку кресла и скрещивает руки на груди. — Только одно мне непонятно. Почему Дрейк ел протеиновую пасту из рециклера, а вы двое, можно сказать, пировали? Если мне не изменяет память, вчера я урезал рационы вам обоим, а охранникам сейчас полагается две тысячи килокалорий в день. — Он задумчиво гладит подбородок. — Но даже если забыть про пайки, с какой стати Дрейк набросился с обвинениями именно на вас?

Берто бросает на меня быстрый взгляд, но я понятия не имею, как нам выкрутиться из этого положения.

— Трудно сказать, сэр, — говорит Берто. — Может, он израсходовал свои калории, плотно позавтракав?

— Понятно, — кивает Маршалл. — Значит, эта запись не имеет к случившемуся никакого отношения?

Он дотрагивается до планшета, лежащего на столе, и у меня в окуляре всплывает видеоролик. Я моргаю, чтобы включить проигрывание. Изображение зернистое, снято издалека: флиттер Берто ныряет к нагромождению скал на заснеженном горном гребне. Скальная формация выглядит точно так, как я ее запомнил: две плиты, растущие из поля валунов, образуют узкий треугольник. С этого ракурса кажется, что флиттер не сможет проскочить в зазор, и хотя я уже знаю, чем кончилось дело, в животе у меня холодеет. Берто поднимается примерно на сотню метров, подстраивает высоту, а затем в последнюю секунду бросает флиттер в брешь между камнями, даже не поцарапав краску.

— Ох, — выдыхает Берто. — Вы это засняли?

— Да, — говорит Маршалл, — мы это засняли. В настоящий момент колония находится в состоянии повышенной боевой готовности, Гомес. Мы теряем людей, и лишних колонистов у нас нет. Вследствие чего мы внимательно следим за обстановкой. Мало что может укрыться от наших глаз. Учитывая, что вы были в курсе, как скверно обстоят у нас дела и с человеческими, и с материальными ресурсами, потрудитесь объяснить, почему вы посчитали возможным рискнуть не только собственной жизнью, но и, что не менее важно, двумя тысячами килограммов незаменимого металла и электроники — и все ради нелепой ребяческой выходки, ради какого-то трюка.

Берто молчит, уставившись в стену. Маршалл не сводит с него глаз, по моим ощущениям, целую вечность.

— Хорошо, — наконец говорит командор. — Как вы уже догадались, мне известно о том, что вы принимали ставки. Вряд ли есть смысл объяснять все правила, которые вы нарушили за последние два дня, потому что вам явно наплевать. — Он наклоняется вперед, упирается локтями в стол и вздыхает. — На данный момент я не знаю, что мне с вами делать, Гомес. Высечь я вас не могу, хотя, если честно, это меньшее, чего вы заслуживаете. Однако, согласно уставу Альянса, порка, к сожалению, не является утвержденным методом дисциплинарного воздействия, поскольку не отвечает гуманистическим принципам. — Он делает паузу и поворачивается ко мне: — Может, у вас, Барнс, есть какие-то соображения на этот счет?

Я оглядываюсь на Берто и честно смотрю в глаза Маршаллу:

— У меня, сэр? Нет, сэр.

Командор снова вздыхает и откидывается на спинку кресла.

— Учитывая мои ограниченные возможности, полагаю, мне только остается увеличить вашу рабочую нагрузку и сократить рационы. Следующие пять дней, Гомес, будете выходить на смены за себя и за Аджайю. По крайней мере, это убережет вас от неприятностей. Кроме того, я урезаю ваш рацион еще на десять процентов. Думаю, проблем не возникнет: у вас в любом случае не будет времени поесть. И наконец, я блокирую возможность принимать переводы от всего персонала на тот случай, если у вас возникнут новые гениальные идеи, как обмануть своих товарищей-колонистов.

— Сэр, — начинает Берто, но Маршалл обрывает его на полуслове:

— Не падайте духом, Гомес. Как я уже сказал, это меньшее из того, чего вы заслуживаете. Но если будете упорствовать, то можете сподвигнуть меня на рассмотрение более радикальных способов решения проблемы, которую в настоящий момент собой представляете.

У Берто упрямый вид человека, которому есть что возразить, но после недолгой борьбы с самим собой он сглатывает, снова упирается взглядом в стену за головой командора и выдавливает:

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

— Отлично, — говорит Маршалл. — Можете идти. — Когда мы встаем и поворачиваемся, чтобы уйти, он говорит мне в спину: — Кстати, Барнс. Не знаю, какова была степень вашего участия в данном инциденте, но предполагаю, что вы так или иначе к нему причастны, вследствие чего я уменьшаю и ваш рацион на пять процентов.

Я снова поворачиваюсь к нему:

— Что? Нет!

— Десять процентов, — говорит Маршалл. Когда я снова открываю рот, он спрашивает: — Хотите, чтобы они превратились в пятнадцать?

Челюсть у меня захлопывается с громким щелчком.

— Нет, сэр, — говорю я. — Спасибо, сэр.

— Еще десять процентов? Да ты издеваешься, Седьмой! Как ты мог меня так подставить?

— Во-первых, — говорю я, — не тебя, а нас. А во-вторых, я не виноват. Хочешь поругаться — иди наори на Берто. Это он лишил половину службы безопасности пайков, а потом еще и вырубил одного из них в кафетерии.

Восьмой падает на кровать и закрывает лицо руками.

— Я больше не могу, Седьмой. Так я никогда не оправлюсь после регенерации. Ты же знаешь, что мое новое тело до сих пор не получило ни куска нормальной еды, неужели ты не понимаешь? С момента пробуждения и до той самой минуты, когда я засыпаю, все мои мысли только о еде. И теперь у нас осталось по семьсот двадцать килокалорий на брата? Я не смогу. Просто не выдержу.

— Мне очень жаль, — говорю я. — Поверь, я понимаю твое состояние, но, прости, тут ничего не поделаешь. Если мы не хотим вернуться к варианту с люком для трупов, придется как-то приспособливаться.

Он поворачивается на бок и смотрит на меня снизу вверх:

— Врать не стану, Седьмой. Вариант с люком для трупов кажется мне все более и более привлекательным.

Я сажусь на стул, снимаю ботинки, вытягиваю ноги и кладу их на кровать рядом с ним.

— Возможно, тем все и кончится, дружище, но пока дело до этого не дошло, вот что я тебе скажу: сегодня доедай все, что осталось на нашем счету, а завтра... могу выделить девятьсот. Такой расклад тебя устроит?

Он стонет.

— Послушай, — говорю я, — после этого у меня останется пятьсот сорок килокалорий на следующие тридцать шесть часов, и я даже не успел доесть свою порцию, когда Берто затеял драку. Я понимаю, что ты сейчас на пределе, но и для меня это тоже не пикник.

Восьмой вздыхает и снова плюхается на спину.

— Я знаю, — говорит он, глядя в потолок, — знаю, что ты тоже страдаешь, и ценю твое предложение. Ты хороший парень, Седьмой. И мне будет очень стыдно, когда я в итоге задушю тебя во сне и съем твой труп.

Я не успеваю придумать ответ, потому что у меня пищит окуляр.

<ЧерныйШершень>: Привет. Ты не на работе?

Я начинаю набирать ответ, но Восьмой меня опережает.

<Микки-8>: Нет. Думал, ты сегодня на вылетах.

<ЧерныйШершень>: Была, уже освободилась. По какой-то неясной причине следующие несколько дней в мои смены будет заступать Берто, так что я свободна до поступления новых распоряжений. Хочешь потусить?

<Микки-8>: Еще бы!

<ЧерныйШершень>: Мило. Встречаемся через десять минут.

— Извини, — говорит Восьмой, — но тебе придется уйти.

— Погоди-ка! — закипаю я, но он меня перебивает:

— Нет, Седьмой. Даже не начинай. Я в этом нуждаюсь. Нуждаюсь, понимаешь? Я, конечно, пошутил, будто готов задушить тебя во сне, но если ты сейчас начнешь со мной спорить, клянусь, я тебя прикончу.

Закипающая во мне ярость совершенно несоразмерна его словам, и я это понимаю.

Понимаю, но мне плевать.

— Послушай, ты, чертов младенец-переросток, — цежу я сквозь зубы. — Понимаю, тебе нелегко, но это уже переходит всякие границы! Я два дня работал в опасных условиях, пока ты здесь отсыпался, а потом я как лох, исключительно по доброте душевной, согласился отдать тебе три четверти нашего пайка на следующие два дня. Да, ты только что выбрался из резервуара, понимаю, ты голоден. Но ведь и я тоже голоден, а еще меня сегодня чуть не убили, и прости, но я не помню такого побочного эффекта после бака, как резкое усиление полового влечения. Так что, если намереваешься продолжать в том же духе, лучше прямо сейчас вдвоем отправимся к Маршаллу и уладим вопрос раз и навсегда.

Он таращится на меня с отвисшей челюстью.

— Подожди, — наконец говорит он, — о чем речь? Ты решил, что я назначил встречу ради секса?

Это меня отрезвляет.

— Ну да...

Застонав, он садится на кровати и трет лицо обеими руками.

— Господи, Седьмой! Вот кому я только что рассказывал, что умираю от голода? Думаешь, у меня сейчас есть силы на секс? Дурак ты несчастный. Когда придет Нэша, я не буду уламывать ее снять комбинезон, а попытаюсь раскрутить на ужин. Ты свой получил от Берто, даже если по какой-то причине не успел его съесть. Так позволь и мне попытаться.

Я мгновенно остываю и бормочу:

— Ох, прости.

— Прощаю. И?

Я смотрю на него, он на меня. Не выдержав, Восьмой закатывает глаза и указывает на дверь.

— Ладно, — говорю я.

Надеваю ботинки и ухожу.

* * *

Вот вам забавная история о голоде. Надеюсь, всем известно, что Эдем был первой земной колонией. Первой планетой, которую Старая Земля успешно заразила своими детьми. Однако не все знают, что экспедиция, завершившаяся основанием колонии на Эдеме, на самом деле была второй.

Первая, на корабле под названием «Чжэн Ши», была отправлена на сорок лет раньше, примерно через двадцать лет после окончания Войны пузырей. Эта миссия была первой отчаянной попыткой нашего вида вырваться за пределы собственной гелиопаузы — и, как подавляющее большинство первых попыток в чем бы то ни было, она не увенчалась успехом. На корабле не было рециклера, его двигатели работали далеко не так эффективно, как наши, а от Земли до Эдема — огромное расстояние даже по современным меркам. Будущие колонисты на «Чжэн Ши» рассчитывали, что проведут в пути двадцать один год и все это время будут обеспечивать себя за счет судового сельского хозяйства.

Учитывая предстоящие трудности, примитивное состояние технологической базы и прискорбное незнание того, что межзвездная среда может сотворить с человеком на релятивистских скоростях, их результаты на самом деле впечатляют. Они летели уже почти двенадцать лет, когда урожаи начали падать. Насколько можно судить по переданным с борта сообщениям, никто так толком ничего и не понял. Лучшее предположение, прочитанное мной в отчете, заключалось в том, что растения страдали от кумулятивного радиационного повреждения, которое усугублялось в течение нескольких поколений, пока накопленные мутации не перевесили жизнеспособность. Генераторы силового поля «Чжэн Ши» были куда слабее наших, а сельскохозяйственный отдел располагался в передней трети корабля: очевидно, разработчики в первую очередь озаботились защитой людей, поэтому бедные растения постоянно подвергались мощной бомбардировке космическими частицами.

Разница между катастрофами в межзвездном пространстве заключается лишь в том, что одни происходят внезапно, а другие постепенно. Но, быстро или медленно, вы все равно умрете. «Чжэн Ши» умирал медленно. К чести участников экспедиции, чтобы следующая миссия не повторила тех же ошибок, они продолжали документировать весь процесс, даже когда стало ясно, что положение совершенно безнадежно. Они протянули почти год, постепенно сокращая пайки. Когда стало очевидно, что и этого недостаточно, командир миссии объявила постоянный набор добровольцев, готовых перейти из категории потребителей калорий в источник калорий для других.

Голод мучителен. Поэтому, как ни странно, на ее призыв откликнулось немало желающих.

Прошло еще три года, прежде чем командир корабля признала очевидный факт: даже если сократить команду до минимума, необходимого для поддержания корабля в рабочем состоянии, и даже если оставшиеся члены экипажа справятся с выращиванием сохраненных эмбрионов в конце путешествия, им все равно не долететь. Сельскохозяйственный отдел к тому времени почти ничего не производил, а ведь растения не только обеспечивали будущих колонистов пищей, но и поглощали излишки углекислого газа из атмосферы, выделяя при этом кислород, так что дела разваливались на

нескольких уровнях. До Эдема оставалось лететь четыре года, когда последние двенадцать участников экспедиции заглушили двигатель корабля, разделись до нижнего белья и шагнули из главного шлюза в открытый космос.

«Чжэн Ши» все еще дрейфует где-то в космической пустоте на скорости 0,6 с, близкой к скорости космических частиц, — наверное, как и тела последних двенадцати несостоявшихся колонистов. Иногда я думаю, что однажды кто-нибудь увидит, как они проносятся мимо, и спросит себя: «Куда эти люди бежали в такой спешке, что не успели даже одеться?»

* * *

Когда вас выгоняют из жилого отсека, а сам отсек находится в крысиной клетке в виде купола, построенного на планете с ядовитой атмосферой и враждебной местной фауной, основная проблема состоит в том, что пойти совершенно некуда. У нас нет театров. Нет кофеен, парков, площадей, променадов. Есть только рабочие места, большинство из которых варьируется от просто неприятных (помещение для очистки сточных вод) до откровенно негостеприимных (караулка охранников). Сельскохозяйственный отдел мог бы стать неплохим выбором, если вы не впадаете в депрессию при виде чахлых растений, но я имею право явиться туда на законных основаниях только в те дни, когда мне дают разнарядку, так что он тоже не годится.

Поскольку других вариантов нет, я отправляюсь в столовую.

Время ужина заканчивается, поэтому я не ожидаю застать в кафетерии толпу народа, но на самом деле людей там оказывается еще меньше, чем я думал. За столом у дальней стены сидит компания, на четверых у них два подноса с картошкой, а в углу напротив парень из биологического отдела, с которым я немного знаком, в одиночестве прихлебывает смузи, уткнувшись в планшет. Его зовут Хайсмит, он в некотором роде любитель истории. Однажды у меня с ним вышел занятный разговор, в котором мы проводили параллели между Диаспорой и первоначальным расселением людей из Африки на

другие территории Старой Земли. Большинство его суждений были ошибочными, но я отлично провел время, объясняя, почему он не прав.

Я буквально на секунду задумываюсь, не навязать ли биологу свое общество, но тут же вспоминаю, что моя продуктовая карточка обнулена, а подсесть без еды к человеку в столовой и попытаться завязать разговор попросту некрасиво. Поэтому я сажусь на скамейку за столом прямо у входа, как можно дальше от Хайсмита и всех остальных, достаю планшет и ищу, что бы мне почитать.

Полистав список статей в течение десяти минут и так ничем и не вдохновившись, я наконец решаю не изменять своим старомодным пристрастиям и открываю рассказ о том, как викингам Старой Земли не удалось завоевать Гренландию. Их ситуация, как выясняется, не сильно отличалась от нашей. Они пытались насадить высокоразвитое общество в холодном, неприветливом месте, где ведение традиционного сельского хозяйства было невозможно, и при этом постоянно воевали с враждебно настроенным местным населением. Полагаю, их вождь был придурком.

В конце концов они умерли от голода.

Последний абзац возвращает меня к Восьмому, который валяется на нашей кровати и стонет, что переваривает собственную печень, и к Нэше, которая, вероятно, поднимается к нему, ожидая веселья, а вместо этого Восьмой в роли меня самого постарается раскрутить ее на еду.

На еду. И куда они для этого пойдут?

Я вскакиваю, прежде чем мысль успевает сформироваться до конца. Хайсмит отрывает взгляд от планшета, скамейка позади меня переворачивается и падает, а я бегу к двери. Сколько времени прошло? И сколько времени займет у Восьмого, чтобы уломать Нэшу пойти в кафетерий? Через сколько минут они будут здесь? Я не знаю точного ответа ни на один из этих вопросов, но, боюсь, договорятся они быстро. Я вызываю Восьмого.

<Микки-8>: Ты где?

<Микки-8>: Иду в столовую. А что?

<Микки-8>: Где ты конкретно?

<Микки-8>: Внизу главной лестницы. Какого черта, Седьмой?

Через десять секунд они покажутся из-за угла.

Может, еще скорее.

Ничего. Время еще есть. Мне даже не нужно бежать, просто быстрым шагом пройти по коридору до следующего перекрестка и повернуть. Сделав это, я прислоняюсь к стене, глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю. Что было бы, если бы я вовремя не спохватился? Что случилось бы, если бы Нэша и Восьмой, войдя в кафетерий, увидели, как я читаю с планшета?

И кстати, что подумает Хайсмит, когда заметит, как я появляюсь в столовой спустя двадцать секунд после поспешного бегства, да еще и с Нэшей под ручку?

О, нет! С Нэшей и в другой рубашке. Надеюсь, Хайсмит не слишком наблюдателен.

Лучше не думать об этом. А самое главное: куда мне теперь пойти?

К себе в отсек я вернуться не могу. Логично предположить, что парочка отправится туда, как только Восьмому удастся заморить червячка.

Я почти решаюсь пойти в отсек Нэши. Она делит ее с женщиной из сельскохозяйственного отдела по имени Труди. Труди милая. Она, вероятно, разрешила бы мне остаться, если бы я соврал, что жду Нэшу, — та все равно рано или поздно вернется к себе... и очень удивится, как у меня получилось прибежать туда быстрее нее и какого черта я там забыл.

Да, провальный план. На мое счастье, под куполом есть еще одно общественное пространство. И там почти всегда никого нет.

Тяжело вздохнув, я расправляю плечи и иду в спортзал.

* * *

Тренажерный зал не входит в стандартную комплектацию первооткрывательских колоний. Наличие его на Нифльхейме свидетельствует о непоколебимой вере Иеронима Маршалла, что хорошая физическая подготовка является неотъемлемым компонентом морально-этического облика колониста.

А поскольку это единственное место под куполом, которое гарантированно пусто в любое время дня и ночи, нетрудно предположить: несмотря на любые убеждения Иеронима Маршалла,

физические упражнения — последнее, чем займется колонист, сидящий на полуголодном пайке.

Если честно, я даже не знаю, где находится спортзал. Мне приходится вывести на окуляр карту купола, чтобы сориентироваться. Оказывается, это прямо по коридору от рециклера, что в данный момент вызывает у меня странное удовлетворение.

Я выбираю длинный маршрут: иду по одному из радиальных коридоров к внешнему кольцу, затем по окружности обхожу половину купола и только после этого сворачиваю обратно к центру. Думаю, так у меня меньше шансов встретить тех, кто идет в кафетерий или на смену в сельскохозяйственный отдел. И все равно навстречу мне попадает человек пять, и все они, похоже, смотрят на меня как-то странно. Паранойя? Может быть — или они только что видели Восьмого с Нэшей и догадались, в чем фокус, а как только я скроюсь из виду, побегут докладывать в службу безопасности.

Не прошло и двух дней, а ситуация уже выходит из-под контроля.

Добравшись наконец до спортзала, я врываюсь внутрь, будто за мной гонятся. Захлопнув дверь, закрываю глаза и прислоняюсь лбом к прохладной пластиковой поверхности.

— Проблемы?

Я резко оборачиваюсь; сердце колотится так, будто готово выскочить из груди, и на мгновение мне кажется, что я сейчас помру. Тренажерный зал совсем маленький: ряд беговых дорожек, стойка для подтягиваний и полдюжины гантелей на пространстве всего в два-три раза больше моего отсека.

И здесь кто-то есть.

На одной из беговых дорожек стоит женщина. Она развернулась ко мне лицом, поставив ступни на боковины, и резиновая лента крутится вхолостую.

До меня не сразу доходит, что это Кошка.

Мы смотрим друг на друга. Она останавливает беговую дорожку, шагает на пол и скрещивает руки на груди.

— Что ты здесь делаешь? — наконец спрашиваю я.

Она закатывает глаза.

— А тебе не кажется, что это я должна задать такой вопрос?

Я закрываю глаза и дышу, пока пульс не возвращается к норме. Когда я снова открываю глаза, выражение замешательства на лице

Кошки сменяется беспокойством.

— Прости, — говорю я, в три шага пересекаю зал, разворачиваюсь и сажусь на последнюю в ряду беговую дорожку. — День какой-то странный.

— Ничего, — кивает Кошка. — Понимаю. Не хочешь еще разок показаться врачу? Вид у тебя сейчас слегка безумный.

— Нет, — отвечаю я, пожалуй, чуточку поспешно. — Нет. Все в порядке. Я просто хотел побыть один... не ожидал тебя увидеть и испугался. Мне и в голову не могло прийти, что кто-то действительно ходит сюда заниматься.

Она улыбается, опускает руки и подходит ко мне.

— Тоже верно.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Кошку. Волосы собраны в высокий хвост, на ней обтягивающее серое термобелье, которое надевают под броню. Как ни странно, такой наряд ей даже идет. Похоже, она нисколько не вспотела, поэтому вряд ли находится в зале давно.

— Серьезно, — говорю я, — что ты здесь делаешь? Ты же в курсе, что калории у нас и так в дефиците?

— Конечно, — отвечает она. — Я в курсе.

— И?

Она вздыхает.

— Джиллиан Бранч была моей соседкой по отсеку.

— Ясно, — говорю я. — А кто это?

Кошка бросает на меня резкий сердитый взгляд:

— Для вас мы все на одно лицо, просто безымянные охранники?

Я отшатываюсь, выставив перед собой ладони в знак капитуляции:

— Вообще нет! Ты тут вообще ни при чем. Дело во мне. Я почти ни с кем не общаюсь, Кошка. Многие здесь считают меня мерзостью пред Господом, понимаешь? А те, кто все-таки пытается со мной поговорить, зачастую лишь мечтают разыграть с моим участием какую-нибудь дикую фетиш-фантазию. Вот я и предпочитаю по большей части держаться особняком.

— Ясно, — говорит она. — Ты об охотницах за привидениями?

— Да, — говорю я. — А ты случайно не...

Она недобро прищуривается:

— О чем это ты?

— Извини, — говорю я. — Просто...

— Если ты спрашиваешь, не унитарий ли я, то я тебе уже говорила, что нет.

— Верно, — вспоминаю я. — И слава богу. Берто не раз говорил, что было бы круто стать для кого-нибудь фетишем, но я так не считаю.

Выражение ее лица смягчается, и я опускаю руки.

— Да, — кивает Кошка, — согласна. Возможно, ты не заметил, но мы с Мэгги Лин — единственные женщины на Нифльхейме с эпикантальными складками века. Так что я понимаю, о чем ты говоришь, сама с таким столкнулась. — Она усмехается. — Вот что я тебе скажу: я не стану тебя объективировать, если ты тоже не станешь относиться ко мне как к неодушевленному предмету.

Я протягиваю ей руку:

— Заметано.

Мы скрепляем уговор рукопожатием. Ее улыбка ненадолго становится шире, но сразу же гаснет, едва Кошка отпускает мою руку.

— В общем, — говорит она, — Джиллиан была вчера с нами во время вылазки.

— Ох, черт. Точно. Значит, вот кто такая Джиллиан.

Кошка кивает и отводит взгляд.

— Слушай, прости, — говорю я. — Прости, пожалуйста. Но после ее гибели ты не выглядела... я хочу сказать...

— Я не хочу раздувать из мухи слона, — замечает Кошка. — Мы с Джиллиан не были лучшими подругами. Делить ограниченное пространство с другим человеком — не самое легкое испытание. Если честно, большую часть времени мы не слишком хорошо ладили.

— И тем не менее...

— Ага, — соглашается она, — и все равно. Я вернулась сегодня к себе после смены и поняла, что просто...

— Не можешь там находиться?

Она трет лицо обеими руками.

— Точно. Не могу. — Она издает сдавленный смешок, закрывает лицо ладонями, и смех переходит в рыдание. — Казалось бы, я должна прыгать от счастья, что теперь отсек принадлежит мне одной, правда?

Я тянусь, чтобы погладить ее по руке. Кошка поднимает голову, смотрит на меня, а затем садится рядом на беговую дорожку, и мы

соприкасаемся бедрами. Я обнимаю ее за плечи, и она склоняет голову мне на грудь.

— Мне ужасно стыдно, — признает она. — Ты пришел сюда не для того, чтобы побыть моим психотерапевтом и утирать мне сопли. — Она выпрямляется и поворачивается ко мне: — А кстати, зачем ты пришел сюда на самом деле? У тебя же отдельная комната? Если ты хотел уединения, почему просто не отправился к себе?

— Хороший вопрос, — говорю я.

Она гипнотизирует меня взглядом. Я смотрю ей в глаза. Она открывает рот, чтобы продолжить расспросы.

Не придумав ничего лучшего, я целую ее.

К моему огромному удивлению, она отвечает на поцелуй.

Спустя, как мне кажется, целую вечность, хотя в реальности не прошло и десяти секунд, Кошка отстраняется и бросает на меня долгий оценивающий взгляд.

— Ты сейчас воспринимаешь меня как объект?

— Нет, — говорю я. — А ты?

Она отрицательно мотает головой.

— Можно полюбопытствовать? — спрашивает она. — Как по-твоему, чем сейчас занята Нэша?

Этот вопрос даже лучше предыдущего. И мне совсем не хочется думать, каков ответ.

— Она сейчас с другим, — помедлив, говорю я. — Я здесь еще и по этой причине.

Кошка удивленно приподнимает бровь:

— Неужели? Так у вас что, открытые отношения? По ее вчерашнему поведению мне так не показалось.

Я пожимаю плечами:

— У нас все сложно.

— Ладно, — кивает она, — и насколько сложно? Мне стоит опасаться, что завтра она выпустит мне кишки?

— Нет, — уверяю я. — То есть я не знаю, но вряд ли. В худшем случае скорее меня столкнут в люк для трупов.

Кошка упирает палец в подбородок, изображая глубокую задумчивость.

— А знаешь, — наконец говорит она, — пожалуй, я рискну.

Несколько фактов о Нэше, которые вам следует знать:

- Когда ей было семь лет, два мальчика из их района загнали ее в щель между домом родителей и соседним рестораном. Они повалили ее на землю, задрали рубашку и ощупали, а потом убежали. Об этом она не рассказывала никому, кроме меня.

- Когда ей было девятнадцать, она провела ночь в тюрьме, после того как избила мужчину до потери сознания ножкой барного стула. Эту историю она рассказывает всем подряд.

- У нее на правой щеке появляется ямочка, когда она улыбается.

- Ей нравится, когда ее целуют в шею сзади.

- Трижды она подвергалась риску радиоактивного заражения, когда сидела у моей постели, держа меня за руку и нашептывая глупые слова утешения, пока я умирал.

— Эй, — зовет Кошка, — просыпайся.

Я открываю глаза. Мне нужна минута, чтобы сориентироваться и понять, где я нахожусь. Вчера вечером мы сдвинули кровати Кошки и ее бывшей соседки по комнате, но в итоге мы оба спали на половине Кошки: она, думаю, по привычке, а я из-за смутного ощущения, что проявлю своего рода неуважение, заночевав на кровати недавно умершего человека. Сейчас Кошка приподнялась на локте, ее рука лежит у меня на плече, а лицо почти касается моего.

Для ясности: у нас не было секса.

Поначалу я автоматически предположил, что все идет именно к сексу, когда Кошка попросила меня вернуться в ее отсек вместе с ней. Думаю, и она не исключала такого развития событий, но когда дошло до дела, я не смог отделить чувства к Кошке от мыслей о Нэше и Восьмом, а сама Кошка, если честно, нуждалась не столько в сексе, сколько в живом человеке рядом, который прогонит чудовищ прочь.

Меня это вовсе не обидело. Я понимал, что она чувствует.

— Уже почти девять, — сообщает Кошка. — Тебе никуда не нужно?

Хороший вопрос. Моргнув, я открываю список дневных дежурств. Похоже, сегодня я должен быть на гидропонике, пытаюсь уговорить кучу полумертвых кустов уродить хоть пару помидоров. Фактически, я должен быть там уже час назад. Но поскольку мне не прилетело уведомление о прогуле, Восьмой, видимо, сейчас в теплицах, прищипывает почки и проверяет уровень кислотности почвы.

Похоже, мое дежурство выпадает на дни сражений с ползунами, а его — когда приходит время присматривать за растениями. Надо бы это обсудить.

А пока, насколько я понимаю, весь день в моем полном распоряжении — впервые с момента нашего приземления на Нифльхейме. Следует позаботиться только об одном: убедиться, что в течение дня я нигде не пересекусь с Восьмым и не наткнусь на тех, кто видел его в другом месте.

Задача легче легкого, если бы мы не жили в перевернутой салатнице меньше километра в поперечнике.

— У меня сегодня выходной, — говорю я. — А у тебя?

Она пожимает плечами.

— За последние два дня меня дважды чуть не убили при исполнении. В службе безопасности за такое вроде бы дают освобождение на полсмены. Так что до полудня могу не объявляться.

Я вылезаю из-под ее руки и сажусь, стараясь не опираться на все еще опухшее левое запястье. Кошка перекачивается на бок и встает. Мы оба спали в нижнем белье: серых растянутых футболках и шортах, неравномерно вылинявших от пота и многочисленных стирок. Оно настолько уродливое, что вид Кошки в таком наряде внезапно воспринимается более интимным, чем если бы она была обнаженной.

— Так что? — спрашивает Кошка. — Какие планы?

Я тру лицо и откидываю волосы со лба. Она открывает шкафчик и достает чистую рубашку.

— Не знаю, — говорю я. — Давненько у меня не было выходного.

По правде говоря, единственный мой план — весь день болтаться по куполу в надежде, что я не встречу никого, кто сообразит, что в это же самое время я нахожусь в сельхозотделе, подкармливая из пипетки кусты помидоров, но этого я ей сказать не могу. Кошка натягивает штаны и снова садится на кровать, чтобы надеть ботинки.

— Что ж, — говорит она, — а я планирую поесть. Ты как?

Я усмехаюсь:

— Согласен. Угощаешь?

Она оглядывается через плечо, сощутив глаза.

— Нет, не угощаю, — бросает она. — И просто для сведения: еще раз попробуешь прикоснуться к моей еде — и у тебя будет две искалеченные руки вместо одной.

Нет так нет. Но попытаться стоило.

* * *

В это время коридоры пусты, и те немногие, кто попадает на нас навстречу, не обращают на нас особого внимания. Несколько человек здороваются с Кошкой, но даже они предпочитают смотреть сквозь

меня. Моя работа, особенно после приземления на планету, изолировала меня от людей. Даже те, кто не считает меня бездушным монстром, не хотят связываться с человеком, которому вынесен постоянный смертный приговор, приводимый в исполнение снова и снова.

И на данный момент мне это только на руку.

Тем не менее общаться с людьми, от которых за километр несет вонючими носками, тоже никто не хочет, поэтому по дороге в столовую мы делаем остановку в химическом душе. Когда мы добираемся туда, Кошка окидывает меня непроницаемым взглядом: словно молча интересуется, не желаю ли я разделить с ней душевую кабинку. Я склоняюсь в насмешливом полупоклоне и жестом предлагаю ей войти. Пожав плечами, она заходит в кабинку и закрывает за собой дверь. Когда через несколько минут она возвращается, наступает моя очередь. Я раздеваюсь, обтираюсь и вытряхиваю пыль, а затем снова влезая в грязную одежду: даже если бы я вернулся к себе, Восьмой все равно уже надел мой единственный сменный чистый комплект.

Химический душ напоминает о том, что, хотя я в той или иной степени скучаю по множеству удобств, оставшихся на Мидгарде, горячая вода в их списке занимает чуть ли не верхнюю строчку. Особенно раздражает, что в сугробах за пределами купола воды сколько угодно. Однако коммуникации внутри купола — замкнутая система циркуляции воды и воздуха, снятая с «Драккара» и смонтированная заново, поэтому мы по-прежнему экономим воду, будто до сих пор болтаемся в межзвездной пустыне. И ничего не изменится, пока мы не начнем заниматься местным строительством, а этого не произойдет, пока не будет решен целый ряд других проблем — начиная от выплавки металла и заканчивая ситуацией с ползунами.

Между тем химический душ вполне отвечает целям поддержания личной гигиены и помогает держать тело в чистоте, но никакого удовольствия, конечно, не приносит.

Во всяком случае, когда принимаешь его в одиночку.

Эти размышления наводят меня на мысль о Нэше и Восьмом.

А о них сейчас лучше не думать.

Когда мы подходим к столовой, там почти никого нет: парочка за столиком у противоположной от стойки раздачи стены разговаривает вполголоса, склонившись другу к другу головами, а у двери охранник из службы безопасности в одиночестве поедает целую гору жареных сверчков. Он кивает Кошке, когда мы проходим мимо, а она в ответ грозит ему пальцем. Я подхожу к стойке и сканирую окуляр. Он пищит, и в верхнем левом углу поля зрения появляется мой дневной баланс рациона.

Там написано, что паек уменьшился до шестисот килокалорий. Похоже, Восьмой плотно позавтракал.

И хотел бы на него рассердиться, но не могу. Первые два дня после бака — сущий ад.

Я стою, сложив руки на урчащем животе, и пытаюсь решить, не разориться ли мне на небольшую горку рубленого батата вдобавок к кружке протеиновой пасты, сделав завтрак единственной трапезой за день, когда сзади подходит Кошка и кладет мне руку на плечо.

— Будешь что-нибудь заказывать?

Я хмурюсь и нажимаю на значок дозатора протеиновой пасты.

Кошка улыбается, показывает сканеру окуляр и заказывает рагу из батата с помидорами. У меня текут слюнки, но салат, который я присмотрел, с тем же успехом мог быть говяжьей вырезкой, учитывая, сколько осталось у меня на балансе. Перекосившись от отвращения, я делаю глоток из кружки и доливаю ее, прежде чем отвернуться. Триста килокалорий. Значит, еще триста я могу взять перед сном.

— Не понимаю, как ты это ешь, — говорит Кошка, когда ее поднос выскакивает из раздачи на дальней стороне стойки.

Меня так и подмывает нагрубить, но, передумав, я просто качаю головой:

— Если наши друзья из сельскохозяйственного отдела в ближайшее время не соберутся с мыслями, ты, скорее всего, и сама узнаешь.

Она усмехается. Я забираю свою кружку и ставлю ее на стол посреди зала. Кошка идет за мной.

— Знаешь, — говорю я, когда она садится, — у богатых, конечно, свои причуды, но сейчас ты просто тычешь мне в лицо своим

вычурным выбором блюда.

Она смеется, но как-то неуверенно: не может понять, шучу я или нет.

А я не шучу.

Тем не менее не она виновата в моих проблемах. Я улыбаюсь, и Кошка с видимым облегчением расслабляется.

— Ладно, — перевожу я разговор на другую тему, — расскажи, что сегодня задумала наша служба безопасности? Есть какие-нибудь новости после фиаско с патрулированием периметра?

Она выбирает здоровенный кусок батата, жует и глотает. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не отобрать у нее тарелку.

— Ну, — говорит она, еще не прожевав второй кусок, — Йенсен всерьез озаботился проблемой ползунов. Он составил новое расписание: теперь мы дежури́м двенадцать часов через двенадцать, что само по себе бесит, но мало того: теперь каждый, кто заступает на смену, должен повсюду таскать с собой линейный ускоритель, а они неудобные и тяжелые, и к концу дежурства плечи просто отваливаются. Но есть и плюс: после событий последних двух дней нам велено не соваться за пределы купола, так что, к счастью, больше не нужно бродить снаружи и зарабатывать себе обморожение. — Она прерывается, чтобы проглотить. — С другой стороны, я не понимаю, как он себе представляет использование «эл-у» внутри помещения. Ты хоть представляешь, какой ущерб может нанести выстрел в замкнутом пространстве, когда частицы начнут рикошетить от всего, что попадется на пути? — Она выжидающе смотрит на меня.

Я не сразу соображаю, что для нее вопрос не риторический.

— Гм, — мычу я. — Нет.

— Огромный, — говорит Кошка. — Вот какой.

К этому времени я почти доел пасту. А голод никуда не делся.

— В общем, у меня на сегодня такие развлечения, — подытоживает Кошка. — А ты что собираешься делать? Придумал наконец, как провести выходной?

— О, у меня грандиозные планы, — уверяю я. — Буду болтаться туда-сюда, периодически попивая протеиновый коктейль, и ждать, каким новым способом моего убийства разродится Маршалл. Еще один денек в раю.

Кошка смеется, но смех у нее недобрый. Так смеются над человеком, который забавно грохнулся, поскользнувшись на льду.

— Ну так расскажи, — говорит она, доедая остатки своего завтрака, — каким ветром тебя занесло в расходники?

Я подумываю отговориться очередной чушью о служении и долге, но почему-то мне становится стыдно, и желание соврать Кошке пропадает. Пожав плечами, я говорю ей правду:

— Мне нужно было убраться с Мидгарда. Это был единственный способ.

— Вот оно что, — кивает она. — Понимаю.

Я киваю в ответ, переворачиваю кружку и ловлю ртом остатки пасты.

— Погоди, — говорю я чуть погодя. — Что ты понимаешь?

— Почему ты завербовался, — поясняет Кошка. — Ты же был преступником? Убил кого-то или типа того?

Ну вот опять.

— Нет, — устало говорю я. — Никого я не убивал.

— Ладно. Что тогда? Рэкет? Вооруженное ограбление? Преступления на почве секса?

— Нет на все три вопроса. Я не преступник. Если бы я им был, думаешь, меня бы зачислили в первую экспедицию с Мидгарда для основания новой колонии?

— В качестве расходника? Возможно. В период тренировок я слышала, что кандидата на эту должность собирались назначить принудительно.

— Да, — говорю я, — до меня тоже доходили такие слухи. И тут возникает вопрос о твоей вменяемости, раз уж ты позволила сексуальному маньяку, убийце и вымогателю переночевать у себя дома.

Она усмехается.

— А я и не утверждала, что самая умная.

Я провожу пальцем по внутренней стороне кружки, чтобы собрать прилипшие остатки пасты.

— Обалдеть, — замечает Кошка. — Да тебе и правда нравится эта бурда!

Я морщусь.

— О да. Я ее просто обожаю.

Она начисто выскребает поднос, чтобы подобрать последние кусочки подгоревшего батата.

— Я никогда не считала тебя убийцей, — заявляет она. — Вряд ли в экспедицию отправили бы преступника, хотя бы из нежелания портить генофонд. Однако большинство людей, с которыми я разговаривала, не поверили, что нашелся настоящий доброволец. Трудно представить нормального человека, который просто взял и согласился на такую работу. Джиллиан была уверена, что ты заключенный или другой какой маргинал, а лапшу о том, будто ты сам согласился стать расходником, вешали нам на уши для того, чтобы мы не подвергали тебя остракизму или вроде того.

— Ха, — фыркаю я. — И сработало отлично.

Она возводит глаза к потолку.

— Да ладно, не приbedняйся. У тебя есть друзья. Я видела тебя с Гомесом, да и Нэше ты нравишься. Однако ты все еще не ответил на мой вопрос. О чем ты думал, когда согласился стать официальным манекеном для краш-тестов в нашей колонии?

Теперь я мог бы рассказать ей, что на самом деле привело меня в кабинет Гвен.

Мог бы, но не стану. Возможно, иногда стоит немного приврать, чтобы представить себя в более выгодном свете.

— Как знать? — говорю я. — Может, я идеалист. Может, я искал способ внести посильную лепту в процветание Альянса.

На этот раз Кошка хохочет в голос.

— Ну и как, — спрашивает она, — удалось? — Затем она становится серьезной, смотрит на свой пустой поднос и переводит взгляд на меня: — На самом деле я считаю, что дела у тебя обстоят неплохо. Во всяком случае, лучше, чем у Джиллиан, Роба и Дугана.

Не знаю, к чему она ведет, но по шее у меня почему-то пробегает озноб.

— Я хочу сказать, — говорит она, — что в таком месте, как наша колония, неуязвимость дает свои преимущества.

— Не сказал бы, что я неуязвим, — возражаю я. — Меня постоянно убивают. Для этого и нужен расходник, разве не так?

— И все же, — парирует она, — вот он ты. А где сейчас Джиллиан?

Я не знаю, что на это ответить. В наступившей тишине Кошка, передернувшись от отвращения, опрокидывает в себя порцию рециклерного коктейля, которую взяла в качестве дополнения к основному блюду. Медики говорят, что нам всем следует выпивать хотя бы сто миллилитров протеина в день для восполнения витаминов. Очевидно, батат и сверчки не являются полностью сбалансированной диетой. Покончив с коктейлем, Кошка откидывается на спинку стула и снова улыбается.

— Давай отвлечемся от предыдущего разговора, — предлагает она. — Вообще-то я хотела поблагодарить тебя, Микки. Спасибо тебе. Понимаю, вечер вчера выдался странный, но все же...

— Ничего странного, — говорю я. — Я тебя понимаю.

Она отводит взгляд.

— Да. Я просто... нуждалась в человеческом участии, понимаешь?

Я не нахожусь с ответом, поэтому беру ее за руку. Она кладет другую руку поверх моей, всего на секунду, и сразу же отстраняется.

— Кстати, — говорит она, — а ты работаешь сегодня вечером?

Я не хочу отвечать, но и особой причины лгать у меня тоже нет.

— Нет, думаю, я по-прежнему буду свободен.

Кошка наклоняется, опираясь о стол, встает и подхватывает поднос.

— Правда? Но ты же и сейчас свободен от дежурства. Какой у тебя вообще график?

— Ну, понимаешь, — мнусь я, — после бака мне делают скидку на состояние здоровья.

— Ничего себе, — ухмыляется Кошка. — Да у тебя кругом сплошные выгоды, а?

Не могу сказать, улыбается ли она, когда относит поднос к контейнеру для сбора мусора.

— Как бы там ни было, — говорит она, — свяжись со мной часиков в десять, если будешь свободен. Может, придумаем, чем себя развлечь.

После того как Кошка уходит, я достаю планшет и набираю в поиске «использование расходников в первооткрывательских колониях». Раньше я считал, что это стандартная практика, но на самом деле технология стала полностью жизнеспособной только в

последние двести с чем-то лет, и даже в этот период многие миссии не брали расходников. С практической точки зрения это выглядит безумием. Когда от вас до ближайшей населенной планеты, где можно пополнить ресурсы, не менее шести световых лет, а в вашем распоряжении лишь ограниченное число взрослых людей и куча эмбрионов, которым расти как минимум двадцать лет, прежде чем они на что-то сойдутся, возможность создавать новых колонистов по запросу должна выглядеть чрезвычайно привлекательно.

Но и аргументов против, как выясняется, предостаточно. Помимо религиозных, которые первыми приходят на ум, пусть для меня они и сомнительны, существуют и определенные этические ограничения: нехорошо выдернуть кого-то с улицы, да пусть даже из тюрьмы, и заставить снова и снова умирать за других. Очевидно, добровольное согласие многое меняет, но каковы шансы, что кто-то вызовется сам?

Возможно, мне следовало прочитать эти материалы, прежде чем отдать Гвен свою ДНК. Не уверен, что они заставили бы меня передумать — пыточная машинка послужила мощным мотиватором, — но я мог бы, по крайней мере, завербоваться на более выгодных для себя условиях.

Когда я дочитываю выборку, время близится к полудню и кафетерий постепенно начинает заполняться людьми. Мой желудок снова пуст и урчит от голода, поэтому смотреть, как товарищи-колонисты загружают свои подносы, выше моих сил. Я моргаю и вызываю продуктовую карточку. До конца дня у меня осталось четыреста пятьдесят килокалорий.

Поправочка: у нас с Восьмым осталось четыреста пятьдесят килокалорий. Если я собираюсь придерживаться уговора, мой клон может претендовать на три сотни из четырехсот пятидесяти.

Но я почти готов нарушить слово.

В конце концов, что такого ужасного произойдет, если я единолично съем паек? Вряд ли Восьмой побежит жаловаться командованию.

С другой стороны, я и сам точно в таком же положении. Сообща я о неразберихе с клонированием два дня назад, наверное, именно меня оставили бы в живых. Но теперь я почти уверен: стоит Маршаллу все узнать — и мы оба отправимся напрямиком в рециклер.

Кроме того, Восьмой вчера грозился убить меня во сне. Наверное, проще будет придерживаться соглашения.

Мне все еще доступны сто пятьдесят килокалорий, но прямо сейчас я не могу себя заставить проглотить еще одну чашку жидкого навоза, поэтому решаю вернуться в отсек и поспать, чтобы сэкономить силы.

На главной лестнице я сталкиваюсь с мужчиной и женщиной в форме биологического отдела, которые громко о чем-то спорят, размахивая руками. Мне почти удается проскочить мимо них, как вдруг мужчина окликает меня:

— Эй, Барнс!

Я оборачиваюсь, пытаюсь вспомнить его имя. Гаррет? Гаррисон?

— Привет, — говорю я. — Что нового?

— Ваша смена еще не закончилась, — заявляет он. — Куда это вы собрались?

Ой-ой-ой.

— Забыл кое-что взять, — вру я. — Вернусь через пять минут.

Биолог хмурится.

— Чтобы были на месте через три минуты. Сегодня будем испытывать на помидорах новый бактериофаг. Это может быть опасно. Нам понадобится ваша помощь с распылением.

— Конечно, — говорю я. — Приступлю немедленно.

Они возвращаются к своему спору. Поколебавшись, я отворачиваюсь и бегу наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

После этого происшествия сна нет ни в одном глазу. Когда я прибегаю к себе в отсек, сердце выпрыгивает из груди, и мне требуется почти час, чтобы снова успокоиться и уснуть. Погрузившись наконец в забытье, я снова попадаю в сон про шелкопряда. К счастью, на этот раз ничего необычного: он со мной не говорит, а только отращивает гигантские челюсти и хваталки и гонится за мной по лесу. Довольно скоро лес исчезает, и я снова оказываюсь в туннелях, бегу вслепую, спотыкаясь об острые камни, а топот сотен крошечных лапок за спиной делается все ближе и ближе.

Я просыпаюсь от звука захлопнувшейся двери. Восьмой вернулся: видимо, уже наигрался в фермера.

— Привет, — говорю я, выныривая из кошмара и немного приходя в себя. Сердце успокаивается и бьется почти ровно. — Как помидоры?

Он удрученно мотает головой.

— Честно? Не очень. Большая часть кустов погибает, а те, что пытаются плодоносить, дают помидоры, похожие на крупный красный изюм. Мартин думает, что какой-то микроорганизм или следы газа в атмосфере мешают фотосинтезу. Однако ничего конкретного он не обнаружил, так что пока сплошные домыслы. Нам известно только одно: по непонятной причине наши помидоры болеют. — Он через голову стягивает рубашку и вытирает ею пот со лба. — Правда, мне потребовалась вся сила воли, чтобы не начать набивать ими рот.

— Да уж, — вздыхаю я, — сочувствую. Спасибо, что сдержался. Если в качестве дисциплинарного воздействия нас лишат еще хоть части рациона, мы оба сдохнем с голоду.

Он смеется безрадостным смехом.

— Уверен, что рано или поздно это все равно произойдет, дружище. Сегодня утром я израсходовал две трети рациона за завтраком, но сейчас до того голоден, что готов съесть собственную руку. — Он плюхается на кровать. — Подвинься, а?

Я послушно двигаюсь, Восьмой снимает ботинки и со вздохом заваливается рядом.

— Кстати, — говорит он, — ты знаешь девчонку из службы безопасности по имени Чен?

Только не это.

— Ну да, немного, — мямлю я. — А что?

— Не знаю. Я столкнулся с ней по дороге сюда у главного шлюза. Она сказала, чтобы я не забыл ей звякнуть. — Он поворачивает голову и смотрит на меня: — Мы ведь не изменяем с ней Нэше? Если все-таки изменяем, то должен тебе сказать, что это очень плохая идея.

— Что ты, мы не такие, — уверяю я и, в общем-то, не вру. — Поверь, я не меньше тебя заинтересован, чтобы все мои части тела оставались при мне.

— Хорошо, — отвечает он. — Рад это слышать. Честно говоря, даже если забыть о Нэше, Чен сама по себе какая-то странная. Заявила, что рука у меня выглядит великолепно, и ужасно смутилась, когда я ответил, что не понимаю, о чем она, черт возьми, говорит.

Он бросает взгляд на левую руку, лежащую у меня на животе. Запястье туго забинтовано, но из-под повязки все равно торчит фиолетовый синяк, стекающий к основанию большого пальца.

Повязка Восьмого висит на спинке стула возле письменного
стола.

— Ой, блин, — говорит он. — Извини, я совсем забыл.

Забыл!

Спасибо тебе большое, гаденыш.

Если вы не верующий унитарной церкви и не историк Альянса, вы, вероятно, сейчас задаете себе вопрос: а почему я вообще дергаюсь? Что такого страшного в мультиклонах? Ведь на первый взгляд идея создать сразу несколько копий расходника кажется вполне здоровой, правда? Например, вдруг так случится, что возникнет смертельно опасная миссия, для которой понадобятся двое? Вы же не станете рисковать простым смертным ради выполнения подобного задания?

Чтобы понять инстинктивное отвращение большинства граждан к идее множественных клонов, вам следует хоть немного узнать об Алане Маникобе и о том, что он сотворил с Голтом.

Хотя расходники существуют всего двести лет, на самом деле биопринтер был изобретен задолго до этого, даже до запуска «Чжэн Ши». Но до появления Маникобы процесс вызывал лишь научное любопытство и не более того. Системы, которые создали ученые, умели сканировать тело, сохранять в памяти его структуру и воссоздавать организм на клеточном уровне по запросу — как и тот биопринтер, из которого я вываливаюсь каждые несколько недель. В конце концов придумали даже способ воспроизведения синаптических связей, чего современные биопринтеры не делают. Согласно теории того времени, этого должно было хватить для точного воспроизведения если не сознания, то хотя бы поведения индивида. Однако неоднократные эксперименты, сначала на животных, а потом и на людях ясно продемонстрировали, что теория в корне ошибочна. Тела, выходящие из биопринтеров, оставались *tabula rasa* и обладали сознанием и физическими навыками на уровне новорожденного. Они идеально подходили в качестве объектов для медицинских экспериментов — если закрыть глаза на очевидные этические проблемы, — но никоим образом не приближали к бессмертию.

Справедливости ради стоит отметить, что старые биопринтеры были не совсем бесполезны. Иногда с их помощью возвращали

младенцев, умерших при рождении или вскоре после него, но даже в таких случаях результат был сомнительный. У детишек из бака, как правило, билось сердце, и они могли самостоятельно дышать, но у них отсутствовали сосательный и глотательный рефлекс, и они не умели плакать. Иногда после интенсивной терапии младенцы приходили в норму. Однако чаще родителям приходилось хоронить еще одного ребенка через несколько дней или недель после первого.

А потом появился Маникоба.

Алан Маникоба начал свою жизнь как единственный отпрыск фантастически богатой политической династии Эдема, и при желании — а кто откажется, признайтесь честно, — мог бы и завершить ее точно так же. Большинство людей на его месте кое-как окончили бы колледж, больше времени посвящая вечеринкам, чем учебе; возможно, в какой-то момент заняли бы средней руки правительственный пост — или нет, — но в любом случае вели бы богатыю, сытую и безбедную жизнь.

Однако Алан Маникоба не относился к большинству. Он был гением, определившим эпоху, умом настолько деятельным и беспокойным, что еще до двадцати пяти лет получил докторские степени в трех, казалось бы, не связанных между собой областях науки.

А еще он был социопатом. По ходу дальнейшего изложения вы поймете, почему это важное уточнение.

Примерно в то время, когда Маникоба решил, что с обучением покончено, оба его родителя скорострительно скончались по неустановленной причине, один за другим, с интервалом в несколько дней. Полгода спустя, после того как местные власти безуспешно попытались доказать, что Алан имеет отношение к их смерти, Маникоба вошел в десятку самых богатых людей Альянса, а в следующем году вложил все свое наследство до последнего гроша в предприятие, которое назвал «Вселенская вечность».

В то время популярная пресса на Эдеме считала «Вселенскую вечность» бесполезной затеей, а то и мошеннической схемой для ухода от налогов. Но Маникоба отнесся к делу серьезно. Если бы идея заключалась в проведении какой-то финансовой аферы, он мог бы оставить компанию виртуальной, но определенно этого не сделал. «Вселенская вечность» построила гигантский исследовательский

центр в двухстах километрах от города, наняла огромное количество инженеров и ученых, а дальше...

Дальше ничего. Люди из кампуса приходили и уходили, но никто из них ни словом не обмолвился посторонним о том, что там происходит. Были предположения, что компания, возможно, занимается гериатрическими исследованиями или криотехнологиями, но никаких доказательств в пользу той или иной теории не было. Примерно через год прессе наскучили слухи, и люди перестали обращать внимание на то, чем там занимается Маникоба.

Пять лет спустя он появился на ток-шоу с заявлением, что наконец-то раскрыл секрет записи и воспроизведения человеческого разума. И здесь мы снова видим разницу между Аланом Маникобой и большинством людей. Сразу после первоначальной демонстрации, в ходе которой он представил клона директора по персоналу своей компании, попросил его сказать несколько слов собравшимся высокопоставленным лицам, а затем немедленно усыпил и перевел обратно в биомассу, цена акций «Вселенской вечности» взлетела до небес, а Маникоба стал не просто одним из десяти самых богатых людей в Альянсе, а с огромным отрывом занял первое место и в общественном сознании Эдема. Из внушающего ужас вероятного родителеубийцы он превратился в ужасную знаменитость и гения — возможно, величайшего среди всех, кого породило человечество. Большинство людей на этом этапе приобрели бы роскошное поместье, а то и юную супругу в качестве трофея — или двух, — а затем провели остаток жизни, купаясь в лести.

И снова Маникоба всех удивил. Он ликвидировал все, что у него было, в том числе «Вселенскую вечность». В транзакциях было задействовано столько наличных и столько подставных компаний, что он стоял одним из немногих людей в истории, которым можно было вчинить единоличную ответственность за крах экономики отдельно взятой планеты. Год спустя Алан в одиночку покинул орбиту на специально построенном межзвездном корабле, заполненном оборудованием, расходными материалами и тем же прототипом репликации, который был использован во время демонстрации. Куда он летит, Маникоба никому не сказал. Предполагалось, что он планировал стать первым человеком, пересекшим галактическую

плоскость, воспроизводя себя по мере необходимости, чтобы остаться живым в конце путешествия.

И для всех было бы лучше, если бы это оказалось правдой, но на самом деле он полетел в недавно созданную колонию примерно в семи световых годах против направления вращения Эдема, которую основатели назвали Голтом.

Еще до того, как туда явился Маникоба, Голт был интересным местом. В отличие от почти любой другой успешной колонии в истории Альянса, основавшая Голт экспедиция финансировалась не планетарным правительством Эдема. Деньги дала группа частных лиц, состоящая в основном из невероятно богатых людей, которых раздражало, что Эдем, как Мидгард и большинство других миров Альянса, облагает налогами владельцев автоматизированных систем, производящих почти все продукты, чтобы люди, не владеющие этими системами, не голодали на улицах.

Основополагающим принципом на Голте должна была стать радикальная свобода и самообеспечение, что на практике означало следующее: ни один из ста двадцати колонистов, высадившихся на планете, не имел ни малейшего желания вносить хоть какой-то вклад в общее благосостояние. Они сразу же разделились примерно на двадцать семейных кланов, основали собственные маленькие вотчины и попытались зажить самостоятельно. Изначально колонисты были обеспечены ресурсами, а Голт, с учетом всех обстоятельств, был довольно гостеприимной планетой, так что большинству действительно удалось прижиться на новом месте. Но те, кто столкнулся с трудностями, не получали никакой помощи от соседей. Очевидно, в условиях радикальной свободы ответом на вопль: «Помогите, я умираю!» — служила фраза: «Что поделаешь, не стоило паковать чемоданы впопыхах».

В результате всех этих событий к моменту прибытия на Голт Маникоба обнаружил там фрагментированное сообщество примерно в десять тысяч человек, большинство из которых неплохо устроились и не подвергались непосредственной опасности умереть от голода, но у всех дела шли не особенно хорошо. Сначала его встретили как своего рода спасителя. Он привез с собой много вещей, которые ни один из кланов Голта еще не научился производить. Снискав расположение одной из меньших групп, Маникоба дал ее участникам пищу, семена и

кое-какие передовые технологии, разработанные на Эдеме лет за двести до основания общества Голта, а поселенцы предоставили ему жилье и базу для операций.

Благополучно устроившись, Алан Маникоба целенаправленно занялся изготовлением еще большего числа своих клонов.

Как неоднократно пенял мне Маршалл, создание человека с нуля требует больших ресурсов. В частности, огромного количества кальция и белка. Однако помимо этого необходимо и множество микроэлементов. Даже если загрузить в бункер биопринтера базовые компоненты, для получения жизнеспособного организма потребуются еще куча пшеницы, говядины и апельсинов, а сам процесс создания копии генерирует безбожное количество отходов — конечно, если не превращать их в пищу для голодающей колонии.

Очевидно, что идеальный источник сырья — уже существующий человеческий организм.

Маникобе потребовалось около девяти месяцев, чтобы полностью исчерпать запасы материала, которые он взял с собой на Голт. К тому времени он создал примерно сотню копий самого себя и построил еще два устройства репликации. Прошло несколько месяцев, прежде чем колонисты заметили, что люди начали пропадать без вести. Поначалу Маникоба похищал только малоимущих и одиноких — а их на Голте, благодаря сепаратному общественному устройству, нашлось немало, — но в конце концов он исчерпал этот источник и тогда начал красть людей без разбору, а у них были как родственники, так и друзья, которые могли их хватиться. Подозрение, конечно же, автоматически пало на новоприбывшего поселенца Голта. Клан, который принимал Маникобу, отправил к нему представителей от сил безопасности, чтобы привести для вежливого допроса. Вот тогда-то они и узнали: хотя гость щедро делился семенами и всякими безделушками, о передовых военных технологиях, привезенных с собой, он умолчал.

В более разумно устроенном мире — даже не обязательно с единым правительством, но хотя бы в таком, где отдельные государства умеют договориться между собой, — Маникобу можно было бы остановить. Когда его задумка стала очевидной, численность его клонов на планете все еще составляла двадцать к одному. К сожалению, Голт не был разумным миром. Маникоба засунул в бункер каждого гражданина своего принимающего клана, вытащил их

обратно как копии самого себя, вооружил, а затем напал на ближайшего соседа. Когда почти год спустя один из кланов даже попытался выступить против Маникобы единым фронтом, тот составлял абсолютное большинство жителей на планете. Последние несколько кланов в конце концов сплотились, но к тому времени было уже слишком поздно. Единственное разумное действие, которое им удалось совершить под занавес, — отправить послание в Эдем с описанием того, что с ними произошло, и с отчаянной мольбой о помощи к родному миру.

Помощь, конечно, прибыла не скоро. Послание колонистов шло до Эдема семь лет, а когда пришло, власти совещались еще почти два года, чтобы решить, как поступить. Люди, улетевшие ради основания колонии на Голте, и без того не пользовались на Эдеме особой популярностью, и прошедшие годы несколько не улучшили их репутацию. Общественное мнение высказалось однозначно: «Нас это не касается» и «Так им и надо». Однако в конце концов парламент Эдема решил, что Маникоба рано или поздно начнет представлять угрозу и для других миров, поэтому с ним в любом случае придется разбираться.

Так началась первая и по сей день единственная межзвездная военная экспедиция Альянса.

Лучшие умы ломали голову над тем, как именно должно выглядеть вторжение, отложенное на семь лет. Идею сброса сухопутных войск отвергли сразу как явно абсурдную. Эдем был невероятно богатым миром, но на конструирование, постройку и заправку космического корабля для захвата колонии ушел бы весь планетарный бюджет. Разумеется, необходимость тащить с собой оборудование для терраформирования или эмбрионы тоже сразу отпала — одной головной болью меньше, — но и военная техника весила немало. В итоге остановились на создании слегка усиленного броней корабля, который назвали «Правосудием Эдема». Он вышел из системы родной планеты спустя четыре года после получения сообщения с Голта, неся на борту экипаж из двухсот человек, полудюжину орбитальных бомбардировщиков и огромное количество термоядерных бомб. Основная идея заключалась в том, что корабль выйдет на орбиту Голта, установит контакт с Маникобой и определит его намерения по отношению к остальному Альянсу в целом и Эдему в

частности, а затем, при необходимости, ядерными бомбардировками превратит Голт в стеклянный шарик.

Вы, вероятно, уже заметили слабые места этого плана.

Во-первых, ко времени прибытия десанта на Голт у Маникобы было целых восемнадцать лет, чтобы упрочить свое политическое влияние, создать как можно больше копий самого себя и хорошенько окопаться.

Во-вторых, «Правосудие Эдема» не могло подкрасться к Голту незамеченным. Факел торможения звездолета виден на расстоянии светового года, и никакого способа его замаскировать не существует.

В-третьих и в-главных, Алан Маникоба был не из тех, кто станет сидеть и ждать, пока на его землю придет война.

В результате битва при Голте длилась примерно двенадцать секунд. «Правосудие Эдема» все еще входило в фазу торможения, не замечая того, что творится у него в тылу, когда десяток ракет с ядерными боеголовками ударили ему в хвост с базы, которую Маникоба построил на второй луне Голта. Командиру «Правосудия» так и не удалось нанести ответный удар.

К несчастью для Алана Маникобы, но, вероятно, к счастью для остального Альянса, Эдем был не единственным миром, получившим предсмертное послание с Голта. Оно дошло и до ближайшего соседа Голта, гораздо более молодой и бедной колонии второго поколения под названием Фархоум — «Далекий дом». Правительство Фархоума встревожилось, пожалуй, куда больше эдемского. Однако у него не было ни амбиций, ни ресурсов, чтобы организовать экспедицию, подобную той, которую предпринял Эдем.

Ответ властей Фархоума оказался проще, прямолинейнее и намного дешевле. Они назвали свой проект «Пуля».

Важнейшая особенность межзвездных путешествий заключается в следующей формуле: кинетическая энергия равна массе объекта, умноженной на квадрат его скорости. Это делает процесс очень дорогим. И очень опасным. «Правосудие Эдема» подвел собственный двигатель в режиме торможения. «Пуля» избежала этой проблемы, поскольку и не пыталась затормозить. Когда объект движется со скоростью 0,97 с — а такова была скорость «Пули», когда она врзалась в Голт спустя три месяца после гибели «Правосудия Эдема», — ему вовсе не нужно обладать огромной массой, чтобы

расколоть планету, как яичную скорлупку. Более того, не изобрели еще практического способа защититься от атаки на скорости света или хотя бы оповестить о ее приближении, поскольку световые волны, обозначающие прибытие угрозы, достигают своей цели всего на долю секунды раньше. «Пуля» доставила в экосистему Голта энергию, эквивалентную двумстам тысячам термоядерных бомб, за период примерно в пикосекунду^[10].

Снова сделать планету пригодной для жизни после такого поражения практически невозможно.

А раз уж мы пытаемся приспособить для жизни Нифльхейм, можно догадаться: в космосе не слишком много обитаемых планет, которые ждут не дождутся нашего прибытия. Поэтому превращение одной из них в шар из расплавленного шлака, по всеобщему мнению, является величайшим преступлением в истории Альянса.

Однако никто не винит в гибели Голта Фархоум. Все обвиняют Маникобу — вот почему с тех пор большинство людей в любом из уголков Альянса считает, что лучше быть похитителем детей или коллекционировать отрезанные человеческие головы, чем стать мультиклоном.

Наступает десять часов. Я не выхожу на связь с Кошкой. Неужели она догадалась о том, что происходит у нас с Восьмым? Может, и нет, но после столкновения с ним сегодня днем она определенно знает, что дело нечисто, и Кошка почему-то не кажется мне тем человеком, который закроет глаза на явное нарушение.

В голову закрадывается мысль, что на данном этапе мой единственный шанс не превратиться в белковую жижу — избегать Кошки как можно дольше и надеяться, что тем временем ее съедят ползуны.

Этот план действий живет недолго. Кошка звонит в 10:02 вечера.

<Чен0197>: Ну как, ты свободен?

— Вот и накрылось медным тазом твое решение держаться от нее подальше, — говорит Восьмой. — Ты собираешься ответить?

Я поворачиваюсь к нему. Он лежит, растянувшись на кровати и скрестив руки за головой. Я сижу во вращающемся кресле, закинув ноги на стол. Читал об очередной колониальной катастрофе — на этот раз о колонии-плацдарме, погибшей в результате восстания и гражданской войны, даже не успев заслужить собственное имя, хотя на самом деле повествование меня не захватило. Главным образом я крутил в голове, рассматривая ее со всех сторон, мысль о том, как меня засунут в люк для сброса трупов.

— Наверное, — говорю я. — Все равно ведь придется, правда?

<Микки-8>: Привет, Кошка. Я тут кое-что доделывал, но да, я свободен.

Чем чаще я вижу свою переписку под ником Микки-8, тем более странным мне это кажется. Наверное, нехорошее предчувствие, которое вызывает у меня восьмерка в конце моего имени, сродни тому, что ощутил бы обычный человек, встретив надгробие со своим именем.

<Чен0197>: Отлично. Нам надо поговорить.

<Микки-8>: Встречаемся у твоего отсека?

<Чен0197>: ...

<Чен0197>: Нет, Микки, давай не там. Может, снова в спортзале? Через десять минут.

<Микки-8>: Ну... хорошо. Тогда до встречи.

— В спортзале? — удивляется Восьмой. — С чего вдруг?

Я пожимаю плечами.

— Серьезно, — настаивает он. — Кто же тренируется на голодном пайке?

— В том-то и дело, — объясняю я. — Я столкнулся с Кошкой в зале вчера вечером, когда побоялся возвращаться сюда, потому что подумал: вдруг с тобой будет Нэша.

— Она и была здесь, к твоему сведению.

Я пытаюсь уничтожить Восьмого взглядом. Он скрещивает лодыжки и ухмыляется.

— В любом случае, — продолжает он, — будь осторожен. С Чен что-то не так.

— Да и наплевать, — говорю я. — В конце концов, если она меня убьет, тебе достанется полный рацион.

Его ухмылка становится шире.

— Хороший подход к делу. Слушай, а как быть с твоей рукой?

Я опускаю взгляд. Опухоль почти сошла, но я пока не разбинтовывал кисть.

— Не знаю, — вздыхаю я. — Может, снять повязку?

— Я бы не стал. Синяк еще не сошел. Просто, даже не знаю... держи ее в кармане, что ли.

Я качаю головой:

— Не хочу. Честно говоря, от одной мысли об этом мне уже больно. Может, лучше ты сходишь вместо меня?

— Нет, — говорит он, — и не упрашивай. У вас с Чен своя история. Вдруг она захочет поговорить о том, что было между вами прошлой ночью?

К сожалению, он прав.

— И вообще, — добавляет он, — я сегодня работал, и я устал. Желая хорошо провести время.

Восьмой закрывает глаза. Я собираюсь возразить, но не нахожу слов, поэтому встаю и ухожу.

Я уже на полпути в спортзал, когда у меня пищит окуляр.

<Микки-8>: Пн... иш?

Какого черта?

<Микки-8>: Восьмой?

<Микки-8>: Чего тебе?

<Микки-8>: Т по... мш?

<Микки-8>: Какого черта, Седьмой?

<Микки-8>: Спи, Восьмой. У меня нет на это времени.

<Микки-8>: При... м?

Бред какой-то. Я разрываю соединение.

* * *

— Привет, — говорит Кошка. — Чего не позвонил? — Она сидит на одной из беговых дорожек. На этот раз она одета не для занятий спортом.

— Я собирался, — отвечаю я. — Но ты меня опередила.

Она пожимает плечами.

— Ну и неважно. Все хорошо. Садись. — Она похлопывает по полотну второй дорожки.

Поколебавшись, я прихожу к выводу: вряд ли Кошка планирует меня убить, раз уж приглашает присесть. Я сажусь.

— Чем займемся? — спрашиваю. — Будем тренироваться?

Кошка пристально смотрит на меня.

— Нет, — наконец отвечает она. — Тренироваться мы не будем. Мы здесь, потому что я хотела поговорить с тобой наедине, а это последнее место на корабле, куда кто-нибудь из колонистов, не считая меня, конечно, явится добровольно.

— Мы могли бы поговорить у тебя в отсеке.

Она отводит взгляд.

— Не думаю, что это хорошая идея. По крайней мере, пока мы не проясним некоторые моменты. Понятно?

— Понятно, — киваю я. — Так о чем будем говорить?

Она бросает на меня еще один долгий взгляд.

— Как рука, Микки?

Я вздыхаю.

— Заживает потихоньку. Спасибо, что спросила.

Кошка кивает.

— Сегодня днем она выглядела намного лучше.

Дальше тянуть нет смысла.

— Послушай, — говорю я, — ты можешь просто сказать, для чего мы здесь?

— Хорошо, — соглашается она. — Выложу карты на стол. Вас двое, Микки. С тобой я завтракала сегодня утром. Пройшей ночью в моей постели спал тоже ты. У тебя повреждена рука, и сегодня у тебя был выходной. У другого, с которым я столкнулась в коридоре несколько часов назад, с рукой все в порядке, и он весь день ухаживал за помидорами. Понятия не имею, как это вышло, но ты мультиклон.

Я знал, что она знает, и все равно от страха внутренности завязываются узлом, а сердце бешено стучит прямо в горле.

— Ты сообщила командованию?

Вид у Кошки оскорбленный.

— Смеешься? Ты вроде как спас мне жизнь два дня назад, а вчера я спасла тебя. Ты ночевал в моей постели. Неужели ты думаешь, что после такого я молча сдам тебя, даже не выяснив, что произошло?

Я закрываю глаза, и тугой узел в животе немного ослабеваает.

— Не пойми меня неправильно, — добавляет она. — Ситуация однозначно мне претит. Как, черт возьми, ты получил доступ к биоматериалу, чтобы стать мультиклоном? Ты в курсе, что все причастные к созданию копии караются смертной казнью?

Я отрицательно мотаю головой:

— Я никого не заставлял делать мою копию. Закон мне известен, и я отнюдь не жажду превратиться в жидкий навоз. Произошла нелепая ошибка.

Она удивленно приподнимает бровь.

— Ошибка? Типа кто-то нечаянно споткнулся, упал в биопринтер, а с другого конца выскочил новый ты?

— Именно, — говорю я. — Типа того.

Кошка открывает рот, чтобы возразить, замирает, а потом недоверчиво мотает головой.

— Знаешь что? Не желаю ничего знать. Если это дерьмо выйдет наружу и свалится тебе на голову, я не хочу быть замешана. Вот почему я не назначила встречу у меня в отсеке. Но предупреждаю

честно: непременно найдется тот, кто захочет все выяснить и быстро догадается, что с вами дело нечисто. А когда это случится, вам стоит иметь наготове объяснение получше, чем «произошла ошибка».

— Да, — соглашаюсь я. — Наверное, ты права.

Некоторое время мы сидим в тишине. Мне хочется спросить, для чего она меня сюда вызвала. Не похоже, что она хочет меня убить; шантажировать нас она пока тоже вроде не собирается. Других предположений нет: разве что Кошка хочет продолжить то, на чем мы остановились сегодня утром, однако ее фраза «Ситуация мне претит», казалось бы, исключает такое развитие событий. Я подумываю пожелать ей хорошего вечера и вернуться к себе, как вдруг она спрашивает:

— Считаешь себя бессмертным?

Вот уж чего не ожидал.

— Что?

— Ты думаешь, что бессмертен? Сколько раз тебя убивали, семь?

— Шесть, — отвечаю я. — Пока шесть. В этом-то вся проблема.

— Все равно. Скажи, ты все тот же человек, каким был, когда садился в челнок на Мидгарде?

Это нужно обдумать.

— Как сказать, — наконец говорю я. — Тело у меня, сама понимаешь, не то же самое.

— Верно, — кивает Кошка, — но я спрашиваю не об этом.

— Понимаю, — говорю я. — Да, я помню, как был Микки Барнсом на Мидгарде. Помню квартиру, в которой вырос Микки. Помню его первый поцелуй. Помню, когда он в последний раз видел мать. Я помню, как он подписался на эту дурацкую экспедицию. Помню так, будто это происходило со мной, а не с кем-то другим. Но значит ли это, что я и есть тот самый Микки Барнс? — Я пожимаю плечами. — Ну черт знает.

Она смотрит на меня с недобрый прищуром, и я снова чувствую, как по шее пробегает тот же холодок, что и сегодня утром.

— Я поискала информацию о корабле Тесея. Ты отвратительно его описал.

— Пожалуй, — соглашаюсь я. — Сам знаю. Мне казалось, я хорошо усвоил эту историю в период подготовки, но потом, когда

начал рассказывать, сразу понял, что на самом деле ничего не запомнил.

— Вот удивительно. Ведь это довольно точная аналогия твоей жизни. Странно, что она не врезалась тебе в память.

Я пожимаю плечами:

— Извини.

Она кивает.

— Довольно веский аргумент в твою защиту, тебе не кажется?

Я пытаюсь ответить, не знаю, что сказать, и пробую заново:

— Кошка, я запутался. К чему ты клонишь?

— К тому, что мне надо знать: точно ли ты Микки Барнс, или ты совсем другой парень, разгуливающий по базе в его одежде?

— Я уже сказал тебе: не знаю. Я помню все, что рассказала мне Джемма на станции «Гиммель», и ощущаю себя тем самым парнем, что жил когда-то на Мидгарде, но... не могу сказать наверняка.

Вот она, обратная сторона медали. Нет никаких реально измеримых показателей, сравнение которых покажет, являюсь я одним и тем же человеком или нет, а значит, нет никакой возможности подтвердить достоверность моих слов. На этот вопрос не существует ответа.

— Тем не менее, — говорит Кошка, — ты точно так же не можешь сказать, что ты не тот самый парень, так?

— Да, — соглашаюсь я. — Похоже, так.

На это она ничего не отвечает. Некоторое время мы сидим молча. Я собираюсь спросить, закончили или как, но тут Кошка внезапно прерывает молчание:

— Знаешь, последние два дня я много думала.

— Кхм, — откашливаюсь я. — Хорошо. И о чем?

— О смерти. Я думала о том, каково это — умереть. Мне всего тридцать четыре года. Казалось бы, можно не беспокоиться на эту тему еще по крайней мере лет пятьдесят, а вот поди ж ты.

Любая первооткрывательская колония — опаснейшее место. Интересно, а в обучении охранников тоже делали на это особый упор или только меня готовили к худшему? Однако возможности расспросить Кошку мне так и не предоставляется, потому что она, по-видимому, услышала все, что хотела услышать. Она встает и протягивает мне руку:

— Знаешь, ты мне нравишься, Микки.

— Спасибо, — говорю я. — И ты мне тоже.

— Нет, — качает она головой. — Ты не понимаешь. Если бы не эта проблема... с твоим двойником...

Если бы не эта проблема, вчерашнюю ночь я провел бы с Нэшей, а не с ней, но сейчас, наверное, не самое подходящее время, чтобы сообщать такую новость. Я пытаюсь придумать что-нибудь утешительное, а она вдруг притягивает меня за шею и яростно целует — да так, что прикусывает мне до крови нижнюю губу. Потом Кошка отступает назад, грустно улыбается и открывает дверь.

— Передай от меня привет своему второму «я», ладно?

Я тарашусь на нее, уронив челюсть, а она уходит.

* * *

Когда я возвращаюсь к себе, дверь в отсек заперта. Я показываю окуляр, дожидаюсь щелчка и поворачиваю ручку. Внутри темно, но из коридора падает полоса света, и я вижу, что на моей кровати лежат два человека.

Два обнаженных человека.

Один из них Восьмой. Вторая — Нэша.

Я замираю как вкопанный. Даже не знаю, что я сейчас должен чувствовать. Ревность? Гнев?

Жуткое унижение?

— Входи, — говорит Восьмой. — И дверь закрой.

— Но ты... — бормочу я. — Какого хрена, Восьмой? Ты что творишь?

— Извини, — говорит он. — Я думал, ты снова проведешь ночь с Чен. Или что она тебя убьет.

Нэша приподнимается на локте:

— Вы спите с кем-то еще?

— Нет, — говорю я. — То есть да, я спал в ее комнате, но мы не...

— Неужели, — цедит Нэша. — Еще скажи, что вы просто обнимались.

Я собираюсь возразить, но вдруг понимаю, что она смеется надо мной.

— Прости, — говорю я. — А ты спала с Восьмым.

— С Восьмым? — переспрашивает Нэша. — Вы теперь так друг друга называете? Седьмой и Восьмой?

— Ага, — говорит Восьмой. — А что, есть предложение получше?

— Нет, — улыбается она. — Это даже мило.

— Восьмой, — зову я.

— Седьмой, — откликается он. — Дверь закрой.

Я так и делаю. В комнате темно, и мой окуляр переключается в режим ночного видения. Восьмой отображается тускло-оранжевым. Нэша яркая, так и полыхает красным. Я сажусь в кресло за столом и прячу лицо в ладонях.

— Рассказывай, — требует Восьмой. — Как прошла встреча с Чен?

Я поворачиваюсь к нему:

— Что? Да какая разница! Кого волнует Чен? А вот что ты делаешь, Восьмой?

— Ты серьезно спрашиваешь? — удивляется он. — Мне казалось, это очевидно.

— Нет! — Я повышаю голос. — То есть... да пошел ты, Восьмой! Ты понимаешь, что я имею в виду!

— Восьмой уводит твою женщину, — почти по-кошачьи мурлычет Нэша с довольным видом. — И что ты собираешься с этим делать?

— Восьмой! — снова взываю я. — У нас ведь был с тобой разговор. Почему ты не посоветовался со мной, прежде чем втянуть в это Нэшу?

— Ой, расслабься, — машет она рукой. — Не сдам я вас, извращенцев, командиру. Даже не собираюсь.

— Мы не извращенцы, — злюсь я. — Это был несчастный случай.

— Я рассказал ей, что случилось, — говорит Восьмой. — Она тебя просто подначивает. А если серьезно, что там с Чен? Она не пыталась тебя убить?

— Чен? — интересуется Нэша. — Это вчерашняя охранница из кафетерия?

— Да, — говорю я. — Она самая. Ты еще обещала выпотрошить ее, как рыбу.

— Только если она к тебе прикоснется. Она прикасалась к тебе, Микки?

— Нет, — говорю я. — То есть вроде как да, но... секс ее не интересует, во всяком случае сейчас. Вся эта история с моим двойником отбила у нее всякое желание, даже если оно и было.

— Не удивлена, — замечает Нэша. — Почти все охранники — ханжи со сжатыми булками.

— А меня волнует предыдущий момент, — встревает Восьмой. — Чен знает о нас?

— О да, — ерничаю я, — еще как знает. Возможно, нас выдало чудесное исцеление чьей-то руки, которую меньше часа назад она видела в повязке. А еще кто-то растрепал, что весь день трудился в сельхозотделе, хотя до этого я сказал ей, что у меня выходной.

— Блин, — сокрушается Восьмой. — Плохо дело. И на чем вы договорились?

Я вздыхаю.

— Честно? Понятия не имею. Она не грозила нас сдать, и это хорошо. Однако не обещала молчать, и это уже не так хорошо.

— А ты не думал выпустить ей кишки? — спрашивает Нэша. — Потом выбросишь труп неподалеку от главного шлюза и доложишь, что ее поймал ползун. Нет человека — нет проблемы.

Восьмой ржет.

— Если кому-то сегодня и могли выпустить кишки, то уж точно не Чен.

— Это правда, — соглашаюсь я. — Так что не понимаю, почему ты хихикаешь. Если меня приговорят к трупосборнику, ты отправишься вместе со мной, не забывай об этом.

— Никто никого не отправит в трупосборник, — заявляет Нэша. — Чен тебя не выдаст.

— Да неужели? И почему?

Я, конечно, тоже так считаю, однако причины Нэшиной уверенности, похоже, сильно отличаются от моих.

— Потому, — говорит она. — Обратка замучает.

— Какая обратка? — не понимает Восьмой.

— Такая, — объясняет Нэша. — Я ведь этого так не оставлю, я ей отомщу.

Логично. Я бы не решился перебежать Нэше дорогу.

Впрочем, я бы и с Кошкой не рискнул связываться. Охранники из службы безопасности — жуткие типы.

— Слушайте, — говорит Нэша, — все обойдется. Вам нужно просто залечь на дно, пока один из вас не погибнет, выполняя очередное тупое самоубийственное задание. Тогда оставшегося в живых зарегистрируем как Микки-девять, и все мы будем жить долго и счастливо.

— Угу, — бурчит Восьмой. — Только не все.

— Верно, — соглашается Нэша. — Ну, почти все.

— Не знаю, ребята, — говорю я. — Прошло всего два дня с тех пор, как Восьмой вышел из резервуара, а о нас уже знают двое. Такими темпами через пару недель вся колония будет в курсе. Я не уверен, что смогу умереть так быстро.

Нэша смеется.

— Знаешь что, Микки? Ты слишком много думаешь. Раздевайся и иди сюда. Тебе нужно обеспечить временный отток крови от мозга.

Я таращусь на нее.

— Давай, Седьмой, — подхватывает мой клон. — Мы и так уже извращенцы, правда? Отомстит за нас Нэша или нет, мы оба рискуем вскоре нырнуть в люк для утилизации отходов. Давай хоть повеселимся напоследок.

* * *

Следующие два часа были самыми странными в моей жизни. Вряд ли мне захочется о них рассказывать.

Но для ясности: я ни о чем не жалею.

* * *

Мы еще не успеваем отойти от истома после секса, уютно устроившись в постели — я почти свешиваюсь с одной стороны кровати, Восьмой — с другой, а Нэша зажата между нашими телами, — когда раздается стук в дверь. Нэша как раз описывает Восьмому, как славно мы проведем время, пока одного из нас не

отправят в утиль, но прерывается на полуслове и с шипением втягивает сквозь зубы воздух.

Стук повторяется.

— Мне ответить? — шепчу я. — Я могу попытаться избавиться от них.

Восьмой тянется через Нэшу и шлепает меня ладонью по лбу.

— Заткнись, — шипит он. — Это, наверное, Берто. Если мы не отзовемся, он уйдет.

— Микки? Ты тут?

Черт. Это не Берто.

Поерзав в кровати, Нэша прижимается губами к моему уху:

— Ты же закрыл дверь на защелку, да?

Ручка поворачивается с тихим щелчком, и на пол ложится полоска света.

— Нет, — шепчу я. — Не закрыл.

— Микки?

Вот зараза. Что же делать-то?

Дверь распахивается.

— Привет, — говорит Восьмой. — Чен, верно? Рад тебя видеть.

Кошка смотрит на нас, беззвучно открывая и закрывая рот.

— Кошка, закрой дверь, — прошу я. — Давай все обсудим.

Она мотает головой.

— Кошка!

Я сажусь в кровати и протягиваю к ней руки. Она отступает на полшага назад.

— Что ты творишь, Микки?

— А на что похоже? — спрашивает Нэша. — Или присоединяйся к нам, Чен, или выметайся. Но в любом случае закрой дверь.

Кошка, крутанувшись на каблуках, разворачивается и выбегает, оставляя дверь открытой.

— Думаю, нам с Восьмым лучше не светиться, — замечает Нэша.

Я вылезаю из постели и захлопываю дверь. На этот раз я не забываю закрыть ее на замок.

— Плохо дело, — говорю я, опускаясь на стул.

— Она и так знала о нас, — отмахивается Восьмой. — Ты же сам ей рассказал, так что ничего не изменилось.

Его слова не лишены смысла. Тогда почему сердце пытается выпрыгнуть у меня из груди?

— Ничего страшного, — утешает Нэша. — Возвращайся в постель, Микки.

Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание и медленно выдыхаю. Может, они правы?

Не правы. Я точно знаю, что нет.

Но теперь уже ничего не поделаешь. Я откидываю простыню и забираюсь обратно в кровать. Нэша поворачивается и встречает меня поцелуем.

— Расслабься, Микки. Давай поспим.

* * *

Я просыпаюсь в темноте от лязга взломанного замка. После этого пространство прорезают яркие лучи, а затем низкий мужской голос произносит: «Да вы издеваетесь!» Я щурюсь от света, падающего из коридора. Двое головорезов из службы безопасности втискиваются в мой отсек. Оба вооружены огнеметами.

— Ни хрена себе, — говорит тот, что поменьше. — Люди, вы вообще в своем уме?

Другой качает головой:

— Не имеет значения. А ну-ка, подъем, все трое. И оденьтесь, ради бога. Вам предстоит свидание с рециклером.

Я теряю присутствие духа.

И оттого, что я его теряю, мне еще поганее, чем от самой потери.

Нэша имеет полное право паниковать: ее ни разу не отправляли на казнь. Но мне нет оправдания. Мог бы уже и привыкнуть. Однажды меня казнили трижды за две недели.

* * *

Колониальный корабль не приземляется в буквальном смысле, когда достигает пункта назначения. Большая часть конструкции, переносящей людей от одной звезды к другой, годится исключительно для космоса. Корабль слишком громоздкий и хрупкий, чтобы выдержать вход в атмосферу или гравитационное поле. Колонисты спускаются с орбиты группами, каждая перевозит часть оборудования.

Первым на поверхность Нифльхейма, всего через несколько часов после выхода на орбиту, приземлился спускаемый аппарат, пилотируемый Нэшей и несущий на борту камеру биоизоляции, две команды — медиков и биологов — и меня.

К тому времени мы уже знали, что и с климатом, и с атмосферой нашего нового дома вышла промашка. Поняв, что мы не сможем находиться снаружи без ребризеров, Маршалл всерьез рассматривал план Б: развернуться и лететь к запасной планете. Но после долгих обсуждений, иногда переходящих в яростную перепалку, Дугану и нескольким другим спецам из биологического отдела удалось убедить командора, что, внедрив в экосистему искусственно созданные водоросли, мы сможем довести парциальное давление кислорода в атмосфере до жизнеобеспечивающего уровня в разумные сроки. «Разумные» в данном случае означало, что это не обязательно случится в пределах продолжительности жизни кого-либо из взрослых членов экспедиции, но, возможно, при жизни некоторых эмбрионов, которых мы везли в трюме.

Кажется, я уже упоминал ранее, что шансы подобных экспедиций при переориентации на вторичную цель стремятся к нулю, поэтому в конце концов Маршалл согласился на Нифльхейм.

Первоочередная задача для любой новой колонии — определить, есть ли в местной микробиоте организмы, которые могут представлять опасность для здоровья человека.

Для справки: в любой местной микробиоте всегда есть организмы, которые не только могут, но и наверняка будут представлять опасность для здоровья человека.

Естественно, это определяется путем воздействия на расходника экспедиции всего и вся, что можно выделить из местной почвы. Затем остается только ждать и смотреть, что произойдет с расходником.

Мы пробыли на поверхности меньше суток, когда Нэша поцеловала меня на прощание и потрепала по щеке, после чего лаборант медцентра Аркадий отвел меня в изолятор. Последнее, что он сделал, прежде чем оставить меня одного, — надел мне на голову сканирующий шлем для непрерывной загрузки. Когда я спросил, для чего, он ответил:

— Вероятнее всего, позже вас попросят описать свои ощущения.

— Да неужели? — возмутился я. — Если вы собираетесь заразить меня супергерпесом, прекрасно, это моя работа. Но почему я должен запоминать свои мучения?

Аркадий пожал плечами, вышел из комнаты и закрыл дверь.

* * *

Изолирующая камера представляла собой цилиндр: в ширину, если вытянуть руки в стороны, я мог почти коснуться стен, а в высоту — встать в полный рост, не ударившись головой. В центре стоял металлический стул, он же при необходимости превращался в унитаз, если отодвинуть крышку сиденья; в потолке находилось вентиляционное отверстие, а в стене напротив двери — выдвижной ящик, где мне оставили немного еды на тот случай, если умру я не сразу. Не успел я сесть, как зашипела вентиляция.

— Сделайте несколько глубоких вдохов, — велел Аркадий по внутренней связи. — Постарайтесь дышать ртом, если не возражаете.

Я не возражал, потому что воздух, выходящий из вентиляционного отверстия, пах собачьим дерьмом.

Да и на вкус напоминал его же.

Примерно через минуту вентиляционное отверстие закрылось с громким щелчком.

— Спасибо, — сказал Аркадий. — Устраивайтесь поудобнее. Это может занять некоторое время.

Я с трудом подавил в себе желание сказать, что мне жаль доставлять ему столько хлопот и что я постараюсь умереть как можно быстрее.

Через несколько минут в крохотном окошечке в двери показалось лицо Нэши.

— Привет, — сказала она. — Как там у тебя дела?

Я скривился:

— Лучше всех. — Потом указал на ящик у меня за спиной: — Мне тут оставили перекусить.

Она улыбнулась:

— Повезло тебе. У нас из еды только паста из рециклера и вода.

Я повернулся, порылся в ящике, нашел протеиновый батончик и снял обертку.

— Круто, — сказал я, откусывая батончик. — Все лучшее — жертвенному борову.

— Агнцу, — поправила Нэша.

— Что?

— Жертвенному агнцу, Микки. В жертву приносят ягненка. Свины — нечистые животные. Их не посвящают богам. Их просто едят.

Я вздохнул.

— Какая разница, если и те, и другие все равно умрут.

* * *

Нэша честно попыталась. С тех пор, как мы впервые поцеловались, она, вероятно, знала, что рано или поздно ей придется смотреть, как я умираю, но когда спустя восемь лет с нашего знакомства это все-таки произошло, мне кажется, она просто

растерялась. Не знала, что делать, что чувствовать. Она так и простояла все четыре часа у окна, болтая со мной. Она говорила о том, как выглядит планета на обзорных экранах. О том, какой болван Аркадий. Пересказывала сюжет сериала о семье неприлично богатых придурков на Мидгарде, который когда-то смотрела.

Она говорила о том, чем мы с ней займемся, когда все закончится и я снова выйду из бака.

Я тоже пытался держаться, потому что пыталась она: я не хотел, чтобы из-за меня Нэше было еще тяжелее, чем сейчас. Однако через пару часов мне и самому сделалось нехорошо. Сначала я все списал на психосоматику: решил, что симптомы заражения неизвестным вирусом не могут проявиться настолько быстро, так не бывает. Вскоре, впрочем, стало ясно, что у меня и вправду поднялась температура. Аркадий вернулся задать несколько вопросов о моем самочувствии. Я сказал, что, по ощущениям, похоже на раннюю стадию гриппа. Он кивнул и снова ушел. Через три часа начался кашель. Через три с половиной часа я уже харкал кровью. Нэша к тому времени почти перестала со мной говорить, но по-прежнему не уходила и смотрела на меня через окно, прижав ладонь к стеклу рядом с лицом.

На отметке в четыре часа мне удалось набрать в грудь ровно столько воздуха, чтобы хватило выдохнуть: «Уходи». Я не хотел, чтобы Нэша видела, чем кончится дело.

Но она не сдвинулась с места. Когда все сомнения в происходящем отпали, Нэша, буквально выкручивая руки Аркадию, настояла на том, чтобы он выдал ей костюм биологической защиты и разрешил войти ко мне в изолятор. Сначала я пытался уговорить ее уйти. Но когда все стало настолько плохо, что в приступе кашля я сломал ребро и начал выплевывать куски легких, она взяла меня за руку, другой прижала мою голову к своему животу и говорила, говорила со мной, не переставая. То, что она сделала тогда, было так ужасно и так прекрасно, что, проживи я еще хоть тысячу лет, никогда не перестану быть ей благодарным.

После этого я прожил еще около часа. На будущее: если у вас будет выбор, каким образом уйти из жизни, постарайтесь избежать легочного кровотечения. Думаю, что обладаю экспертным мнением по этому вопросу. Не тот способ, которым стоит воспользоваться.

* * *

Я очнулся голый и весь в слизи, растянувшись на полу рядом с переносной цистерной, которую также спустили в посадочном модуле.

— С ума сойти, — проворчал я, выкашляв остатки жидкости из уже не кровоточащих легких. — Неужели даже кровати не заслужил?

Берк, мой дорогой друг из медцентра, швырнул мне полотенце.

— Вы были в дерьме с головы до ног, — сказал он. — Не хотелось стирать простыни.

Я кое-как, насколько сумел, стер липкую дрянь с тела и влез в выданный доктором серый комбинезон.

— Поешьте как следует, — посоветовал он. — Даю вам сутки, чтобы отдохнуть, а затем продолжим.

* * *

— Жесть, — сказала Нэша. — Это была жесть.

Я взглянул на нее. Мы сидели друг напротив друга за столом в общей гостиной. Она боялась посмотреть мне в глаза.

— Да, — согласился я, — не без этого. Спасибо, что оставалась со мной до конца.

Она уставилась в потолок, потом перевела взгляд на собственные руки — в общем, смотрела куда угодно, лишь бы не на меня.

— Микки... — начала она.

Я ждал продолжения, но довольно быстро понял, что его не будет, и тогда решил помочь Нэше соскочить с крючка, на который она сама себя поймала.

— Больше такого не делай, не надо, — попросил я. — Никому не следует смотреть, как тот, кого он...

— Любит, — подсказала она.

Я невольно улыбнулся. К тому времени мы были вместе уже восемь лет, но это слово прозвучало впервые.

— Не нужно больше наблюдать, как я умираю. Одного раза достаточно.

— Нет, — уперлась она. — Я буду с тобой. Ужасно умирать, пусть даже временно, когда рядом нет никого, кроме этого противного

Аркадия.

Я потянулся к ней через стол. Мы переплели пальцы.

— Все равно кто-то должен там находиться, — подытожила она. — Надо ведь следить, чтобы ты не сбежал.

* * *

Так случилось, что прошла почти неделя, прежде чем меня снова отправили в изолятор. Большую часть этого времени я провел с Нэшей. Иногда мы разговаривали, несколько раз играли в карты — она захватила с собой колоду с «Драккара», — но чаще просто обнимались. Больше заняться было нечем.

Четыре дня спустя Берк зашел в крошечный, отгороженный занавеской закуток, где я спал, заставил меня закатать рукав и сделал полдюжины инъекций иглами толщиной с обрезок водопроводной трубы. На половине процедуры пришлось поменять руку, потому что на левом плече уже наливался багровый кровоподтек. Когда я спросил о содержимом шприцов, Берк заявил, глядя мне в глаза, что не обязан объяснять подопытной морской свинке ход эксперимента. Я снова задал тот же вопрос, и он, хоть и закатив демонстративно глаза, все же ответил:

— Первые два укола — иммуностимуляторы. Остальные четыре — вакцины против микроорганизмов, убивших ваше предыдущее воплощение. Мы дадим бактериям два дня, чтобы они подействовали, а затем попробуем еще раз.

— Отлично, — сказал я. — Как думаете, на этот раз у меня появится шанс выжить?

Доктор посмотрел на меня, пожал плечами и отвернулся.

— Никогда заранее не угадаешь, — бросил он, а затем добавил, уже выходя за качнувшуюся за ним занавеску: — Но вряд ли.

* * *

Я не помню, что произошло с Микки-4. Знаю, что он скончался на руках у Нэши, как и Третий, потому что меня потом заставили

посмотреть запись с камеры видеонаблюдения. Но сам я ничего не помню, потому что первым делом, когда задраили дверь изолятора, Четвертый отсоединил провода сканирующего шлема и снял его.

— Ну здравствуйте, — нахмурился Аркадий. — Вы что делаете?

Микки-4 закатил глаза.

— А на что похоже?

— Наденьте шлем обратно, — велел Аркадий. — Вы нарушаете протокол.

Четвертый помотал головой:

— Извините, Аркадий. Если прививки подействуют, мы сможем сделать полную запись, как только вы меня выпустите отсюда. А если нет...

— А если нет, тогда мы потеряем ценные данные!

Микки снова возвел глаза к потолку.

— Какие ценные данные? Что за чушь вы городите? Мне не задали ни единого вопроса о том, что случилось с Третьим.

— Нам известно, что случилось с вашим последним клоном, Барнс. Он умер от обильного легочного кровотечения. Не о чем было расспрашивать. Но как быть, если с вами произойдет что-то более... интересное?

Четвертый смотрел на него сквозь маленькое окошко не меньше десяти секунд, а потом расхохотался.

— Интересное? — спросил он, отсмеявшись. — Интересное, значит? Вот что я тебе скажу, засранец. Если со мной здесь случится что-нибудь интересное, я обязательно дам тебе знать. Справедливо?

— Барнс! — рявкнул Аркадий. — Наденьте шлем. Немедленно.

Четвертый скрестил руки на груди и ухмыльнулся.

— Кстати, эти защитные костюмы такие ненадежные, — заметил он. — Стоит слегка зацепить — глядь, уже и дырка. Подумай об этом, а потом зайди сюда и попробуй меня заставить надеть чертов шлем.

* * *

Как потом выяснилось, с Четвертым не произошло ничего особо интересного. Он продержался намного дольше Третьего, более суток, прежде чем у него начали проявляться первые симптомы. Зато потом

микроб, убивший его, начал действовать стремительно. Сначала он полностью очистил желудочно-кишечный тракт: Микки-4 полоскало с обоих концов неудержимыми кровавыми потоками. Когда в ЖКТ не осталось жидкостей, начали отказывать печень и почки. Через тридцать два часа у клона развился сепсис, через тридцать шесть часов он потерял сознание. К сороковому часу Четвертый был мертв.

* * *

Я снова проснулся на полу. На этот раз меня ждали одиннадцать уколов.

— Ого, — восхитился я, — быстро-то как!

— Не так уж и быстро, — заметил Берк. — С последней попытки прошло восемь дней. Дуган велел не восстанавливать вас, пока мы не будем готовы к следующей серии прививок. Нет смысла переводить еду на расходника, который все равно скоро сыграет в бак, верно?

Он поставил мне уколы: четыре в правое плечо, три — в левое, остальные — в правое бедро.

— Кстати, — сказал доктор, закончив прививки. — Дуган велел передать: Маршалл требует, чтобы на этот раз вы надели шлем.

— Нет, — уперся я. — Не стану.

— Да-да, — кивнул он. — Командор ждал такого ответа. Поэтому также просил передать: если откажетесь, мы уполномочены бросать каждую последующую вашу версию в изолятор без всяких прививок, пока вы не начнете придерживаться программы эксперимента.

Потом он ушел и оставил меня голышом размышлять, сидя на бортике резервуара, что хуже: бесконечный круговорот мучений, о которых я даже не вспомню, или одна ужасная смерть, которая навсегда запечатлится в памяти.

* * *

В конце концов я надел шлем. Нэша снова пришла меня проводить. На этот раз она поцеловала меня, а потом крепко обняла и не отпускала, так что Аркадию пришлось оттаскивать ее силой.

— На этот раз все получится, — заявила она, когда я вошел в изолятор. — На этот раз ты выйдешь отсюда живым.

— А вы что скажете? — спросил я Аркадия, пока он подсоединял провода к шлему. — Получится или нет?

Он пожал плечами.

— Случались и более странные вещи.

* * *

Я провел день в камере и чувствовал себя прекрасно.

* * *

Спустя два дня я чувствовал себя прекрасно.

* * *

К третьему дню у меня начались перепады настроения, тело одеревенело от попыток заснуть в дурацком кресле, а запасы еды в ящике стремительно таяли. В остальном же я чувствовал себя прекрасно.

* * *

Утром восьмого дня Аркадий приказал мне раздеться догола, раскинуть руки-ноги, задержать дыхание и закрыть глаза. В течение следующих тридцати секунд меня несколько раз обработали спреем из различных едких и наверняка токсичных жидкостей.

— Теперь можете дышать, — сообщил Аркадий, когда душ иссяк. — Но глаза пока не открывайте.

Я зажмурился изо всех сил, но сквозь веки все равно пробивалось яркое до рези сияние дезинфицирующего ультрафиолета.

Цикл повторился трижды.

К тому времени, когда все закончилось, я был красным, как вареный рак, и мне казалось, что с меня живьем содрали кожу.

Но я был жив.

Я впервые сам вышел из изолятора.

— Одевайтесь, — велел Аркадий, — и идите в медпункт. Пока что я не могу дать гарантии, что вы вне опасности.

— Послушайте, — вмешалась Нэша, — а можно мне пойти с ним?

Аркадий долго смотрел на нее, потом отрицательно покачал головой:

— Не стоит. После обследования — пожалуйста, он весь ваш. А пока Барнс остается потенциальным источником заражения.

* * *

Результаты обследования были почти идеальными.

Почти.

Анализ крови, физический осмотр, посевы соскобов кожи и мазков из горла и носовых пазух вернулись чистыми. А напоследок мне сделали магнитно-резонансное сканирование всего тела.

— На всякий случай, — сказал Берк.

И случай не заставил себя ждать.

Я снова сидел в столовой напротив Нэши, которая потягивала протеиновый коктейль и в мельчайших подробностях рассказывала, что она собирается со мной сделать, когда ее снова допустят к телу, как вдруг она замолчала на полуслове и уставилась на кого-то у меня за спиной. Я оглянулся. Это был Берк. В руках он держал планшет.

— Уже обменялись телесными жидкостями? — поинтересовался он.

— Еще нет, — ответила Нэша. — Но собираемся.

— Уже нет, — сказал Берк. — Ваши планы отменяются.

Он развернул планшет так, чтобы нам обоим было видно экран. Там было изображение разрезанного пополам грецкого ореха: серое вещество, обернутое вокруг белого вещества, обернутого вокруг...

— Что это? — спросил я, заранее зная ответ.

— Это ваш мозг, — пояснил Берк.

— А это? — Нэша перегнулась через стол и ткнула пальцем в темный завиток в центре изображения. — Что еще за хрень?

— Опухоль, — сказал я. — У меня опухоль мозга, да?

— Нет, — покачал головой Берк. — Нет у тебя никакой опухоли и быть не может. Твоему телу без году неделя. Опухоли в мозгу так быстро не растут.

— Ладно, — согласился я, — тогда что это?

— Не знаю, — ответил доктор. — Это нам предстоит выяснить, а вам пока придется вернуться в изолятор.

* * *

Помните, я говорил, что не стоит умирать от легочного кровотечения? Тогда вот вам еще одно дополнение к списку смертей, которых следует избегать: не допускайте, чтобы ваш мозг съели гельминты.

Им потребовалось около месяца, чтобы прикончить меня, но в последнюю неделю от меня осталась практически пустая оболочка. Однако на второй и третьей неделе мне пришлось несладко. Все началось с головных болей, за ними последовали судорожные припадки, а там подоспело и прогрессирующее слабоумие. Под конец со мной стали разговаривать стены: они нашептывали, что Нэша на самом деле меня не любит, что все мои предыдущие воплощения ждут меня в аду, что паразиты так и будут без конца грызть мое тело, не позволяя мне умереть.

По меньшей мере последнее утверждение было ложью. Они позволили мне умереть.

Когда все закончилось, личинки полезли у меня изо рта, носа и ушей, готовые перейти к следующему этапу своего жизненного цикла. Мы так и не узнали, что это были за черви, потому что Аркадий полностью простерилизовал камеру, а мои останки сунул в бак, чтобы создать нового меня.

* * *

Вы, наверное, думаете, что после такого любая казнь, которую измыслил для меня Маршалл, меня уже не пугала.

Если вы и правда так думаете, знайте: все ровно наоборот.

Нас гонят по радиальному коридору к центру, выстроив в цепочку: охранник помельче идет впереди, следом за ним Нэша, Восьмой и я, а замыкает шествие крупный охранник. Пока мы спускаемся по центральной лестнице, у меня скручивает живот от внезапной мысли: а не ведут ли нас напрямиком к рециклеру? Похоже, у Нэши возник тот же вопрос, потому что, когда мы, не останавливаясь, минуем второй уровень, она говорит:

— Вы же понимаете, что не можете применить к нам какие-либо дисциплинарные меры до вынесения судебного решения?

— Ой, да ладно, — доносится сзади голос крупного охранника. — Радуйтесь, что после таких фокусов мы не сожгли вас на месте.

— Да пошел ты, — рычит Восьмой. — Ты что, унитарий?

— Да, — отвечает тот, — и Маршалл тоже. Вы, ребята, попали.

— Вот уж точно, — не оборачиваясь, роняет первый охранник.

— У нас светская колония, а не теократия, — возражает Нэша. — Вы не имеете никакого права сжечь нас на костре.

Охранник пожимает плечами:

— Это на усмотрение Маршалла.

Когда мы спускаемся на первый уровень, нас ведут не к рециклеру. И не в подвал, потому что его здесь просто нет. Насколько мне известно, и тюрьмы здесь нет. В итоге стражи приводят нас в свою служебку. Станный выбор, потому что там есть шкафчики, полные бронежилетов и оружия. И даже автомат самообслуживания с едой. Хоть сейчас поднимай вооруженное восстание, а потом хорошенько перекуси. Не слишком мудро со стороны службы безопасности.

— Ждите здесь, — говорит тот, что крупнее, прежде чем закрыть дверь. — Держите руки подальше от оружия и не вздумайте заказывать еду.

— А то что? — дерзит Нэша.

Он долго смотрит на нее, сокрушенно мотает головой и повторяет:

— Ждите.

Как только он уходит, Нэша решительно направляется к одному из оружейных шкафчиков и показывает сканеру свой окуляр. Индикатор на дисплее мигает красным.

— Ну и ладно, — говорит она. — Попытка не пытка.

— Мило, — замечает Восьмой. — И что ты собиралась делать, если бы шкафчик открылся?

Она пожимает плечами.

— С оружием в руках проложила бы путь к свободе, наверное.

А действительно, что мы сделали бы, сумей Нэша залезть в шкафчик? Вообще-то вопрос интересный. Мы даже не заперты на ключ. Пусть у нас нет возможности добраться до оружия, но мы можем сбежать. Или неожиданно напасть на первого из охранников, когда они вернутся за нами. Много чего можно сделать. Но что это нам даст? Купол — единственное место на планете, где у нас есть шанс выжить, а не погибнуть через несколько мгновений. Это наводит меня на мысль, что в каком-то смысле сам Нифльхейм — всего лишь огромная, холодная тюрьма.

Посередине комнаты стоит диван, возле него притулился журнальный столик. Восьмой плюхается на один конец дивана, запрокидывает голову и закрывает глаза. Через минуту я сажусь с другого конца. Нэша падает между нами, обнимает за плечи и притягивает к себе.

— Знаете, — говорит она, — если бы перед стартом с Мидгарда меня спросили, какой я вижу свою будущую смерть, казнь за сексуальные преступления даже в список не вошла бы.

— Никто тебя сегодня не казнит, — заверяет Восьмой, не открывая глаз. — У нас всего два атмосферных пилота, и ты один из них. Маршалл, конечно, найдет способ превратить твою жизнь в ад, но убивать не станет.

— Не знаю, — сомневается Нэша. — Может, сейчас он так и думает, но как он заговорит, когда я уюкошу Чен?

Восьмой пожимает плечами:

— Думаю, это зависит от того, удастся ли тебе представить ее смерть как несчастный случай.

Некоторое время мы молчим, сидя с закрытыми глазами и прислонившись головами друг к другу. Восьмой, наверное, прав: Нэшу командор не убьет. Но нас он точно казнит самым жестоким образом, и

во мне зреет нехорошая уверенность: когда из бака выйдет Девятый, его глазами буду смотреть уже не я, и корабль Тесея обречен.

Пошло все к черту. По крайней мере, я в хорошей компании.

Где-то через час возвращается мелкий охранник.

— Барнс, — зовет он, — на выход. — И, поморщившись, добавляет: — Оба. Аджайя, ты пока остаешься здесь.

Нэша все еще обнимает нас. Она целует Восьмого, потом тянется, чтобы поцеловать и меня тоже. Охранник резко отворачивается:

— Да что за фигня, Аджайя? Seriously, какого черта?

— Выкуси, — огрызается она.

Восьмой вздыхает и говорит ей:

— Знаешь, ты только хуже делаешь.

Наверное, он прав. Хотя с другой стороны, если оценивать наши шансы, хуже уже некуда. Мы с Восьмым встаем и выходим.

* * *

И снова охранник ведет нас не к рециклеру. Он открывает пятую дверь дальше по коридору, за ней находится комнатка размером с кладовку.

— Что тут такое? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— Кладовая.

Охранник заталкивает нас внутрь и закрывает дверь. В кладовке темно. Мой окуляр переключается на инфракрасное видение, но в настоящий момент я хочу только одного: немного поспать, поэтому переключаю его обратно, сажусь в углу и упираюсь лбом в колени. Я уже почти отключаюсь, когда открывается окно чата.

<Микки-8>: Т... пон... ешь?

Я снова перевожу окуляр в ИК-режим и смотрю на Восьмого. Он сидит в противоположном углу, сгорбившись, как и я. И всюю храпит.

<Микки-8>: Пон... ма... шь?

Тьфу. Да он отправляет сообщения во сне. Я моргаю и прерываю чат, отключаю окуляр и закрываю глаза.

* * *

Понятия не имею, сколько прошло времени, когда я просыпаюсь от луча света из открытой двери. За нами пришел новый охранник. Этого я знаю, его зовут Лукас. Я часто видел его на карусели во время перелета: он практиковал какое-то боевое искусство в очень медленном темпе. Я еще спросил его тогда: в чем смысл такой тренировки? Мне-то казалось, что в бою побеждает тот, кто оказывается быстрее противника. Лукас улыбнулся, покачал головой и перешел к следующему упражнению.

Лукас всегда казался мне порядочным человеком, и сейчас он не слишком рад, что ему приходится иметь с нами дело.

— Привет, Микки, — говорит он. — Похоже, у вас неприятности.

— Да, — отвечает Восьмой. — Мы так и поняли.

— Что стряслось, братцы? Как вас угораздило стать мультиклоном?

— Долгая история, — говорю я. — А если кратко, во всем виноват Берто.

Лукас смеется.

— Я мог бы и догадаться. Гомес — это что-то с чем-то. Никогда не мог понять, почему ты проводишь с ним столько времени.

— Да, — говорит Восьмой, — в последнее время я и сам об этом задумывался.

— Ну что ж, — вздыхает Лукас, — поднимайтесь, парни. Большой босс желает вас видеть.

* * *

— Господи, Барнс, — цедит Маршалл. — Вопреки всему, я до последнего отказывался верить.

Я не решаюсь спросить, вопреки чему именно.

Мы с Восьмым у него в кабинете, сидим на тех же маленьких стульях, на которых мы с Берто сидели пару дней назад. Похоже, за прошедшие двое суток настроение у командора несколько не улучшилось.

— Послушайте, сэр, — говорит Восьмой, — конечно, ситуация выглядит паршиво, но это еще не конец света. Я понимаю, нас не должно быть двое, но вы знаете, что мультиклонирование произошло

ненамеренно. И в определенном смысле это даже неплохо. Колония и так балансирует на грани выживания, а от нас двоих в два раза больше пользы. Как ни крути, мы нужны вам. Лучше спустить это дело на тормозах.

Маршалл пунцует на глазах. Пару секунд он молча перекачивает желваки, а потом вскакивает и бьет кулаками по столу.

— Слушай сюда, выродок проклятый! Мне насрать, намеренно или ненамеренно! Забудем о том, что вы украли у колонии семьдесят килограммов жизненно важного кальция и белка, а мы и без того находимся на грани голодной смерти. Отбросим даже тот факт, что один из вас должен был вернуться в рециклер в ту же чертову секунду, когда вы осознали, что стали мультиклоном. Но ради всего святого, Барнс, вы же спали друг с другом! Я не... да у меня...

Командор захлебывается словами, умолкает и падает обратно в кресло. Сделав глубокий вдох, закрывает глаза и медленно выдыхает. А когда снова открывает глаза, лицо у него пустое и невыразительное, как у манекена.

— Вы чудовища, — говорит Маршалл тихим ровным голосом, — и вы оба отправитесь в рециклер. Единственный смысл этого обсуждения заключается в поиске ответа на два вопроса: имеет ли право на существование ваша девятая версия и следует ли вместе с вами уничтожить Аджайю.

У Восьмого отваливается челюсть, а у меня глаза чуть ли не вылезают из орбит.

— Сэр, пожалуйста, — бормочет Восьмой.

— Нэша не знала, — перебиваю я. — Точнее, не знала до тех пор, пока я не застал ее с Восьмым, а почти сразу после этого за нами явилась охрана. Не надо ее наказывать, сэр. Она ни в чем не виновата.

— Я уже побеседовал с Аджайей, — возражает Маршалл. — Она утверждает, что знала. С ее слов, она еще два дня назад поняла, что вас двое. А также прямым текстом заявила: чем бы она с вами обоими ни занималась, это не мое чертово дело, после чего посоветовала мне засунуть мою ущербную унитарийскую мораль себе в задницу. — Он ненадолго прерывается, чтобы сделать еще один глубокий очищающий выдох. — Если бы она не была одним из двух наших квалифицированных боевых пилотов и если бы колонии в настоящее

время не угрожала война с враждебно настроенными местными разумными существами, ее бы уже не было в живых.

— Подождите, — настораживается Восьмой. — Какая война?

— Трофей, который вы принесли с вылазки, — поясняет Маршалл, — оказался не вполне живым организмом. Те, кого вы называете ползунами, на самом деле являются продуктом гибридных технологий. Мы заподозрили это еще в тот раз, когда они уничтожили металлический настил в главном шлюзе, а исследование образца только подтвердило наши подозрения. Сейчас мы находимся в состоянии войны, а значит, мне придется всерьез поразмыслить над тем, как поступить с Аджайей. — Он откидывается на спинку кресла, зажмуривается и сжимает пальцами переносицу. — К счастью, с вами у меня нет таких проблем. — Он подзывает Лукаса, который все это время ждал у двери. — Отведите их, пожалуйста, в камеру. Мне нужно переговорить еще с несколькими людьми. А с ними разберемся, когда я закончу.

* * *

Забавно: оказывается, тюрьма у нас все-таки есть.

* * *

— Что ж, — говорит Восьмой, — это были неплохие два дня.

Я встаю и делаю два шага от скамьи до кровати. До того, как нас сюда бросили, я и понятия не имел, что в колонии имеется камера для содержания заключенных. Видимо, о ней не знали и охранники, которые вытащили нас из моего отсека, иначе они не рискнули бы оставить нас в служебке, да еще рядом с торговым автоматом. Однако вот она, камера: стандартная комнатка два на три. Единственная разница между ней и жилыми отсеками в куполе состоит в том, что дверь запирается снаружи.

Насколько я могу судить, мы первые преступники, заключенные под стражу с того момента, как экспедиция покинула Мидгард.

— Похоже, наш первоначальный план был верным. — Я падаю на кровать, вытягиваюсь в полный рост и закрываю глаза. — Тебе следовало столкнуть меня в люк для трупов, пока была такая возможность. По крайней мере, ты сунул бы меня головой вперед.

— Да, — соглашается Восьмой. — Пожалуй, ты прав. Как думаешь, он и правда убьет нас обоих?

— Похоже.

Некоторое время мы просто молчим. Странно: в каком-то смысле поимка даже принесла облегчение. С тех пор, как я вошел к себе в отсеk и обнаружил в собственной постели Восьмого, вымазанного липкой дрянью, у меня в животе поселился животный страх. Я знал, что мы не сможем хранить нашу тайну вечно, и боялся того, что случится, когда правда выйдет наружу. Теперь, когда оно случилось и мне примерно понятно, как будут развиваться события, я чувствую себя намного спокойнее. На самом деле мне почти удается задремать, когда Восьмой снова подает голос.

— Командор грозился, что не станет создавать Девятого. Неужели он и правда решится? Колонии в любом случае нужен расходник.

Я открываю глаза и лениво поворачиваю голову, чтобы взглянуть на Восьмого.

— Думаешь, Маршаллу не наплевать?

Он начинает отвечать, но обрывает сам себя и мотает головой:

— Нет. Наверняка нет.

Я снова закрываю глаза.

— Есть вопрос получше: какая нам разница?

— Что ты имеешь в виду?

Вздыхнув, я сажусь и поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты — не я, Восьмой. Разве это не очевидно?

Он гипнотизирует меня взглядом не меньше пяти секунд, прежде чем произносит:

— И что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что все сведения, которые Джемма вдалбливала нам в голову на станции «Гиммель» — по крайней мере, относительно бессмертия, — чушь собачья. Вот так. Последние шесть недель и есть моя единственная жизнь, а последние два дня — твоя, и другой у нас нет и не будет. Мы чертовы бабочки-поденки, и когда Маршалл столкнет нас в люк для трупов, мы умрем по-настоящему и навсегда.

Меня не волнует, вытащит командор из бака Девятого или нет, потому что Девятый все равно не будет мной. Он будет каким-то посторонним парнем, который начнет спать в моей постели, есть мой паек и распоряжаться моими вещами.

Восьмой отчаянно мотает головой:

— Нет. Я на это не куплюсь. Вспомни корабль Тесея. Вспомни определение личности у Канта. Если Девятый думает, что он — это я, и все вокруг тоже считают, что он — это я, и нет никакой возможности доказать, что он — это не я, тогда Девятый и есть я. А что касается твоей пламенной речи, то именно из-за подобных рассуждений и запретили создание мультиклонов.

Я воздеваю глаза к потолку.

— Создание мультиклонов запретили потому, что Алан Маникоба попытался наводнить собой всю Вселенную.

— Как скажешь. — Он сидит на скамейке с закрытыми глазами, сгорбившись и обхватив себя руками.

Время идет. Я задремываю и просыпаюсь, снова проваливаюсь в сон и просыпаюсь опять. Восьмой по-прежнему сидит на скамейке, но теперь спина у него прямая, глаза полуприкрыты, руки сложены на коленях. В какой-то момент мне в голову приходит мысль, что я вот так и просплю последние часы своей жизни, но даже это почему-то оставляет меня равнодушным.

В конце концов со щелчком открывается замок и дверь распаивается. В комнату входит охранник по имени Гаррисон. Он невысокий и худенький, огнемета при нем нет, и на долю секунды у меня мелькает дурацкая идея прыгнуть на него, сбить с ног, выскочить из камеры и убежать.

Вот только куда? Идиотизм.

— Привет, — говорит Гаррисон. — Кто из вас Седьмой?

Я смотрю на Восьмого. Тот пожимает плечами. Я со стоном сажусь на кровати и поднимаю руку.

— Отлично, — кивает он. — Идем.

Я встаю. Восьмой улыбается уголком губ.

— Увидимся на том свете, брат.

— До встречи, — отзываюсь я.

Мы оба знаем, что для нас тот свет — всего лишь чья-то кружка протеиновой пасты. Но по крайней мере, Восьмой вроде бы простил

меня за то, что я разрушил его иллюзию бессмертия. Охранник отступает и жестом велит мне выйти в коридор. И я повинуюсь.

Рециклер находится на нижнем уровне в центре купола. Довольно быстро становится понятно, что мы направляемся не туда. Тем временем мы доходим до кабинета Маршалла, и я опять задумываюсь, не удастся ли мне все-таки прожить еще несколько часов.

И только когда Гаррисон стучит в дверь, до меня доходит: возможно, командор просто хочет застрелить меня собственноручно.

— Входите, — говорит Маршалл.

Дверь распахивается, и Гаррисон машет мне рукой. Я прохожу мимо него. Дверь за мной закрывается.

— Садитесь, — говорит Маршалл.

Я трясую головой:

— Спасибо, я постою.

Он вздыхает, несколько раз моргнув налитыми кровью глазами.

— Как вам угодно, Барнс. — Командор откидывается на спинку кресла, складывает руки на коленях и устремляет взгляд на меня. — Я поговорил с Гомесом. И хочу, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно об этих тварях.

— О каких тварях, сэр? Вы имеете в виду ползунов?

— Гомес уверяет, вы обнаружили какую-то... туннельную систему? Он решил, что вы там погибли, но вам явно удалось найти выход, верно?

Я киваю:

— Именно это и положило начало путанице, сэр. Берто сообщил, что я пропал без вести, а к тому времени, когда я вернулся под купол, Восьмой уже выбрался из бака.

Маршалл останавливает меня взмахом руки:

— Меня сейчас не это волнует, Барнс. Меня беспокоят туннели. Их там быть не должно. Наши орбитальные исследования показали, что вся область геологически стабильна. Здесь нет ни вулканической деятельности, ни разломов в земной коре, ни гор, ни осадочных пород. Словом, ничего такого, что могло бы объяснить обширную систему пещер.

— Согласен, сэр, — говорю я. — Я подумал то же самое.

— Правильно подумали. И каковы ваши впечатления от нахождения там, внизу? Были пещеры похожи на естественное

геологическое образование? Или они показались вам... искусственно созданными?

Я медлю в нерешительности. Насколько откровенно стоит рассказывать? Как отреагирует командор, узнав о существовании огромных ползунов, которые при желании смогут с легкостью прогрызть стены купола?

Вообще-то тут и думать нечего. Я знаю, как отреагирует командор. Маршалл уничтожил бы всех ползунов, будь у него такая возможность.

А если учесть, что он контролирует двигатель звездолета, возможность эту командор вполне способен изыскать.

Интересно, а колонистов на Роаноке тоже посещали подобные мысли?

— Туннели не показались мне естественными, сэр. Они выглядели так, будто их проложили намеренно.

Он сводит брови к переносице.

— Понятно. И когда вы планировали этим с кем-нибудь поделиться?

Я молчу. Очевидно, он и так знает ответ. После нескольких секунд неловкого молчания Маршалл отмахивается от собственного вопроса:

— Ладно. Учитывая ваши обстоятельства, я могу понять нежелание докладывать о случившемся. Вы видели там что-нибудь живое?

Вот он, момент истины. Я вспоминаю гигантского ползуна, который несет меня по туннелю и выпускает на волю в саду. Вспоминаю видения с чеширской ухмылкой гусеницы шелкопряда.

Я думаю о Дугане, которого утянули под снег.

Я думаю о Роаноке.

Я закрываю глаза, делаю вдох, выдох.

И рассказываю командору все.

Восьмой вскидывает голову, когда открывается дверь. Увидев меня, он чуть не роняет челюсть.

— Привет, — говорю я. — Соскучился?

Гаррисон снова запирает нас. Я сажусь на кровать. Восьмой склоняет голову набок:

— Объяснишь?

Я пожимаю плечами:

— Похоже, сейчас Маршалла больше беспокоят ползуны, которые могут сожрать колонистов, чем наличие среди нас мультиклона-извращенца.

— Ха, — откликается Восьмой. — На удивление разумно.

— Не пойми меня неправильно: я не говорю, что командор не собирается нас убивать. Он все еще обдумывает эту мысль. Я рассказал ему, что со мной случилось в туннелях. Думаю, это его напугало.

— А что с тобой случилось в туннелях? Мне ты так и не рассказал.

— Скажем так, я не удивился, когда Маршалл сообщил, что ползуны — разумные существа. И к твоему сведению, те, которых мы видели, это еще цветочки. Там, внизу, есть такие огромные ползуны, что они могут проглотить флиттер целиком, и еще останется место для десерта.

— И они владеют военными технологиями.

— По всей видимости.

— И мы переходим на военные рельсы.

— Так говорит Маршалл.

Он наклоняется вперед, упирается локтями в колени и трет лицо обеими руками.

— Плохо, Седьмой. Мы не готовы к наземной войне с технологически развитым видом разумных существ. Нас всего сто восемьдесят.

— Сто семьдесят шесть. Пятерых мы потеряли, и один добавился — ты.

Восьмой хмуро смотрит на меня исподлобья:

— Неважно. Нам следовало выяснить обстановку до спуска колонистов на планету.

Он имеет в виду, что мы могли уничтожить ползунов бомбардировками с орбиты. Заранее устроить геноцид, прежде чем подвергать себя опасности.

Мне приходится напомнить себе, что Восьмой — это я, только младше сознанием на шесть недель. Тогда почему меня так ужасают его слова? Неужели ползуны настолько задурили мне голову?

— Это тоже неважно, — отвечаю я. — Раньше мы не знали, а теперь уже слишком поздно что-то предпринимать.

Он откидывается назад и скрещивает руки на груди.

— Ой ли?

Ну вот и все, приехали. Может, и не поздно. Как я уже говорил, Маршалл имеет в своем распоряжении всю мощь двигателя звездолета. Возможно, у нас больше нет преимущества удаленного нахождения на орбите, зато нам все еще доступно безумное количество энергии.

— В общем, как бы ни повернулось дело, — говорю я, — нас здесь все равно уже не будет, так что и волноваться не о чем.

— Не знаю, не знаю, — замечает Восьмой. — Он ведь нас еще не убил, верно?

Я снова ложусь на кровать, закидываю руки за голову и закрываю глаза.

— Не переживай, брат. Скорее всего, отсрочка временная.

* * *

По непонятной причине, дожидаясь в тюремной камере решения командора и надеясь, что, если дело дойдет до рециклера, у Маршалла по крайней мере хватит порядочности сначала убить меня, я ловлю себя на мыслях о Шестом.

Как вы уже знаете, я не помню всех своих смертей. Четвертый отказался выгружать сознание перед смертью, а про бытность Вторым я вообще не помню. Но точно знаю, что случилось с обоими. Я смотрел записи их кончины с камер видеонаблюдения. Честно говоря,

до сих пор не уверен, что хуже: помнить собственную смерть или смотреть ее на видео. А вот Шестой... Мне казалось, я знаю, как он погиб. Берто сказал, что Шестого разорвали ползуны.

Берто также сказал, что меня самого разорвали ползуны.

И со всей очевидностью продемонстрировал, что в любых вопросах, касающихся меня и моей смерти, ему доверять нельзя.

И теперь мне интересно: а Шестого он тоже бросил в туннелях? Просто, в отличие от меня, бедолаге так и не удалось выбраться наружу? Если мне когда-нибудь снова представится шанс увидеть Берто, я выжму из него правду.

Даже если сам после этого сдохну.

Я все еще думаю о Берто, когда перед окуляром открывается окно чата.

<Микки-8>: П... нима... яс... о?

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Восьмого.

— Хорош уже, — говорит он. — Опять ты за свое?

<Микки-8>: Пр... ем? Пони... те?

Я сажусь.

— Что ты делаешь, Восьмой?

— Я? Это ты что делаешь! Что за тарабарщина?

Я качаю головой:

— Это не я. Я думал, ты текстишь во сне.

На лице у него вместо раздражения проступает конфуз.

— А такое бывает? Все равно как говорить во сне?

— Почему бы и нет?

<Микки-8>: По... им... те? Сл... те?

Моргнув, я закрываю окно.

— Если это не ты и не я, то кто?

Восьмой пожимает плечами:

— Видимо, какой-то глюк. В системе не предусмотрены два пользователя с одинаковыми никами. Может, сеть пытается объединить наши адреса.

— Ой, перестань, — бросаю я, — не выдумывай. Ты знаешь о сети не больше моего, а я понятия не имею, насколько правдоподобна такая ситуация.

— Вот что я тебе скажу, — говорит Восьмой. — Если Маршалл сбросит тебя в трупосборник, а меня еще на некоторое время оставит в

живых — ну а вдруг? — я понаблюдаю, будут ли по-прежнему поступать эти псевдосообщения. Получится интересный эксперимент.

Я вздыхаю.

— Спасибо, Восьмой. Ты настоящий друг.

* * *

К этому времени у вас могло сложиться впечатление, что все ранее предпринятые попытки основать колонии с треском проваливались. Конечно, это далеко не так. Я заостряю внимание на неудачах только потому, что голова у меня была забита исключительно ими с того самого момента, как мы вывели корабль на орбиту Нифльхейма. Однако попыток, увенчавшихся оглушительным успехом, было в тысячу раз больше. Взять, к примеру, хотя бы мир Бергена.

Когда прибыл первый колониальный корабль, мир Бергена был покрыт джунглями от полюса до полюса. На планете было два континента, огромный и поменьше, раскинувшихся в обе стороны от экватора к полюсам и омываемых теплыми голубыми океанами. Еще там были целая куча маленьких, заросших зеленью островов, богатая кислородом и углекислым газом атмосфера и биосфера, которую иначе как буйной не назовешь. Там не водились ни разумные существа, ни угрожающе крупные хищники, но животные были быстрыми, сильными и агрессивными, деревья умели передвигаться и питались плотью, а микроорганизмы оказались ужасно адаптивными, заразными и вездесущими.

Командование сбросило с орбиты небольшую исследовательскую группу, просто чтобы осмотреться на местности.

Несмотря на доспехи и мощное оружие, десант не протянул и дня.

Негостеприимство места поставило командование мира Бергена перед непростым выбором. Как я уже упоминал, колонисты не могут быстренько упаковать вещи, сняться с места и отправиться искать другую планету, когда корабль уже обосновался на орбите. Поэтому будущие поселенцы выбрали единственный доступный вариант.

Они стерилизовали меньший континент. Просто выжгли его к чертовой матери до скального основания.

Теперь это красивое место. Практически рай, судя по тому, что я читал.

Так что не надо думать, будто каждый раз, когда мы высаживаемся на новую планету, мы погибаем.

То есть, конечно, кто-то почти всегда погибает.

Но не обязательно мы.

* * *

Время близится к полудню, когда дверь открывается снова. На этот раз пришел другой охранник — крупный темнокожий парень с чисто выбритой головой. Его зовут Тонио. Я почти уверен, что вчера в кафетерии именно он ткнул в меня электрошокером.

— Подъем, — приказывает он. — На выход.

— Который из нас? — спрашивает Восьмой.

— Оба.

Я смотрю на Восьмого. Он пожимает плечами. Мы встаем и выходим.

Забавная штука надежда. Четыре часа назад я вышел из камеры, думая, что меня ведут в рециклер. И мне не было страшно. Я знал, что должно случиться, и знал, что ничего не могу с этим поделать. Когда смиряешься с неизбежным, на душу нисходит покой.

На этот раз, когда мы выходим из камеры, я жду, что нас отведут в кабинет Маршалла, чтобы продолжить разговор о ползунах. Ничего подобного. Мы минуем нужный коридор и продолжаем шагать. Сердце трепещет, а кишки скручиваются в тугую ноющий узел.

Теперь мы действительно направляемся к рециклеру.

Когда мы приходим, нас там уже ждут Маршалл с Нэшей, Кошкой и еще двумя охранниками. Последние вооружены огнеметами.

Люк для сброса биологических отходов открыт. На металлической поверхности танцуют крошечные искорки.

— Итак, — говорит Маршалл, — прежде чем мы начнем, у меня к вам есть несколько вопросов.

— Фу-ты ну-ты, — бормочет себе под нос Восьмой.

Командор зло прищуривается:

— Простите?

— Слушайте, Маршалл, — говорит Восьмой. — Я вас знаю. Я убиваю себя по вашему приказу вот уже девять лет. Вы, в целом, приличный человек. Допустим, по большей части вы держитесь так, будто аршин проглотили, но вы же не злодей из дешевой видеодрамы, поэтому я не понимаю, с чего вдруг сейчас вы пытаетесь изображать одного из них. Вы не желаете, чтобы в вашей колонии болтались мультиклоны? Отлично. Убейте одного из нас и сбросьте в яму. Все, проблема решена. Или убейте обоих и достаньте из бака нового, если вам так угодно. Просто сделайте уже что-нибудь, и хватит тянуть резину.

— Ладно, — говорит командор, — вижу, мне стоит внести ясность. Если вы оба сегодня окажетесь в яме, то ни один из вас уже не будет восстановлен. Вашу личность сотрут с сервера, как и шаблон вашего тела. Вас ожидает не очередная прогулка в бак, Барнс. Вас ожидает смертный приговор.

Восьмой трясет головой:

— Ерунда! Вы же сами говорили, Маршалл. Сейчас на этой планете сто семьдесят шесть человек. Колония едва жизнеспособна. Вы не можете лишиться единственного расходника.

— Это правда, — соглашается Маршалл и расплывается в сдержанной улыбке. — А вот то, что вы единственный в нашей колонии человек, который желает и может выполнять роль расходника, — неправда. Фактически, капрал Чен любезно вызвалась занять ваше место, как только в этом возникнет необходимость.

Восьмой открывает и закрывает рот, не в силах произнести ни слова. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть на Кошку и ее приятелей из службы безопасности. Двое незнакомых мне охранников прямо встречают мой взгляд, держа пальцы на спусковых крючках огнеметов, но моя бывшая напарница упорно смотрит в пол.

— Кошка?

— Прости, Микки, — говорит она, не поднимая глаз. — Ничего личного. Все для блага колонии.

У меня из горла вырывается резкий лающий смех.

— Благо колонии! Точно. Так вот что ты имела в виду прошлой ночью, когда спрашивала меня о бессмертии? Похоже, теперь ты получила ответ на свой вопрос?

Она встречается со мной взглядом. На лице у нее написана такая мука, что мой гнев мгновенно остывает.

— Пожалуйста, Микки. Я не хотела, чтобы... так вышло.

— Ты сделала все для того, чтобы так вышло, Кошка.

Из уголка ее глаза вытекает слеза и ползет по щеке.

— Прости, — говорит Кошка. — Я просто...

— Заткнись! — взрывается Нэша. — Seriously, Чен, просто заткнись.

— Хватит, — приказывает Маршалл. — Не нужно делать вид, будто речь идет о предательстве, Барнс. Насколько я понимаю, Чен оказалась в курсе вашей... ситуации благодаря вашим действиям, а не своим. Как только это случилось, она обязана была доложить командованию. В противном случае она сейчас стояла бы рядом с вами, ожидая своей очереди в рециклер. Более того, ее решение добровольно заменить вас никак не влияет на вашу дальнейшую судьбу. Если я решу уничтожить вас обоих, мы либо найдем добровольца, который вас заменит, либо назначим кого-то в приказном порядке. — Командор делает паузу и ждет, пока до всех дойдут его слова, после чего продолжает: — Однако сейчас важно другое: у вас еще имеется возможность избежать казни.

Наступает полная тишина. Позади нас один из охранников с громким щелчком снимает с предохранителя огнемет. Восьмой подает голос первым:

— Что мы должны сделать?

— Ничего необычного, — говорит Маршалл. — Чтобы не попасть в яму, вам достаточно выполнить свой долг. У меня есть для вас миссия.

Я закатываю глаза к потолку.

— Полагаю, такая, в результате которой мы оба погибнем?

Маршалл поворачивается ко мне, и его улыбка превращается в усмешку.

— Хотите перечитать заново свою должностную инструкцию, мистер Барнс?

Я вздыхаю:

— Выкладываете.

И он выкладывает.

Антиматерия, если вам интересно, — потрясающая штука.

Если ее не трогать, она ведет себя как обычная материя. Если бы во время Большого взрыва образовалось чуть больше антивещества и чуть меньше нормальной материи, у нас сейчас была бы абсолютно функциональная вселенная из антивещества. Однако этого не произошло. В результате мы имеем нормальную материальную вселенную, и когда в нее попадает антивещество, начинает твориться черт знает что. Постулат, что при взаимодействии обычной материи и антивещества можно получить чистое преобразование массы в энергию, не совсем верен: это зависит от того, какие именно частицы взаимодействуют, каковы были их энергетические состояния до столкновения и в какой среде происходит контакт. Словом, на выходе можно получить что угодно — от гамма-всплеска до массивного выброса субатомных частиц, рикошетирующих вокруг на околосветовой скорости.

И Первый, и Второй с удовольствием поведали бы, что живому организму даже близко не захочется испытать такое на себе.

Антивещество открыли еще на Старой Земле, задолго до времен Диаспоры, когда «Чжэн Ши» не существовал даже в виде чертежей в чьем-нибудь автокаде. Однако долгое время исследователями антиматерии двигало простое любопытство. Тогда еще не придумали, как синтезировать и сохранять ее хоть в сколько-нибудь значительном количестве. Все изменилось в одночасье. Могу поспорить, подавляющее большинство людей будет утверждать, что именно метод Чугункина и стал тем уникальным научным прорывом, который непосредственно привел к созданию Диаспоры.

В основном, конечно, потому, что антиматерия абсолютно необходима для межзвездных путешествий. Ни одно вещество, открытое нашими физиками до настоящего времени, не содержит столько энергии в компактной форме, чтобы она позволила разогнаться до скоростей, необходимых для преодоления пропасти между звездами. Тем не менее даже в ином случае — если бы, например, подтвердилась одна из концепций перемещения с помощью

нерактивных двигателей, с которыми ученые игрались до открытия Чугункина, — вполне вероятно, что Диаспора все равно не возникла бы без технологии производства антивещества в огромных количествах.

Теперь вам, должно быть, ясно, что во многих смыслах снаряжение миссии для основания колонии является лишь актом отчаяния. Это дорого, вероятность провала очень велика, и даже если миссия увенчается успехом, планета, на которую отправляются колонисты, скорее всего, будет значительно хуже того места, откуда они прилетели, как минимум на протяжении жизни нескольких поколений. Чтобы совершить такой пространственный прыжок, надо либо стремиться к чему-то великому, либо спастись от чего-то ужасного. Древние микронезийцы, например, бежали от истощившихся природных ресурсов и голода.

То, от чего бежали мы, — Война пузырей.

Банальная истина: каждое новое технологическое изобретение в истории человечества в первую очередь всегда использовалось на благо сексуально озабоченных. Печатный станок? Несколько Библий, дальше порнография. Антибиотики? Идеально подходят для лечения ЗППП. Окуляры? Не заставляйте меня рассказывать, для чего их впервые начали использовать. Однако крупномасштабное производство антивещества резко выбивалось из этой модели. В стремительно расширяющемся облаке высокоскоростных кварков и глюонов даже близко нет ничего сексуального.

Вторая область, где применяются любые новые технологии, — это, конечно, война.

В военных испытаниях антивещество зарекомендовало себя прекрасно.

Справедливости ради стоит заметить, что наши предки действительно потратили секунд десять на размышления о применении антиматерии в генерировании энергии и межзвездных перелетах, прежде чем переключились на способы ее использования в целях превращения собратьев-противников в радиоактивную пыль. Однако я полагаю, что основная причина заключалась в другом: до изобретения магнитного монополярного пузыря не существовало практического способа использовать антивещество в качестве орудия геноцида. Из антиматерии нельзя сделать бомбу по тому же принципу,

как изготавливают, например, термоядерные бомбы. Ее ядро, содержащее антивещество, должно быть полностью изолировано от любого взаимодействия с обычной материей, пока не придет время ее взорвать, а в отсутствие пятитонного магнита, создающего поле, и вакуумной камеры, чтобы его удерживать, это довольно сложно реализовать.

Пузырь из магнитного монополя изящно разрешил проблему военных. Как объяснила мне Джемма, каждый пузырь представляет собой своего рода узелок в пространственно-временном континууме, причем внутренняя и внешняя поверхности этого узелка, по сути, существуют в разных вселенных. Заверните в такой пузырек чайную ложку антивещества — и получите гигантское количество потенциальной энергии, хранящейся в компактной и относительно безопасной в обращении упаковке. Так на «Драккаре» содержалось топливо. Когда корабль переходил в режим ускорения, постоянный поток монополярных пузырьков, наполненных антивеществом, перетекал из камеры хранения в реактор, где они смешивались с пузырьками противоположной полярности, заполненными нормальным веществом.

Затем все пузыри попарно схлопывались. Происходила аннигиляция материи, и двигатель толкал корабль вперед.

Вы, наверное, уже поняли, к чему я веду.

Пузырьковая бомба — элементарная вещь. Достаточно упаковать кучу монополярных пузырьков с антивеществом в простейшее устройство доставки. Когда это устройство взрывается над целью, пузырьки дрейфуют по ветру, разлетаясь в стороны за счет взаимного магнитного отталкивания. По прошествии определенного времени они лопаются.

В зависимости от площади рассеивания и конкретного типа антивещества, которое помещено в пузырь, результат варьируется от взрыва, пробивающего дыру в стратосфере, до ливня из жесткого излучения и квантовых частиц, убивающего в целевой области все живое вплоть до вирусов, оставляя при этом здания и всю инфраструктуру полностью нетронутыми.

Именно это привлекло внимание военных стратегов на Старой Земле. К тому времени у них давным-давно имелось термоядерное оружие, но они так и не придумали разумного способа его

использовать — разве что для апокалиптического массового самоубийства. Проблема заключалась в следующем: если сбросить количество бомб, достаточное для сокрушительного удара, отдача окружающей среды в виде выпадения радиоактивных осадков, загрязнения стратосферы, затяжного фонового излучения и так далее привела бы к уничтожению не только вашего противника, но и его соседей, а также соседей их соседей, пока, сделав круг, обратка не настигнет ваше ближайшее окружение и вас самих. И это при условии, что у противников нет собственного арсенала Судного дня, который они могут сбросить вам на голову — и, вероятно, так и сделают, раз уж вы первые начали.

Пузырьковая бомба решила все эти проблемы. Правильно собранная и сброшенная, она позволяла зачищать обширные территории противника практически без побочных эффектов. Бомбы можно было сделать маленькими и легкими, доставляя их настолько незаметно, что противник узнавал о факте бомбардировки только в момент гибели. Можно было уничтожить всё и вся, а затем сразу же приступить к делу, захватив власть при желании хоть на следующий день. Даже трупы не придется убирать, потому что после взрыва не останется жизнеспособных бактерий, которые приведут к гниению тел. С точки зрения военных, это было идеальное оружие.

С точки зрения обычного человека, это, конечно, был кошмар.

Не стоит сбрасывать со счетов и контекст: в то время, когда все это происходило, Старая Земля переживала глобальный экологический кризис. Плотность населения была почти в сто раз выше, чем сейчас на Эдеме, а там она в тысячу раз превышает среднюю плотность населения большинства планет Диаспоры; промышленность и сельское хозяйство, в отличие от наших, были намного менее эффективны и загрязняли окружающую среду. В результате земляне практически задыхались от собственных отходов. В течение нескольких сотен лет они изменили химию атмосферы до такой степени, что целые регионы планеты, бывшие когда-то густонаселенными, стремительно становились непригодными для жизни, и там возникали серьезные проблемы с поставками продовольствия и воды.

Добавьте к этому политическую раздробленность: на Старой Земле существовало почти двести независимых государственных

образований, заявлявших суверенные права на ту или иную часть планеты. И вот внезапно появляется оружие, которое позволяет одному из этих образований полностью уничтожить население другого, а затем перебраться на свежезачищенную территорию. Понятное дело, ситуация сложилась хуже некуда.

Записки о Войне монопольных пузырей, вероятно, представляют собой не слишком надежный источник, поскольку они почти полностью составлены теми людьми, которые первыми нанесли мощный удар и, следовательно, выжили. Однако есть ряд фактов, которые мы знаем наверняка. В общей сложности война длилась менее трех недель. В ней участвовало менее десятка независимых государств. И закончилась она лишь после того, как все существующие на планете запасы антивещества были исчерпаны.

Но, что важнее всего, после войны больше половины населения Старой Земли или умирало, или уже погибло, а тогда население Земли и составляло все человечество.

Большинство историков считают, что запуск «Чжэн Ши», произошедший всего через двадцать лет, явился ответной реакцией на Войну пузырей. Чем еще можно объяснить создание Диаспоры? Чем еще можно объяснить решение покинуть единственную планету во всем творении, предназначенную нам самой эволюцией, — планету, которая не требовала терраформирования, прививок и войн с другими разумными существами, — ради таких мест, как Нифльхейм? Жителям Земли стало ясно: если человечество останется на месте, люди в конечном счете перебьют друг друга. И они почти наверняка не ошиблись: никто не слышал ни звука со Старой Земли уже более шестисот лет.

Единственной надеждой на выживание в долгосрочной перспективе была экспансия.

Кроме того, человечество сообразило, что Диаспора будет бесполезна при наличии оружия из антивещества. С самого начала создания Альянса Старую Землю подвергли остракизму, и на данный момент неизвестно, остался ли там кто-нибудь в живых. Нам приятно думать, что мы отличаемся от прежних людей, что мы более просвещенные и развитые.

Но это неправда. В конце концов, жители Альянса ничем не отличаются от жителей Старой Земли. Люди до сих пор спорят друг с

другом. Люди до сих пор периодически вступают в конфронтацию.

Но только без применения антивещества. Это твердое и непреложное табу, которое укоренилось в наших душах даже глубже запрета мультиклонирования, а его придерживается каждая планета Альянса.

Если вы нарушите запрет на использование антиматерии и об этом прознают соседи, они имеют полное право отправить вам «Пулю».

— Это то самое место? — спрашивает Берто из кабины.

Дверь отъезжает в сторону, я смотрю вниз. Мы парим над расселиной, похожей на любую другую расселину в этом богом забытом месте. Неужели здесь я и провалился?

— Может быть, — говорю я. — Кто знает?

— Будем считать, что да, — решает Берто.

Подвесная лебедка отматывает два метра троса.

Восьмой поднимает с пола рюкзак и пристегивается.

— Увидимся внизу, — говорит он и шагает в пустоту.

Когда трос разматывается до конца, я беру свой рюкзак. Он не настолько тяжелый, как я ожидал.

Трудно поверить, что в нем заключена разрушительная сила, способная стереть с лица земли целый город.

Вскоре лебедка начинает сматывать трос назад. Но когда показывается конец троса, я все еще в нерешительности.

— Слушай, Берто, — говорю я. — Прежде чем я спущусь вниз, будь любезен, проясни мне одну вещь. Что на самом деле случилось с Шестым?

Берто вздыхает.

— Его забрали ползуны, Микки. Я тебе и в первый раз так сказал, когда ты спросил, выйдя из бака.

— Что-то не верится, — замечаю я. — Ты тогда сказал, что его съели ползуны, помнишь?

— Я не говорил, что они его съели, — возражает Берто. — Я сказал, что они его забрали. Ты сам решил, будто послужил ползунам пищей. Шестой работал в другой расселине, недалеко отсюда. Как я уже говорил, они вылезли из-под снега. Но они его не разрывали на части, а просто утащили в яму. Прошло пятнадцать минут, прежде чем я потерял сигнал. Последние десять минут передаваемый текст был бессвязным. У меня сложилось впечатление...

— Какое? — спрашиваю я.

— Я почти уверен, что они поступили с Шестым точно так же, как и мы с тем ползуном, которого вы притащили, — поясняет Берто. —

Разобрали его на части, чтобы посмотреть, как он устроен.

— Они взяли его окуляр, — говорю я. — Взяли мой окуляр!

— Возможно, — соглашается Берто. — Хотя вряд ли сумели придумать, что с ним делать.

Всего два дня назад я бы с ним согласился. Но теперь?

— Ты солгал мне, — говорю я. — Солгал командованию. О том, что ползуны разумны, ты, видимо, догадался раньше меня. За сокрытие такой информации тебя могли отправить на переработку, Берто. О чем ты только думал?

Он не отвечает. Я жду целых десять секунд, затем качаю головой и берусь за трос.

— Я испугался, — признается Берто.

Я поворачиваюсь к нему. Он прячет глаза.

— Чего ты испугался? — удивляюсь я. — Пока не сфальсифицировал отчет, ты не сделал ничего плохого. В том, что случилось со мной, ты не виноват.

— Нет, — говорит он, — я боялся не командования. А этих долбанных ползунов. Наверное, я мог бы тебя спасти. Вытащить из той расщелины. Я даже смог бы спасти Шестого, если бы быстро приземлился, а потом включил ускоритель. Но я этого не сделал. Не сделал, потому что струсил.

И внезапно все обретает смысл.

— А ты же у нас Берто Гомес, — говорю я, — тот парень, который способен пролететь на флиттере сквозь трехметровую щель между скалами на скорости двести метров в секунду. Ты ничего не боишься.

Он вздыхает и кивает.

— А ты не боялся пойти на риск, что тебя сбросят в рециклер, потому что ты не смог признаться мне, Маршаллу... и даже самому себе в том, что струсил?

Берто отворачивается к приборной панели.

— Тебя ждет Восьмой, Микки.

— Знаешь, — говорю я, — если хоть один из нас выберется и станет Девятым, первым делом я набью тебе морду.

Ему нечего на это сказать.

Я пристегиваюсь и выхожу.

— Ну, что думаешь? — спрашивает Восьмой, когда я отстегиваюсь вниз. — Это то место?

Я оглядываюсь вокруг. Дно расселины примерно шесть метров в ширину. С обеих сторон над нами нависает тридцать метров льда. На полпути к стене изо льда торчит валун, немного похожий на голову обезьяны.

— Да, — говорю я. — Думаю, это здесь. Хотя точность вряд ли важна. Я почти уверен, что тут вся местность изрыта ходами. Даже если провал не тот, через который я спускался раньше, просто нужно найти другой вход в туннели.

Трос сматывается, и спустя несколько мгновений мы слышим гул гравитации, когда шаггл Берто улетает прочь. Мы начинаем идти. За первым же валуном я вижу край пролома. Судя по всему, в последние несколько дней снега выпало не так много, чтобы засыпать яму.

— Вот, — говорю я. — Тут я и провалился.

Мы подходим к краю и заглядываем в крутой наклонный туннель с каменными стенами диаметром чуть больше метра.

— Здесь вполне можно спуститься, — замечает Восьмой.

— Слушай, — говорю я, — нам не стоит этого делать.

Он поворачивается ко мне:

— Думаешь, найдем более удобный спуск?

— Нет, — говорю я. — Я не это имею в виду. Я имею в виду задание. Мы не должны его выполнять.

— Нет, должны, — возражает он.

— Ползуны — разумные создания, — объясняю я и показываю большим пальцем на рюкзак у себя за спиной: — А это пахнет военным преступлением. Если Мидгард узнает о наших проделках, из колонии сделают следующий Голт.

У нас в рюкзаках, по сути, две пузырьковые мини-бомбы: в обеих по пятьдесят тысяч крошечных порций антивещества из запасов топливного хранилища «Драккара», каждая из которых изолирована в магнитном монопольном пузырьке. Когда мы их выпустим, они разлетятся вокруг, словно блуждающие огоньки.

В конце концов пузырьки схлопнутся.

От такого багажа за спиной меня продирает озноб.

— Я знаю, что они разумны. — Восьмой пожимает плечами. — Именно поэтому мы и должны их уничтожить. Используй мы оружие

против людей — это сочтут военным преступлением, а на плацдарме все средства хороши. Наши терраформирователи при необходимости зачищали целые континенты, чтобы подготовить место для колонии. Тебе это известно. — Он садится на край ямы и наклоняется вперед. — Дашь мне руку, а? Тогда я дотянусь до первого уступа, не так высоко прыгивать.

— Один из них спас меня, — говорю я.

Он поднимает взгляд.

— Что?

— Два дня назад, — поясняю я, — когда я заблудился в этих туннелях, а Берто записал меня в покойники, меня спас один из ползунов. Поднял и отнес почти к самому куполу. Выпустил меня на волю.

— То есть ты хочешь сказать, — говорит Восьмой, — что во всех наших с тобой проблемах виноваты ползуны?

Хм. Можно, конечно, и так взглянуть на нашу ситуацию, почему бы и нет.

— Как бы то ни было, — заявляет Восьмой, — теперь это не имеет значения. Ты слышал командора. Если мы откажемся, то отправимся в рециклер с концами. Маршалл сотрет нашу личность с сервера, и гребаная Чен займет наше место. — Он сползает немного ниже и снова заглядывает вниз. — И знаешь что? Думаю, я и сам справлюсь. — Он упирается руками в противоположные края отверстия и повисает, болтая ногами. — Увидимся внизу.

Восьмой прыгивает и исчезает из виду.

Я стою и долго смотрю в провал. Наверное, я мог бы уйти — побродить по снегу, а потом отщелкнуть замки на шлеме и покончить с этим.

Но что изменится? Командор пошлет Берто или Нэшу отыскать мое тело, заберет рюкзак с бомбой и пошлет в туннели Девятого, если Восьмому не удастся довести дело до конца.

В конце концов у меня пищит окуляр.

<Микки-8>: Спускайся, Седьмой. Дело не ждет.

Я вздыхаю, ту же затягиваю ремни на рюкзаке и прыгиваю вслед за Восьмым.

— Нам лучше разделиться, — предлагает Восьмой. — Отойти друг от друга как можно дальше, а затем одновременно нажать на пуск. Так мы обеспечим максимальную площадь поражения, а заодно не придется беспокоиться, что взрыв одной из бомб запрет схему рассеивания второй.

— Восьмой, — начинаю я, но он мотает головой:

— Нет. Ничего не хочу слышать. Иди давай. Держи голосовой канал связи открытым и дай мне знать, когда будешь готов. А если встретишь своего тогдашнего приятеля... — Он отворачивается. — Ну, извинись перед ним, что ли, я не знаю. Скажи, мол, ничего личного.

Я еще долго стою и смотрю, как рассеивается за ним тепловой след, хотя Восьмой давно уже скрылся в одном из боковых туннелей. Может, я жду, что он вернется. Но он не возвращается. В конце концов я тоже выбираю туннель, поправляю рюкзак на плечах и шагаю вперед.

* * *

— Седьмой, ты там?

— Здесь я.

— Кажется, в туннелях пусто. Что-нибудь видишь?

— Нет. Но все время что-то слышу.

— Да, я тоже. Как будто кто-то скребется за стенами, да?

— Ага. Думаю, это наши друзья.

— По-твоему, они знают, что мы здесь?

Я возвожу глаза к сводам туннеля, хотя он этого и не видит.

— Это их дом, Восьмой. Если бы один из ползунов забрался в купол, мы бы тоже мигом его обнаружили.

Молчание затягивается, и я уже начинаю думать, что связь оборвалась.

— Думаешь, они знают, для чего мы здесь?

* * *

Проходит десять минут. Я стою на перекрестке, пытаюсь решить, двинуться мне по наклонному спиральному лазу вверх или вниз, когда мигает экран коммуникатора. В левом верхнем углу поля зрения застывает неподвижный кадр. Это вид сверху на широкую глубокую пещеру.

Каждый квадратный метр ее дна покрыт ползунами.

Теми, что поменьше: это они утянули под снег Дугана и прогрызли пол главного шлюза.

Их там, наверное, тысячи.

Десятки тысяч.

— Седьмой! Седьмой, ты это видишь?

— Вижу, — говорю я. — Восьмой, послушай... — начинаю я и умолкаю.

Что тут скажешь? Я вспоминаю паука, которого выпустил в бабушкином саду много лет назад. А если бы он снова забрался в дом, стал бы я его снова спасать или просто задавил бы, и дело с концом?

А если бы я обнаружил целое гнездо, десятки и сотни пауков, и понял, что они решили основать у нас колонию?

— Восьмой!

Он не отвечает.

— Восьмой? Ты еще там?

И тогда я понимаю, что Восьмой уже мертв.

Что теперь? Я понятия не имею, в какой стороне он был и на каком расстоянии от гнезда ползунов нахожусь я сам.

Не знаю, успел ли он запустить бомбу, прежде чем его схватили.

Туннели представляют собой замкнутый лабиринт. Я могу находиться за много километров от того места, где умер Восьмой, или оно окажется за следующим поворотом.

Можно попытаться найти его.

Или взорвать заряд и покончить с этим.

Я закрываю глаза, берусь за шнур, активирующий бомбу, но не решаюсь дернуть.

Мысленным взором я вижу костер: он горит задом наперед, всасывая дым и превращая пепел в дрова.

Потом я вижу шелкопряда. Однако он больше не улыбается. Глаза сощурены, рот сжался в тонкую жесткую линию.

И тут передо мной раскрывается окно чата.

<Микки-8>: Поним... ешь?

Я открываю глаза.

Что-то движется в темноте.

Оно заполняет собой почти весь туннель.

<Микки-8>: Ты меня понимаешь?

Я моргаю, провожу языком по зубам и судорожно сглатываю. Руку я держу на спусковом шнурке.

<Микки-8>: Да, я тебя понимаю.

<Микки-8>: Ты Первый?

А вот теперь не понимаю. Ползун приближается. Обе пары жвал широко раззявлены. Это ведь угрожающая поза — или нет? Я непроизвольно делаю шаг назад и крепче сжимаю шнур.

<Микки-8>: Ты Первый?

Я мотаю головой. Идиотизм: даже если бы ползун понимал человеческий язык тела, у него, вероятно, нет глаз.

<Микки-8>: Мы уничтожили твоего Второго. Ты исходник?

Исходник? Второй?

Он говорит о Восьмом.

Теперь я могу дернуть шнурок.

Могу, но не дергаю.

Вместо этого я совершаю прыжок веры.

<Микки-8>: Да, я исходник.

Голова ползуна опускается к полу туннеля, и челюсти медленно закрываются, сначала внутренняя, затем внешняя.

<Микки-8>: Я тоже Первый. Поговорим?

И мы начинаем говорить.

Среди сотен миров, составляющих Альянс, есть лишь один, где людям и местным разумным существам удается мирно сосуществовать. Это одинокая карликовая планета, вращающаяся вокруг газового гиганта, который, в свою очередь, вращается вокруг звезды спектрального класса М в дальнем конце спиральной галактики, на расстоянии почти в двадцать световых лет от ближайшей колонии. Миссия, которая привела туда наших людей, была самым длинным в истории человечества благополучно завершившимся межзвездным прыжком. Поселенцы назвали планету Лонгшот^[11].

Но это еще не вся история.

Аборигены Лонгшота — головоногие моллюски, обитающие на деревьях. Я смотрел видеоролики, на которых они прыгали с ветки на ветку, меняя на лету цвет и настолько умело сливаясь с окружающей средой, что как следует разглядеть их можно было только в инфракрасном спектре. Основная масса коренного населения сосредоточена на центральных плоскогорьях единственного континента планеты. К моменту прилета корабля с колонистами там были высоко развиты науки и искусства, однако в плане достижений материальной культуры моллюски находились примерно на той же стадии развития, что и люди до появления сельского хозяйства. Было высказано много предположений, почему все сложилось именно так. Вот вам лучшее объяснение из всех, что я читал: единственная причина, по которой мы научились делать копья, строить дома, летательные аппараты и космические корабли, заключается в том, что люди не умеют быть просто животными.

А вот коренным жителям Лонгшота быть обычными животными удавалось прекрасно. Они полностью освоили окружающую среду, обойдясь без всяких орудий. Высадку колонистов они просто-напросто проигнорировали, потому что плацдарм находился на берегу, в сотнях миль от их гор. А колонисты, в свою очередь, проигнорировали туземцев, поскольку те были застенчивы и жили очень кучно, к тому же оказались почти невидимками, так что в течение первых двадцати

лет после основания колонии люди и понятия не имели, что на планете живет кто-то еще.

Историки не слишком распространяются на тему, почему на Лонгшоте встреча двух разумных рас закончилась иначе, чем все остальные. Но у меня есть своя теория: к тому времени, когда люди и моллюски наконец столкнулись друг с другом, колонисты уже неплохо обжились на планете и перестали непрерывно ждать подвоха и чего-то бояться.

Время. Время — вот ключ ко всему.

Нам просто нужно время.

Уже во второй раз по причинам, которых я по-прежнему не понимаю и, вероятно, никогда не пойму, я выбираюсь живым из туннелей ползунов под низкое зимнее солнце.

По меркам Нифльхейма, стоит прекрасное утро. Небо ярко-охристое с легкими мазками синевы; солнце превратило снежную равнину между горами и куполом в сверкающее поле бриллиантов. Я делаю глубокий вдох, подтягиваю рюкзак и иду.

Снегу навалило по колено, отдельные сугробы доходят до пояса, и даже в ребризере я не могу вытянуть из атмосферы Нифльхейма столько кислорода, сколько требуют мои усталые мышцы. Поэтому, пока я преодолеваю по глубокому снегу оставшийся километр до периметра, у меня есть масса времени, чтобы разыграть в уме, каким образом все обставить. Сначала я думаю сообщить о своем возвращении. Я даже открываю окно чата, но потом соображаю, что лишь спровоцирую Маршалла на попытку меня остановить. Если он отдаст приказ, сбросят ли Нэша или Берто плазменную бомбу мне на голову?

Нэша не стала бы. Я в этом совершенно уверен. А вот Берто...

К тому же я не знаю, что произойдет с упакованной смертью у меня за спиной, если мой приятель не решится послушаться приказа.

Наверное, для всех будет лучше, если мы никогда этого не узнаем.

Я прокладываю маршрут так, чтобы выйти как можно точнее посередине между двумя вышками. Я бы хотел подобраться к куполу вплотную, прежде чем меня заметят, но, поскольку колония находится в состоянии повышенной готовности из-за возможного вторжения ползунов, надеяться на удачу не стоит. Так и получается: я все еще нахожусь в ста метрах от ограждения, когда оживают две ближайšie вышки. Вспыхивают прожекторы вокруг их оснований, сверху выдвигаются огнеметы и, вращаясь, берут меня на прицел.

— Не стреляйте! — предупреждаю я по общему каналу связи, хватаясь правой рукой за спусковой шнур. — Пожалуйста. Не вынуждайте меня взорвать бомбу. Я этого не хочу.

Огнеметы не задвигаются обратно, но и не стреляют. Спустя тридцать секунд, которые для меня растягиваются на добрые часы, в ухе раздается голос Маршалла:

— Снимите рюкзак, Барнс. Осторожно поставьте его на снег и отойдите.

Рука на шнурке начинает дрожать, и мне приходится подавить смехок, изо всех сил рвущийся наружу.

— Вот уж нет, — говорю я, когда мне удается совладать с голосом. — Не дождетесь.

Связь прерывается, на этот раз почти на минуту. Когда канал снова оживает, я слышу в голосе Маршалла еле сдерживаемую ярость.

— Вы который из двух?

— Седьмой, — говорю я. — Микки-семь.

— А где Восьмой?

— Мертв.

— Он активировал свою бомбу?

— Нет, — говорю я. — Не успел.

Связь снова прерывается. Я бросаю взгляд на ближайшую из двух вышек. По центру разгорается тускло-красное свечение. Раньше я никогда такого не видел.

Думаю, просто мне раньше не доводилось заглядывать в дуло готового к работе огнемета.

Что произойдет, если по мне откроют огонь? В случае с ручным огнеметом, уверен, мне хватило бы времени дернуть за шнурок перед смертью, даже если бы в меня стреляли в упор. Но с этой громадиной?

Неважно. Даже если я погибну мгновенно, у меня может случиться судорога. Командор не станет так рисковать.

Или станет?

Я обдумываю этот вопрос, когда открывается окно чата.

<КрасныйЯстреб>: Микки, какого черта ты вытворяешь?

Ну что ж. По крайней мере, он сейчас не в кабине флиттера и не готовится сбросить на меня бомбу.

<Микки-8>: Привет, Берто. Не ожидал меня увидеть?

<КрасныйЯстреб>: Микки, я серьезно. Ты спятил? Чего ты хочешь добиться?

<Микки-8>: Пришли ко мне Маршалла. Нам нужно поговорить.

<КрасныйЯстреб>: ...

<Микки-8>: Берто, я не шучу. Пусть командор идет сюда.

<КрасныйЯстреб>: Брось, Микки. Ты же знаешь, что этого не будет.

<Микки-8>: Спорим, что будет, Берто.

<КрасныйЯстреб>: Снимай рюкзак, Мик. Его содержимое... грозит военным преступлением. Ты сам сказал. Если дернешь за шнур, разом убьешь всех людей, оставшихся на этой планете. А ты этого не хочешь.

<Микки-8>: Да, припоминаю, что поначалу так и думал. Я не хочу убивать тебя... хотя нет, как раз тебя я хочу убить. Но я не хочу убивать Нэшу, Кошку и даже этого засранца Тонио из службы безопасности. Я не хочу никого убивать — никого, кроме тебя, и то не точно. Я хочу переговорить с Маршаллом с глазу на глаз. Пусть выходит.

Окно резко закрывается, и мне только и остается, что опять созерцать жерла огнеметов на вышках.

Меня заставляют проторчать на морозе почти целый час, глядя на тусклое красное свечение, в то время как холод сквозь все слои защитного костюма добирается сначала до поверхности кожи, потом до мышц и наконец до костей. Вот вам непреложная истина: если достаточно долго стоять на одном месте без движения при минусовой температуре, то в конечном итоге все равно промерзнешь до костей, и неважно, сколько слоев высокотехнологичной термосберегающей одежды на вас надето. Примерно через сорок минут я ловлю себя на мысли: пусть бы они уже плюнули и открыли по мне огонь — тогда я хотя бы умру в тепле.

Но они этого не делают. Вместо этого, когда я почти решаюсь выдернуть шнур и покончить со всем разом, в находящемся на расстоянии двухсот метров от меня куполе открывается запасной шлюз, и оттуда появляется Маршалл.

Во всяком случае, я так думаю. Сложновато узнать его из-за ребризера, шлема и нескольких слоев зимней одежды. Однако рост подходящий, а следом из шлюза выходят два охранника в полной боевой экипировке, так что к тому времени, когда вся процессия выбирается наружу, я уже не сомневаюсь, что передо мной командор. Я открываю канал голосовой связи.

— Да ладно! Скажите на милость, Маршалл, для чего вам охрана? Вы уже наставили на меня две пушки. Сколько еще огневой мощи вам понадобится, чтобы справиться со мной одним?

— Меня сопровождают офицеры службы безопасности, — отвечает он дрожащим от ярости голосом, — поскольку я подозреваю, что вы могли устроить засаду.

Я едва удерживаюсь от смеха.

— Засаду? Из кого?

— Мы находимся в состоянии войны, — сообщает Маршалл. — И по непонятным мне причинам вы, похоже, переметнулись на сторону врага.

Мне нечего на это сказать, поэтому я молча жду, дрожа от холода, пока командор проберется ко мне через снежную целину. Он останавливается в десяти метрах от края периметра. Охранники замирают на полшага позади.

— Ладно, Барнс, вот он я, — говорит Маршалл. — Делайте то, ради чего явились.

Интересно, чего он от меня ждет? Что я сделаю условный взмах рукой, вызывая из-под снега армию ползунов, которые набросятся на него и растерзают в клочья? На секунду я вправду подумываю крикнуть, якобы подавая сигнал, просто чтобы посмотреть, как Маршалл себя поведет, но охранники держат наготове лучевые ускорители и, вероятно, здорово нервничают. Не самое подходящее время для шуток.

— Я не выполнил ваше задание, — говорю я. — Не дернул за шнурок.

— Вижу, — кивает Маршалл. — А ваш... друг?

— Вы имеете в виду Восьмого?

— Да, Восьмого. Он активировал свое устройство?

— Нет, — говорю я. — Как я уже сказал, он не успел. Его убили раньше, чем он сориентировался.

— Понятно, — снова кивает Маршалл. — И что произошло с его бомбой?

— Она у ползунов.

Молчание, наступившее после моих слов, тянется целую вечность.

— А они понимают, что за устройство попало к ним в... лапы? — наконец спрашивает командор. В его голосе слышится страх, которого раньше не было.

— Да, — отвечаю я. — Понимают.

— Откуда вы знаете? — спрашивает Маршалл.

— Потому что я сам рассказал им, что это и как оно действует.

Маршалл поворачивается к охраннику, стоящему слева от него:

— Убейте его.

— Сэр?

Это Кошка. Я должен был узнать ее даже в бронескафандре. Маршалл поднимает трясущуюся руку и показывает на меня:

— Этот человек предал нашу колонию, капрал Чен. Он предал Альянс. Он предал человечество. Я уверен, что жить нам осталось считанные часы, а то и минуты, но прежде, чем наше время истечет, я хочу увидеть его мертвым. Убейте его.

— Не лучшая идея, — замечает головорез, стоящий с другой стороны. По-моему, это Лукас, но по связи трудно узнать голос. — У него в рюкзаке пузырьковая бомба, сэр.

— Послушайте, — говорю я. — Мне пришлось рассказать ползунам, чем они завладели. В противном случае они могли попытаться разобрать бомбу, чтобы понять, как она устроена. А если бы они это сделали...

— Если бы они это сделали, — перебивает Маршалл, — проблема решилась бы сама собой.

— Только если они не решили бы взорвать ее под куполом, — возражает Кошка. — На их месте я бы так и поступила.

— Неважно, как поступили бы вы, — отмахивается командор. — Не имеет значения, какие еще оправдания придумал для себя Барнс. Этот человек вступил в сговор с врагом во время войны. Нет большего преступления.

— А как насчет геноцида? — интересуюсь я. — Это тоже серьезное преступление. И вы ведь в курсе, что вовсе не сговор с врагом заставил людей покинуть Старую Землю. Не говоря уже о том, что здесь никакой войны нет.

Маршалл поворачивается ко мне:

— Вы, чудовище! Эти твари убили пятерых моих людей! Черт, они дважды убили вас, Барнс. Мы тоже их убивали. Если это не война,

то что тогда?

Я мотаю головой:

— Вы мыслите как человек. У ползунов другое мнение. Похоже, они не слишком разбираются в индивидуальной жизни. Насколько я могу судить, разум у них коллективный. Их совершенно не волнуют убитые нами ползуны, и они не понимают, почему мы горюем о людях, которых они забрали под землю. Ползуны не в силах осмыслить идею, что уничтожение нескольких вспомогательных элементов целого является актом агрессии. По их мнению, до сих пор мы лишь обменивались информацией.

— Вспомогательных элементов? — удивляется Кошка.

— Да, — киваю я. — Это наиболее точный перевод того, как они сами называют маленьких ползунов, которых мы видели возле купола. Они всего лишь части разумного целого, а не сами разумные существа. Они предполагали, что у людей все устроено так же.

— Отлично, — говорит Кошка. — Но ты хотя бы попытался их в этом разубедить?

— Конечно, попытался. Они на удивление хорошо владеют языком, если учесть, что все известные им слова они почерпнули из моих сообщений, но поскольку у них в сознании не укладывается человеческая концепция, перевод тут мало чем поможет. Во всяком случае, они извинились.

Кошка пытается сказать что-то еще, но Маршалл перебивает ее:

— Довольно! Молчать, Чен, или, ей-богу, отправитесь с ним за компанию в трупосборник.

— Я лично не собираюсь отправляться в трупосборник, — сообщаю я.

— Соберетесь, куда денетесь. Если только мы еще раньше не взлетим на воздух, я вам гарантирую, что сброшу вас в рециклер, и меня совершенно не волнует, будете ли вы в тот момент живы или мертвы. Рано или поздно вам придется снять рюкзак, Барнс, и как только вы это сделаете, я сам всажу в вас полную обойму.

— Не хочу критиковать ваши методы, сэр, — замечает Лукас, — но вы только провоцируете в нем желание убить нас всех на месте.

Маршалл поворачивается, смотрит на него, затем на Чен и снова переводит взгляд на меня.

— Вы не можете меня убить, — заявляю я. — Как бы вам этого ни хотелось. Я ваш единственный связной, а у ползунов теперь, как и у нас, есть бомба из антиматерии.

— Спасибо, — говорит командор. — Спасибо вам, Барнс. Всех нас подставил, ублюдок.

Я качаю головой:

— Не я придумал отправиться в их туннели со смертельным оружием, и не моя вина, что они захватили Восьмого до того, как он успел активировать бомбу. Это на вашей совести, Маршалл.

— Но вы могли спасти ситуацию, — возражает он. — Если бы вы просто выполнили свою чертову работу, сейчас все было бы кончено. Вы расходник, но при этом жалкий трус, который боится умереть.

Я со вздохом закрываю глаза. Когда я их снова открываю, Кошка и Лукас взяли оружие на плечо.

— Все может быть, — говорю я. — Может, я боялся умереть... а может, не хотел устраивать геноцид, выполняя ваш приказ. Я понимаю, вы считаете, что мне следовало просто дернуть за шнур, убить ползунов и умереть самому, но я этого не сделал, и теперь нам нужно двигаться дальше. На Нифльхейме есть еще один вид разумных существ, и вы только что собственноручно вручили им оружие из антивещества. Вы отчаянно нуждаетесь в налаживании дипломатических отношений, а в настоящее время я единственный дипломат на этой планете. Вы все еще думаете, что мое убийство в данный момент отвечает хоть чьим-то интересам?

Маршалл буравит меня взглядом долгих тридцать секунд. У него дрожат руки, и сквозь щиток ребризера я вижу, как перекачиваются желваки на скулах, но он не произносит ни слова. В конце концов, развернувшись на пятках, командор марширует обратно к шлюзу. Кошка и Лукас стоят и смотрят ему вслед, не двигаясь с места.

— Ну что теперь? — спрашиваю я, когда за Маршаллом закрывается внешняя дверь шлюза. — Мир?

Кошка оглядывается на Лукаса. Он отворачивается и смотрит на ближайшую вышку. Пока мы прослеживаем его взгляд, огнемет гаснет и задвигается на место.

— Да, — говорит Кошка. — Думаю, да. Во всяком случае, пока.

Она протягивает мне ладонь в перчатке. Я отпускаю шнур, за руку притягиваю Кошку к себе и крепко обнимаю.

— Прости меня, — бормочет она, и у нее в голосе слышатся слезы.

— Да чего уж там, — утешаю ее я. — Все в порядке, Кошка. Ты сделала то, что должна была сделать.

Мы стоим так еще несколько секунд, пока она наконец не замечает:

— Странно обниматься в доспехах.

Тут она права.

Я отпускаю ее, и мы все втроем возвращаемся под купол.

* * *

Я снова лежу на кровати у себя в отсеке, закрыв глаза и закинув руки за голову, и уже почти засыпаю, как вдруг меня накрывает осознание, что Восьмой — умер. Это полная бессмыслица. Даже если не брать в расчет, что ему все равно пришлось бы исчезнуть, если я собирался выжить, и что по большей части он здорово меня бесил, да и знал я его всего пару дней... дело совсем в другом. Разве он может по-настоящему умереть, если он — это я, а я — это он? Все равно что оплакивать свое отражение, разбив зеркало.

Впрочем, неважно, кого я оплакиваю, его или себя. А может, все то, что накопилось в душе с той минуты, как я провалился в проклятую дыру, вдруг ринулось наружу, но факт остается фактом: только что все было нормально, а секунду спустя я уже горько, некрасиво и совершенно безутешно рыдаю.

Не знаю, сколько это продолжается, но, как только я начинаю успокаиваться, кто-то стучит в дверь.

— Входите, — говорю я, спускаю ноги с кровати на пол и вытираю лицо почти чистой лицевой стороной рубашки. Когда я поднимаю глаза, Нэша закрывает за собой дверь.

— Привет, — ласково говорит она. — С возвращением.

— Спасибо. — Я двигаюсь, чтобы освободить место, и она садится на кровать рядом со мной. — Извини, на этот раз я один.

Она смеется, обнимает меня одной рукой и кладет голову мне на плечо.

— Как погиб Восьмой, не слишком ужасной смертью?

Я пожимаю плечами:

— Не знаю. Мы разделились. Похоже, он нашел... что-то вроде гнезда. Тысячи ползунов копошились друг на друге на дне огромной пещеры. Он прислал мне картинку, и сразу после этого сигнал оборвался. — Я чувствую, что Нэша дрожит, прижимаясь ко мне. — Думаю, он погиб мгновенно. Он ведь собирался взорвать бомбу. Что бы там ни случилось, смерть застала его врасплох, если он даже не успел дернуть шнур.

Конечно, я не могу утверждать наверняка. В конце концов, Восьмой был мной. Может, в последнюю минуту он передумал. Успевал активировать бомбу, но предпочел этого не делать.

Нэша шмыгает носом, потом смеется.

— Прости, — говорит она. — Я даже не понимаю, что должна сейчас чувствовать.

Я обнимаю ее за талию. Вздохнув, она поворачивается и заваливает меня на кровать.

— Знаешь, — говорит она, положив голову мне на грудь, — Маршалл пытался заставить меня уничтожить твоих приятелей прицельной бомбардировкой.

— Правда? — спрашиваю я, уже закрывая глаза. — И что ты ему ответила?

Она снова тихо смеется и закидывает на меня ногу.

— Сказала, что если твои сведения верны, то ползуны живут в толще скальной породы на глубине более ста метров и в нашем арсенале просто нет такой мощной бомбы, которая могла бы их достать. Максимум, что они почувствуют после такой бомбардировки, — что на потолке закачалась люстра и посыпалась штукатурка. А злить их понапрасну — далеко не лучшая идея.

— Умно выкрутилась. Как он это воспринял?

Она проводит рукой мне по груди, потом гладит по щеке, приподнимает голову за подбородок, чтобы поцеловать меня в губы.

— Да как обычно.

Нэша снова ложится. Не проходит и минуты, как она засыпает. Меня тоже вот-вот сморит сон: последние несколько дней поспать толком ни разу не удалось. Я закрываю глаза и оказываюсь в своем сне о гусенице шелкопряда. Мы снова на Мидгарде, сидим по разные

стороны горящего задом наперед костра, наблюдаем, как дым спиралью спускается с ясного черного неба.

— Это конец, — произносит шелкопряд, — или начало?

Я отрываю взгляд от огня.

— Теперь ты умеешь говорить?

— Я всегда умел говорить. Это ты не умел меня понять.

Я пожимаю плечами. Наверное, так и было.

— Думаю, и то и другое, — отвечаю я на его вопрос. — Надеюсь, что и то и другое.

Кажется, мой ответ его устраивает. Мы сидим у костра в дружеском молчании, пока мало-помалу шелкопряд не истаивает в воздухе.

Когда я просыпаюсь, Нэши уже нет. Но она оставила сообщение на моем планшете: «Я сегодня на вылете. Увидимся, когда вернусь?»

Вопрос вызывает у меня улыбку. Я встаю с постели, быстро обтираюсь всухую и натягиваю последний комплект условно чистой одежды.

Не могу понять, в чем дело, но сегодня как будто что-то изменилось.

Я ощущаю странную... легкость? Не знаю. Просто...

И тут меня осеняет. Впервые за даже не знаю сколько времени я совершенно не испытываю страха.

Я наслаждаюсь этим чувством, погружаюсь в него, позволяю ему пропитать меня насквозь, до самых костей, как вдруг раздается писк окуляра.

<Команд-1>: Немедленно явитесь в кабинет командования.

<Команд-1>: Невыполнение приказа до 09:00 будет расценено как дезертирство.

Ну что ж. Порадовался, и будет.

Я не тороплюсь отвечать на вызов Маршалла. Мне в целом ясно, что он собирается мне сказать, и я не хочу этого слышать.

В 08:59 я открываю дверь в кабинет Маршалла. Он сидит откинувшись на спинку кресла и сложив руки на животе; на губах играет еле уловимая улыбка.

Интересно. Не совсем то, чего я ожидал.

— Барнс, — кивает он. — Присаживайтесь.

Я вхожу в кабинет, закрываю за собой дверь и придвигаю стул к столу.

— Доброе утро, сэр. Вы хотели меня видеть?

— Да, — говорит он. — Хотел. Прежде всего, чтобы извиниться перед вами.

Надо сказать, совсем не то, чего я ожидал.

— Похоже, что вчера, — продолжает командор, — я... не совсем верно оценил ситуацию. Узнав, что вы оставили наше устройство этим существам и к тому же объяснили им, как им пользоваться, я...

— Как я уже говорил, сэр, — перебиваю я, — я не оставлял им устройство. Они забрали рюкзак у Восьмого, когда убили его. Мне пришлось объяснить им, что это за устройство и как оно действует, чтобы они его случайно не активировали.

Он кивает.

— Вы упомянули об этом. Я, естественно, предположил, что ползуны немедленно обратят наше оружие против нас. Однако уже тот факт, что мы сидим здесь и ведем этот разговор, доказывает, что я ошибался. Я ошибался, а вы были правы. Поэтому еще раз прошу прощения. Вчера мне не стоило так остро реагировать.

— Это когда вы пытались заставить Кошку и Лукаса убить меня?

Правый глаз у командора дергается, но он сохраняет самообладание.

— Да, Барнс. Это было неправильно. Мне жаль.

— Хорошо. Извинения приняты.

— Отлично, — говорит он. — Вы великодушнее многих.

Он наклоняется через стол и протягивает мне руку. После секундного колебания я жму ее.

— Итак, — говорю я, когда он отпускает мою ладонь и снова откидывается в кресле. — Э-э... разговор окончен, сэр?

— Ну-у, — тянет Маршалл, и его улыбка становится шире, — не совсем. Теперь, когда, к счастью, у нас все вернулось в норму, для вас появилась работа.

Отлично. Приехали.

— Работа, сэр?

— Да, — кивает он. — Если предположить, что впредь наши новые друзья будут сидеть в своих туннелях и держаться подальше от нашего купола — а я надеюсь, мы можем это предположить, — то нам всем пора вернуться к обеспечению выживания колонии. Вы так не думаете?

Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— Да, сэр. Полагаю, вы правы.

— Хорошо, хорошо. Я уверен, вы и сами догадались, что производство этих двух... устройств пробило изрядную брешь в нашем резерве антивещества. Пополнить запас топлива в обозримом будущем нам не светит, и мне, наверное, не нужно рассказывать, что случится со всеми нами, если электростанция остановится.

— Да, — говорю я, — не нужно.

Командор наклоняется ко мне, облокотившись на стол, в этот момент он больше похож на продавца, пытающегося заключить сделку.

— Половина антивещества, которое мы изъяли из двигателя, конечно, потеряна безвозвратно. Тут уже ничем не поможешь. Однако жизненно важно, чтобы антиматерия из того устройства, которое вы принесли обратно, вернулась в хранилище.

Ах, вот оно что.

— Вы ее достали оттуда, — говорю я, — вам и возвращать. Просто проделайте все то же самое, только в обратном порядке.

Теперь Маршалл пытается состроить огорченный вид, но у него ничего не получается.

— К сожалению, это невозможно. Мы добыли элементы топлива, используя обычный приводной механизм подачи. Уверен, вам известно, что он работает только в одном направлении. Механизма наружной загрузки пузырьков в активную зону не существует. Боюсь, это придется проделать вручную, изнутри.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

Какова сила нейтронного потока в хранилище антивещества? Не помню, чтобы Джемма мне об этом рассказывала, но, полагаю, цифры очень велики.

— Не волнуйтесь, — говорит командор, — я не буду просить вас выгружать сознание ни до, ни после. Вы ничего не запомните.

— Никакой выгрузки данных?

Он кивает:

— Совершенно верно.

— Знаете, я не загружался с того времени, как в последний раз вышел из бака. Если я последую вашему совету, получится, будто этой части меня никогда не существовало.

— Ерунда, — отмахивается Маршалл. — Эта ваша часть, как вы ее называете, спасет колонию. И мы будем помнить об этом, даже если вы забудете. — Он смотрит на свои сложенные руки, а когда снова поднимает взгляд, в нем мелькает нечто вроде искренней теплоты. — Понимаю, что вы слышите такие слова не слишком часто, но правда заключается в том, что вы уже не раз спасали колонию и наверняка еще не раз спасете в будущем. Мы перед вами в неоплатном долгу. От

имени всех колонистов я говорю вам спасибо, Микки. Ваше мужество нас вдохновляет.

Микки. Впервые за девять долбанных лет он назвал меня Микки.

Ага, как же, мое мужество их вдохновляет.

Да пошел ты, Маршалл.

Я отодвигаю стул и встаю.

— Нет.

Искренность сползает с лица командора, как маска, почти мгновенно сменяясь чистой яростью.

— Что-о?!

— Нет, — повторяю я. — Я не полезу в реактор. Вы, очевидно, как-то планировали дальнейшее выживание колонии без обеих частей топлива, когда отправили нас в туннели, вот и вернитесь к этому плану. Или отправьте дрон, чтобы замести следы потенциального военного преступления и вернуть бомбу обратно. Или сами выгружайте антимастирию в двигатель, мне все равно. Но я этого делать не буду.

Теперь вскакивает и командор; лицо у него темнеет, а глаза сужаются в щелочки.

— Вы сделаете это, — шипит он, — или, бог свидетель, я сотру вашу матрицу и все записи о вас с серверов и собственными руками засуну ваш последний экземпляр в люк для трупов.

Теперь, когда решение принято, тяжесть, которой я даже не осознавал, внезапно падает у меня с плеч. Я будто парю в невесомости.

— Можете стирать мои данные с сервера, Маршалл. Вообще-то я даже попрошу вас об этом, потому что с нынешней минуты ухожу в отставку с должности расходника колонии. Найдите мне замену, если сможете. Хотя, если честно, мне все равно. Но вы меня не убьете, потому что я ваша единственная связь с ползунами, а вы вчера по собственной глупости подарили им бомбу из антивещества. Пусть ваши люди попробуют хоть пальцем меня тронуть — и я сообщу ползунам, что перемирие отменяется.

Он беззвучно открывает рот, закрывает, снова открывает.

Я ничего не могу с собой поделать и раздражаюсь хохотом.

— Вы не посмеете, — наконец умудряется выдать командор, когда я нахожусь уже на полпути к двери.

— Я умирал семь чертовых раз, — бросаю я через плечо. — Это на шесть раз больше, чем нужно. Не рассказывайте мне, чего я не

посмею.

Я даже не утруждаюсь закрыть за собой дверь.

* * *

— Привет, приятель. Как дела?

Я поднимаю глаза от тарелки со сверчками и бататом. Берто ставит поднос на стол напротив меня и падает на скамейку.

— А, — говорю я, — это ты.

— Ага, — кивает он. — Слышал, ты уволился.

Я пожимаю плечами:

— Вроде того.

— Охренеть! — восклицает он. — Я и не знал, что можно уволиться.

— Нельзя, — говорю я. — Но у меня преимущество: я могу шантажировать Маршалла бомбой из антивещества.

Берто накалывает кусок на вилку, жует и глотает. Я молча продолжаю есть, когда он вдруг замечает:

— Снова перешел на твердую пищу, а?

— Да, — соглашаюсь я. — Мне ведь больше не нужно делиться пайком.

— Ой, — говорит Берто. — Верно.

— Ничего.

Мы продолжаем есть в тишине целую минуту — достаточно, чтобы молчание стало неловким, если бы меня еще заботило.

— Я рад, что ты вернулся, — наконец произносит он.

Я поднимаю на него взгляд.

— Спасибо, наверное. Тебе хотя бы не придется на ходу сочинять для Девятого байки о моей кончине, верно?

Вот это явно его задевает, потому что он морщится.

— Я же сказал, что сожалею об этом.

— Да, — говорю я. — Сказал.

Мы молчим еще полминуты. Я почти доел, а Берто так и не притронулся к своей порции.

— Слушай, — говорит он. — Между нами все... нормально?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох, выдох. Когда я открываю их снова, Берто продолжает выжидающе смотреть на меня. Я наклоняюсь к нему через стол. Он тоже наклоняется ко мне.

Я коротко замахиваюсь и бью ему в глаз со всей силы, да так, что обдираю себе костяшку, а у него голова откидывается назад.

— Да, — говорю я. — Все отлично.

Я встаю, беру поднос и ухожу. Когда я уже в дверях оглядываюсь на Берто, он продолжает смотреть на меня с открытым ртом, положив руки ладонями на стол. Под глазом у него наливается красивый фингал.

Я знаю, что это расхожий штамп, ну и пусть: сегодня первый день остатка моей жизни.

Оказывается, на Нифльхейме бывает весна. Кто бы мог подумать?

Примерно через год после нашего приземления температура воздуха начинает повышаться, а снег — таять. Проходит еще несколько недель, и мы впервые видим голую почву. Через месяц она покрывается лишайником.

Кажется, ни у кого нет исчерпывающего объяснения, почему это происходит. Орбита Нифльхейма почти круглая, а наклон оси вращения незначителен. Теоретически здесь не должно быть смены сезонов. Лучшее из высказанных предположений состоит в том, что наше Солнце является переменной звездой и в данный момент ее цикл находится на подъеме.

Вы, конечно, сейчас подумали, что планировщики миссии на Мидгарде должны были выяснить такое заранее. В конце концов, они наблюдали за планетой почти тридцать лет, прежде чем отправить сюда нашу экспедицию. Немного покопавшись в отчетах, я обнаружил, что на Нифльхейме и вправду наблюдались периодические колебания излучения. Данные были довольно подробно задокументированы. Однако изменение параметров не приписали звезде, потому что никто не смог подвести под них твердую теоретическую базу с точки зрения астрофизики. Вместо этого ученые сделали вывод, что колебания излучения как-то связаны с пылевыми облаками в межзвездной среде, и отправили дело в архив. Вот почему все решили, что нам здесь будет тепло и приятно. Они думали, что при замерах высокие показатели излучения отражают реальную картину, а низкие обусловлены помехами.

Ученые ошиблись.

Поначалу все были довольны переменной погоды, пока один парень из физического отдела не высказал опасения, что нам может грозить другая крайность и вскоре из-за жары мы начнем вариться в собственном соку.

Жуткая мысль, к счастью, не подтвердилась. Спустя несколько месяцев температура установилась на отметке где-то между бодрящей свежестью и приятным теплом, и в конечном счете сотрудикам

сельскохозяйственного отдела даже удалось разбить огород на открытом грунте за пределами купола.

Примерно в то время, когда наши товарищи колонисты наконец начали хоть немного времени проводить на свежем воздухе и поговаривать об оживлении первой партии эмбрионов, а большинство вроде как вообще забыло о ползунах, я приглашаю Нэшу на прогулку.

Мы по-прежнему вынуждены носить ребризеры. С тех пор, как в открытом грунте начали расти зеленые растения, парциальное давление кислорода стало медленно, но неуклонно повышаться, но изменений пока недостаточно, чтобы люди могли выжить в местной атмосфере без специального оборудования — если такое, конечно, вообще когда-нибудь произойдет. Мы не знаем, сколько времени продлится сезон. Могут пройти годы, или тепло закончится завтра.

Но сегодня выдался отличный денек для похода.

— Куда отправимся? — спрашивает Нэша, когда Лукас машет нам рукой, выпуская за периметр.

— Не все ли равно? Лишь бы подальше от купола.

Она берет меня за руку, и мы идем.

На Мидгарде есть огромная пустыня, которая обнимает экватор и простирается почти на всю ширину единственного континента. На обширных участках суши долгими годами не выпадало ни капли дождей. Однако изредка, когда возникали подходящие погодные условия, откуда ни возьмись налетала гроза, и буквально за пару дней на пустынную землю и в пересохшие русла рек выливался годичный объем воды. И тогда мы воочию убеждались, что пустыня полна жизни, которая только и ждет, чтобы пойти в рост при первой же возможности. Растения чуть ли не мгновенно выпрыгивали из раскисшей почвы, а животные выходили из спячки, чтобы есть, пить, охотиться и спариваться.

Биосфера Нифльхейма, видимо, приспособлена к похожим условиям. Всего два месяца, как сошел снег, а лишайники уже уступили место какой-то траве, и кое-где даже начали прорасти древесные кустарнички. Появились и животные — в основном маленькие червеобразные существа, поразительно напоминающие ползунов, но подальше от купола я замечаю зверушку вроде восьминогой рептилии, загорающую на голом выступе скалы.

Когда я показываю на нее Нэше, она хмурится и кладет ладонь на рукоять огнемета, который, конечно же, взяла с собой.

— Да брось ты, — говорю я. — Посмотри, какая симпатичная.

Нэша косится на меня и все-таки, недоуменно покачав головой, опускает руку.

Мы шагаем дальше.

Примерно через пять минут я останавливаюсь, чтобы сориентироваться. Прошло много времени, и без снега ландшафт выглядит по-другому. Нэша отступает назад, скрещивает руки на груди и склоняет голову набок.

— Это ведь не просто прогулка?

Я улыбаюсь за щитком дыхательного аппарата:

— Угадала. Мне нужно кое-что проверить.

Теперь у меня есть ориентир. Мы поднимаемся по склону холма, затем спускаемся в овраг, который закрывает от нас купол.

— Ты уверен, что нам сюда? — беспокоится Нэша. Я оглядываюсь на нее: рука снова лежит на прикладе огнемета. — Похоже, здесь начинается страна ползунов.

— Да, — киваю я. — Вообще-то, мы недалеко от входа в их туннели.

— Ладно, — говорит Нэша. — И для чего мы здесь?

— Я же сказал: надо кое-что проверить.

Нужное место я нахожу не сразу. Валун, который я выбрал в качестве ориентира, наверное, удерживался на месте льдом, или просто скатился вниз по склону из-за таяния снега. В любом случае он валяется внизу, в двадцати метрах от того места, где находился раньше. Но я все-таки узнаю его, и после этого мне уже несложно вернуться обратно к небольшому каменному уступу, на котором я отдыхал, когда выбрался из туннелей. Под ним навалены горкой камни поменьше. Я встаю на колени и начинаю их разбирать.

— Микки, — говорит Нэша, — ты не хочешь мне сказать, что именно мы здесь делаем?

Хочу, но в этом нет необходимости, потому что я почти разобрал груду камней и обнажил полое пространство под каменным уступом.

— Срань господня! — восклицает Нэша.

Я оглядываюсь на нее, чтобы оценить реакцию. Нэша удивлена, но не напугана, да и убивать меня вроде пока не собирается. Я

считаю — это хороший знак. Осторожно просунув руку в темное пространство, я вытаскиваю на свет божий рюкзак Восьмого.

— Ах ты... изворотливый сукин сын, — говорит Нэша.

Я смеюсь:

— Ты же не думала, что я оставил бомбу ползунам?

Она садится на корточки рядом со мной, протягивает руку и проводит ладонью по верхнему клапану рюкзака.

— Он... заряжен?

— Внутри достаточно антимагии, чтобы полностью выжечь все живое в городе средних размеров, если ты об этом.

Она отдергивает руку.

— Не волнуйся, — успокаиваю я. — Пока пузырьки не повреждены, антивещество находится в другой вселенной. Оно нас не тронет.

— А вдруг часть из них испортилась?

Я снова смеюсь:

— Поверь, мы бы уже об этом узнали.

— Зачем, Микки?

— Что зачем? Зачем я припрятал смертельное оружие, словно пиратский клад?

— Да, — говорит Нэша.

Качнувшись назад, я тоже сажусь на корточки и поворачиваюсь к ней:

— Видишь ли, дело вот в чем. Если бы я и в самом деле оставил бомбу ползунам, как и сказал Маршаллу, у них мог возникнуть соблазн ею воспользоваться. Если честно, к тому моменту мне было наплевать на большинство обитателей купола, но...

Она улыбается:

— Но что, Микки?

— Знаешь, — говорю я, — я бы скорее позволил Маршаллу сбросить меня в рециклер, чем допустил, чтобы с тобой случилась беда.

— Ладно, — соглашается она, — это я могу понять. Но почему ты не вернул бомбу?

— Ну, тут все просто. Если бы я вернул командору обе бомбы, он сначала убил бы меня на месте, а затем послал в туннели Девятого, чтобы закончить начатый геноцид. И я, и ползуны до сих пор живы и

здоровы по одной простой причине: Маршалл считает, что я единолично удерживаю их от нападения на купол.

— Наверное, ты прав, — говорит она. — Но тогда я не понимаю, как ползуны позволили тебе уйти с обеими бомбами? Разве они не беспокоились о равновесии сил или вроде того?

Я смеюсь пуще прежнего.

— Ты серьезно? Неужели ты думаешь, что я рассказал им про бомбы, которые мы с Восьмым захватили с собой? Про то, что мы явились к ним домой с намерением совершить геноцид? Да брось, Нэша. Пусть я не гений, но и не настолько тупой.

Кажется, мои слова ее озадачивают. Видимо, она действительно считала меня тупым.

— Тогда что ты сказал ползунам?

— Конечно, из-за языкового барьера общаться было нелегко, но я попытался объяснить, что мы шпионы. Разведчики. О рюкзаках ползуны вообще не спрашивали. Да они и не слишком похожи на апокалиптическое оружие, разве нет?

— Да, — соглашается Нэша, — не слишком.

Я задвигаю рюкзак обратно в углубление, а затем аккуратно закладываю камнями, пока ниша снова не пропадает из виду. Закончив, я встаю и отступаю на несколько шагов, чтобы оценить свою работу.

— Как думаешь, — спрашиваю я Нэшу, — никто его не найдет?

Она пожимает плечами:

— Пусть пока лежит здесь. Но потом, наверное, придется перепрятать. У тебя есть долгосрочный план или ты собираешься дожидаться, пока кто-нибудь случайно не наткнется на твой клад и не убьет всех нас к чертовой матери?

Я вздыхаю:

— Мой план состоял в том, чтобы дожидаться смерти Маршалла, а потом вернуться сюда, забрать рюкзак и рассказать новому командору, что ползуны решили вернуть бомбу в качестве жеста доброй воли.

— Ты шутишь?

— Нет, я серьезно. Если у тебя есть идея получше, готов тебя выслушать.

Нэша долго смотрит на меня, затем отрицательно качает головой:

— Другой идеи у меня нет. Но сколько придется ждать? Маршалл что, болен?

— Насколько мне известно, нет.

Она берет меня за руку.

— А у тебя есть запасной план на тот случай, если он не умрет?

— Нет.

Другой рукой она гладит меня по щеке и наклоняется, чтобы поцеловать.

— Ты точно не гений, — мурлычет она, отпускает мою руку и поворачивается, чтобы вылезти из оврага наверх. — Хорошо хоть, симпатичный.

Я еще раз оглядываюсь на тайник с бомбой. Это просто нагромождение камней, ничем не отличающееся от других таких же нагромождений камней, покрывающих девяносто процентов планеты.

Но вдруг тайник недостаточно надежен?

Да и Маршалл выглядит вполне здоровым.

Ладно, пока сойдет и так.

Бросив на горку камней последний взгляд, я оставляю улики нашего потенциального военного преступления позади.

И лезу вслед за Нэшей из тенистого ущелья наверх, к солнцу.

Благодарности

Список всех, кто поучаствовал в создании этой книги, получится длинным. И наверняка я о ком-нибудь забуду. Если за бортом окажетесь вы, искренне рассчитываю на ваше прощение. Вы и сами знаете, что я не настолько умен, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, само собой разумеется, приношу глубочайшую благодарность Полу Лукасу и всем добрым людям из *Janklow & Nesbit*, без чьего руководства и поощрения я, скорее всего, бросил бы это дело на полпути, а также Майклу Роули из *Rebellion Publishing* и Майклу Хомлеру из *St. Martin's Press*, не побоявшимся рискнуть и опубликовать странную книжонку, написанную никому не известным автором.

Во-вторых, хотя в этом случае мои причины чуть менее очевидны для широкой публики, хочу выразить сердечную благодарность Наве Вульф, которая прочла эту историю еще в виде уныло-депрессивного рассказа и побудила меня переработать сюжет в куда более жизнеутверждающий роман. Нава, если ты прочитаешь опубликованную книжку, то наверняка найдешь на ней свои отпечатки пальцев и, надеюсь, одобришь окончательный вариант.

Кроме того, я безмерно благодарен следующим людям (в случайном порядке):

- Кире и Клэр за суровую, но справедливую критику первых черновиков рукописи;
- Хизер, которая бесконечно покупала мне шезлонги, оплачивая их моей же кредиткой;
- Энтони Табони, будущему президенту моего зарождающегося фан-клуба;
- Терезе, Крейгу, Ким, Аарону и Гэри, которые мужественно перечитывали каждую новую версию романа (исправленную и дополненную) и ни разу не сказали мне: хватит править, остановись;
- Карен Фиш, научившей меня быть писателем;
- Джону, который великодушно предоставил мне в своем лице испытательный полигон для обкатки любых литературных идей и

давал честную обратную связь;

- Микки, который даже не разозлился на меня за то, что я сначала сделал из него героя, а потом убил несколько раз подряд;

- Джеку, который помогал мне умерить раздутое самомнение, когда меня слишком заносило;

- Джен, которая все-таки соизволила прочитать рукопись до публикации;

- Макс и Фрейе, которые не позволяли мне забыть о том, что по-настоящему важно в этой жизни.

Как я и предупреждал, список далеко не полный. Без помощи и поддержки всех, кого я перечислил выше, а также множества не упомянутых здесь людей книга никогда не увидела бы свет. Спасибо, друзья. И до новых книг! Согласны?

notes

Примечания

1

Пригодная для жизни область вокруг звезды, где на планетах вода способна существовать в жидкой форме.

2

Радикальное ответвление протестантизма.

Вернер фон Браун (1912–1977) — немецкий и американский конструктор ракетно-космической техники.

Джон Лок (1632–1704) — английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма.

От англ. *SQUID* (*Superconducting Quantum Interference Device*) — сверхпроводящий квантовый интерферометр, в букв. переводе «кальмар».

«Исчезнувшая» английская колония времен Елизаветы I на одноименном острове в Северной Америке.

7

Посттравматическое стрессовое расстройство.

Формальный повод для объявлений войны (*лат.*).

9

Вид скалолазания — лазание по валунам.

10

Одна триллионная (10^{-12}) секунды.

Далекое расстояние, а также ничтожный шанс (*англ.*).